

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Министерство внутренних дел Российской Федерации
Московский университет Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени В.Я. Кикотя

**КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРАВА И СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА
КАК ВЫСШАЯ ЦЕННОСТЬ ГОСУДАРСТВА
И ОБЩЕСТВА**

**Всероссийская
научно-практическая конференция
(8 декабря 2022 г.)**

Сборник научных трудов

1 электронный оптический диск (CD-R)
Текстовое электронное издание

Научное электронное издание

Москва
Московский университет
МВД России имени В.Я. Кикотя

© Московский университет
МВД России имени В.Я. Кикотя, 2023
ISBN 978-5-9694-1423-5

УДК 342.7
ББК 67.400.32
К65

Рецензенты:

начальник кафедры конституционного и международного права
Нижегородской академии МВД России
кандидат юридических наук, доцент **Н. А. Трусов**;
начальник кафедры конституционного и международного права
Омской академии МВД России
доктор юридических наук, доцент **М. А. Бучакова**

Составитель *С. О. Харламов*

К65 Конституционные права и свободы человека как высшая ценность государства и общества: Всероссийская научно-практическая конференция, 8 декабря 2022 г.: сборник научных трудов / [сост. С. О. Харламов]. – М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2023. – 275 с. – 1 электронный оптический диск (CD-R). – Системные требования : CUP 1,5 ГГц ; RAM 512 Мб ; Windows XP SP3 ; 1 Гб свободного места на жестком диске.
ISBN 978-5-9694-1423-5

Сборник научных трудов подготовлен по итогам Всероссийской научно-практической конференции «Конституционные права и свободы человека как высшая ценность государства и общества», проведенной 8 декабря 2022 г. на базе Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Издание адресовано преподавателям, адъюнктам, курсантам и слушателям образовательных организаций МВД России, а также преподавателям, студентам, аспирантам, докторантам юридических образовательных организаций высшего образования. Может представлять интерес для практических сотрудников правоохранительных органов.

Научное электронное издание

Минимальные системные требования: CPU 1,5 ГГц; RAM 512 Мб;
Windows XP SP3; 1 Гб свободного места на жестком диске

© Московский университет
МВД России имени В.Я. Кикотя, 2023

Издание подготовлено
с помощью программного обеспечения Microsoft Word

Компьютерная верстка *Табунова Е. А.*

Подписано к изданию 15.05.2023
Объем издания: 3077 Кб
1 электронный оптический диск (CD-R)

ISBN 978-5-9694-1423-5

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя
117997, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12
<https://мосу.мвд.рф>, e-mail: support_mosu@mvd.ru

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Алиева Ю. С.</i> Понятие безопасности дорожного движения	8
<i>Бастрыкин А. И.</i> Конституционные права и свободы человека как высшая ценность государства и общества	13
<i>Безъязыкова Н. П.</i> Общая характеристика административных правонарушений, связанных с незаконным потреблением наркотических средств и психотропных веществ	20
<i>Горшенева И. А., Васильева Э. С.</i> Современная система защиты прав человека в Великобритании	29
<i>Гончаров И. В.</i> Генезис традиционных ценностей в условиях либеральной демократии	36
<i>Досакаев А. Б.</i> Конституционно-правовой статус коренных малочисленных народов России: специфика научного дискурса	40
<i>Зайцев С. А.</i> Обеспечение уважения прав и свобод человека в контексте принятия государствами мер по борьбе с пандемией Covid-19: европейский опыт	45
<i>Зайцева С. Е., Агеева С. Е.</i> Приоритет прав человека в правовом государстве	52
<i>Арикбаева А. Р.</i> Основные тенденции эволюции прав человека в современном обществе	58
<i>Зокиров Т. З.</i> Административно-правовая защита права граждан на охрану здоровья: федеральный и региональный аспекты	63
<i>Иванова Е. И.</i> Соблюдение прав граждан с нарушениями слуха в условиях инклюзивного общения с сотрудниками органов внутренних дел	69
<i>Алексич Е. В., Калейник Е. А.</i> Признание и защита прав человека как одна из основных функций государства	73
<i>Клементьева В. С.</i> К вопросу о цифровых правах и особенностях их конституционализации	76

<i>Харламов С. О., Корнилова Е. С.</i> Мобилизация законодательной деятельности в сфере обеспечения прав и свобод человека и гражданина в современных условиях.....	78
<i>Короткова Г. О., Кудрявцев Д. А.</i> Конституционный совет и особенности института конституционных прав граждан во Франции.....	82
<i>Соловьев А. О.</i> Развитие института прав человека и гражданина во Франции	86
<i>Котылева Ю. В., Богачева К. С.</i> Юридические коллизии как инструмент нарушения прав и свобод человека	90
<i>Прудников А. С., Кузьмина О. Н.</i> Применение и использование цифровых технологий органами публичной власти: конституционно-правовой аспект	94
<i>Маренкова С. В., Самсонова А. В.</i> Права и свободы человека и гражданина как высшая ценность в Конституции Российской Федерации и Билле о правах США	97
<i>Буравлева А. К., Остапчук Б. А.</i> Права человека в рамках международного права: средства и методы их осуществления	101
<i>Редкоус В. М.</i> Проблемы правового регулирования обеспечения личной безопасности в современных условиях	106
<i>Сандугей А. Н.</i> О трансформации конституционного института множественности гражданства в условиях формирования современного российского общества	112
<i>Симонов К. А.</i> Новые вызовы на пути реализации прав человека в современном обществе	116
<i>Симонова А. Е., Левкина Е. С.</i> Актуальные проблемы реализации прав человека в условиях распространения биологически опасных веществ (на примере Covid-19).....	122
<i>Серебрякова О. М., Слепов Д. Н.</i> Соблюдение норм международного права в области прав человека: концепция, методология, проблемы	126
<i>Донская М. В., Долженкова А. А.</i> Конституционно-правовой статус Общественной палаты Российской Федерации	131

<i>Ронин В. С., Вельянинова М. Т.</i> Конституционно-правовой статус личности в Российской Федерации	137
<i>Асеева М. А.</i> Конституция Российской Федерации: проблема пересмотра и поправок	141
<i>Шкатова К. А.</i> Процедура законодательного процесса в Российской Федерации	145
<i>Кукушкина Е. А.</i> Оценка Ганса Кельзена Конституционного Суда как «негативного законодателя»	150
<i>Малихова П. О.</i> Право на жизнь и на смерть в современной действительности: конституционно-правовые аспекты	154
<i>Опанасенко В. А.</i> Миграционные процессы как вызов современности	157
<i>Перегудова А. П.</i> Сущность особых конституционно-правовых режимов	161
<i>Филиппова В. А.</i> Проблемы теории чрезвычайного положения	165
<i>Смирнов Р. В.</i> Социальное правовое государство как конституционная ценность	168
<i>Спаская К. Н.</i> Сравнительный анализ соблюдения и защиты прав человека в Российской Федерации и Германии	173
<i>Зинченко Е. Ю., Воробьев В. Ф., Хазов Е. Н.</i> Охрана и защита прав и свобод человека и гражданина правоохранительными органами в условиях специальных правовых режимов	176
<i>Кузнецов М. С.</i> Позиции КС по вопросу принятия новых субъектов в состав Российской Федерации	181
<i>Суюнчалиева О. Т.</i> Исторические особенности проведения оперативно-сыскной работы по регулированию миграционными процессами в Российской империи	185
<i>Трусов Н. А.</i> Отказ от равного гражданства как правовое последствие конституционного реформирования и отечественного конституционного опыта	191

<i>Трусов Д. П.</i>	
Права человека и их пределы: правовые перспективы Конституции для Европы	198
<i>Усанов Д. О.</i>	
Влияние изменений в конституционном законодательстве Российской Федерации на деятельность органов внутренних дел в сфере обеспечения прав человека.....	202
<i>Хазова В. Е., Куликов К. Ю.</i>	
Основные направления и принципы взаимодействия Администрации Президента Российской Федерации с органами публичной власти в современной России.....	205
<i>Цируль О. В.</i>	
Языковая адаптация иностранных граждан в Российской Федерации на современном этапе: проблемы, пути решения	209
<i>Черменева С. Д.</i>	
Конституционно-правовые основы реализации прав соотечественников, проживающих за рубежом.....	215
<i>Червонюк В. И.</i>	
Публичные власти и должностные лица публичного права (публичные должностные лица) в механизме властвования	220
<i>Чурочкина А. А., Серебряков С. В.</i>	
К вопросу о правовом регулировании прав и свобод трудящихся-мигрантов в Российской Федерации	232
<i>Шарифзода П. Р.</i>	
О совершенствовании концептуальных основ охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности в Республике Таджикистан с учетом зарубежного опыта правового регулирования	236
<i>Ерчева Л. Р., Школьников Н. С.</i>	
Свобода вероисповедания как институт в различных странах	245
<i>Шубочкин О. Н.</i>	
Актуальные вопросы правового регулирования деятельности органов внутренних дел в области миграционного учета	248
<i>Белянская Л. И.</i>	
Право некоммерческих организаций как форма конституционной свободы объединений.....	255
<i>Силуянова П. П.</i>	
Обеспечение конституционных прав и свобод личности при задержании подозреваемого и применение мер пресечения.....	268
<i>Егоров С. А.</i>	
Ускорение темпов социального развития: причины и последствия	273

*Алиева Ю. С.¹,
адъюнкт кафедры управления деятельностью подразделений
обеспечения охраны общественного порядка
центра командно-штабных учений
Академии управления МВД России*

ПОНЯТИЕ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

Совершенствование всего круга общественных отношений в области государственного управления [1–3] требует первоочередного внимания к области охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности [4–6], а также тесно связанными вопросами обеспечения безопасности дорожного движения [7–10].

Федеральный закон от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» [11] (далее – ФЗ о БДД) является базовым законом, определяющим правовые основы обеспечения безопасности дорожного движения на территории Российской Федерации. Его задачами являются:

- охрана жизни, здоровья и имущества граждан;
- защита прав и законных интересов граждан;
- защита интересов общества и государства путем предупреждения дорожно-транспортных происшествий, снижения тяжести их последствий.

Дорожное движение в ст. 2 ФЗ о БДД определено как «совокупность общественных отношений, возникающих в процессе перемещения людей и грузов с помощью транспортных средств или без таковых в пределах дорог», безопасность дорожного движения – «состояние данного процесса, отражающее степень защищенности его участников от дорожно-транспортных происшествий и их последствий», а обеспечение безопасности дорожного движения – «деятельность, направленная на предупреждение причин возникновения дорожно-транспортных происшествий, снижение тяжести их последствий».

Участник дорожного движения, в соответствии со ст. 2 ФЗ о БДД, – это «лицо, принимающее непосредственное участие в процессе дорожного движения в качестве водителя транспортного средства, пешехода, пассажира транспортного средства», а дорожно-транспортное происшествие – «событие, возникшее в процессе движения по дороге транспортного средства и с его участием, при котором погибли или ранены люди, повреждены транспортные средства, сооружения, грузы либо причинен иной материальный ущерб».

По мнению автора, закрепление содержания основных терминов является обязательным в современном законодательстве, поскольку помогает обеспечить единообразное понимание всеми участниками складывающихся общественных отношений употребляемых понятий, что обеспечивает единообразное применение законодательства, способствует уважению и соблюдению прав и свобод человека и гражданина, обеспечению законности в деятельности органов внутренних дел.

¹ © Алиева Ю. С., 2023.

Наличие легальной дефиниции не лишает смысла доктринальные попытки разработки более объемного определения, предпринимаемые в науке административного права с учетом сложности анализируемого феномена и достигнутого уровня развития юриспруденции. В рамках юридической доктрины в наиболее общем виде дорожное движение определяется как процесс перемещения транспортных средств по специально выделенным для этого путям сообщения (дорогам). В. В. Лукьянов делал акцент на урегулированности действий участников дорожного движения специальными правилами [12, с. 9], в то время как Г. И. Клинковштейн отмечал сложный и динамический характер дорожного движения, вовлекающий в себя действия пешеходов и различных типов (механических и немеханических) средств транспорта [13, с. 8].

Необходимо отметить, что вовлечение в процесс дорожного движения пешеходов не позволяет сужать его содержание исключительно до процесса перемещения в пространстве средств транспорта. Пешеходные переходы и тротуары являются составляющими элементами дорожных систем (за исключением шоссейных дорог), а движение транспорта осуществляется вдоль оси дорожного полотна. Значимым элементом дорожного движения становится его урегулированность специальными нормами и осуществление государственного контроля за процессом их соблюдения.

Наблюдаются попытки расширения его временных границ за счет включения подготовительных действий к процессу транспортной коммуникации (такая попытка предпринята, в частности, Р. И. Денисовым [14, с. 34]). Часто в этом случае понятие о дорожном движении определяется уже через категорию «общественных отношений», в круг которых и вовлекаются как непосредственно действия лиц по транспортному перемещению, так и подготовительные действия к нему. Вместе с тем они не гарантируют сами по себе начало процесса транспортного сообщения, а, следовательно, выступают условием, но не причиной его начала. В связи с этим подготовительный этап едва ли может быть обоснованно включен в объем рассматриваемого понятия.

Конкуренция между родовыми понятиями, через которые определяется сущность дорожного движения (процесс, деятельность, совокупность общественных отношений, удовлетворение потребности и др.), отражает специфику конкретного подхода к пониманию дорожного движения, сложную природу которого можно исследовать как с позиций отдельных дисциплин, так и в рамках междисциплинарного подхода. Административно-правовой подход должен оперировать традиционными для лексикона юридической науки категориями, раскрывающими, в первую очередь, правовую сущность рассматриваемого понятия. Для юридической науки как дисциплины социогуманитарного знания типичным является подход, в соответствии с которым сущность того или иного явления определяется через категорию общественных отношений, отдельные сферы (области) которых выступают в качестве предмета правового регулирования самостоятельных отраслей права.

В общетеоретическом смысле безопасность трактуется как особое состояние защищенности, характеризующееся отсутствием вреда от внутренних или внешних угроз. Безопасность дорожного движения отличается тремя основными особенностями:

- областью обеспечения (дорожное движение);
- социотехническим характером возникающих угроз;
- наличием отдельного режима правового регулирования (законодательство о безопасности дорожного движения).

Сочетание этих трех особенностей позволяет выделять безопасность дорожного движения от иных разновидностей безопасности. Вместе с тем, учитывая то обстоятельство, что транспортные средства отнесены к объектами повышенной опасности, их использования безотносительно вопросов сознательно принимаемых человеком решений сопрягается со значительными рисками для безопасности. В этом отношении дорожное движение по умолчанию является пространством актуализации повышенных рисков, которые берет на себя его участник (добровольный риск).

Весь объем угроз, т. е. потенциальных опасностей, для безопасности дорожного движения можно разделить:

- на социальные;
- технические.

Социальные угрозы принято также именовать человеческим фактором, т. е. такую детерминанту в дорожно-транспортном происшествии, которая заключается в принятии самим человеком неверных решения при взаимодействии с техникой. В них находят свое проявление организационные и личностные компоненты человеческого фактора [15, с. 98].

К техническим угрозам следует отнести все опасности, связанные с ненадлежащим функционированием механизмов транспортного средства и объектов инфраструктуры дорожного движения. Основным средством их предотвращения является соблюдение правил эксплуатации технических средств и проведение профилактических мероприятий по обеспечению их надлежащего функционирования. В свою очередь уровень безопасности дорожного движения определяется способностью ответственных лиц нейтрализовать возникающие риски и угрозы.

Исходя из вышеизложенного, под безопасностью дорожного движения предлагается понимать состояние защищенности участников дорожного движения, обеспечиваемое мерами административно-правового воздействия, направленного на нейтрализацию рисков и угроз, связанных с эксплуатацией автотранспортных средств.

Для четкого определения понятий в области обеспечения безопасности дорожного движения и определения их содержания необходимо осуществлять сравнительно-правовые исследования и использовать их результаты для развития современных представлений о дорожном движении и обеспечении его безопасности [16–19], а также в профессиональной подготовке сотрудников органов внутренних дел [20–22], что также будет способствовать обеспечению законности в деятельности органов внутренних дел [23–26].

Список литературы

1. Административное право Российской Федерации / [В. Я. Насонов и др.]. М. : Академия, 2003.
2. Административно-правовое регулирование в сфере экономики (современные формы и методы) / [Е. В. Виноградова и др.]. Воронеж : Научная книга, 2021.
3. Виноградова Е. В., Кобзарь-Фролова М. Н., Соколов А. Ю. 85 лет на службе государству и академической науке : краткий обзор международной научной конференции (8 октября 2021 г.) // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № S3-1. С. 12–20.
4. Административный процесс / [А. М. Воронов и др.]. М. : Академия управления МВД России, 2022.
5. Правовое регулирование публичных финансовых отношений в современной России / [М. Н. Кобзарь-Фролова и др.]. М. : Институт государства и права РАН, 2022.
6. Пестов Н. Н., Кирюхин В. В. Научное обеспечение деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации в сфере транспортной безопасности // Транспортное право и безопасность. 2022. № 2 (42). С. 137–144.
7. Калюжный Ю. Н. Основные направления государственной политики в области обеспечения безопасности дорожного движения // Проблемы правоохранительной деятельности. 2016. № 1. С. 56–59.
8. Калюжный Ю. Н. Технологии искусственного интеллекта в сфере обеспечения безопасности дорожного движения: проблемы и перспективы // Юридические исследования. 2022. № 3. С. 33–41.
9. Россинский Б. В. Вновь о путях совершенствования законодательства об административных правонарушениях в области дорожного движения // Полицейское право. 2005. № 4 (4). С. 87–90.
10. Редкоус В. М., Смирнова Е. С., Зиганшин М. М. Современные проблемы административной ответственности в области дорожного движения и обеспечения его безопасности : монография. Рязань : Концепция, 2018.
11. Федеральный закон от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 50. Ст. 4873.
12. Лукьянов В. В. Безопасность дорожного движения. М., 1974.
13. Клинковштейн Г. И. Организация дорожного движения. М., 1975.
14. Денисов Р. И. Административный надзор в сфере дорожного движения. М., 1982.
15. Томилин А. Н. Человеческий фактор: понятие, сущность содержания, проблемы // Эксплуатация морского транспорта. 2015. № 3 (76).
16. Редкоус В. М. О необходимости актуализации сравнительно-правовых исследований законодательного обеспечения национальной безопасности в государствах – участниках СНГ // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения) : сборник статей. СПб. : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2022. С. 613–620.

17. Редкоус В. М. Теоретические основы использования сравнительно-правового метода в исследовании административно-правового обеспечения национальной безопасности в государствах СНГ // Глобализация – безопасность государства – национальные интересы: доктрина права и правовая жизнь : монография / под общ. ред. Р. В. Пузикова, В. Фэхлера. Тамбов : Принт-Сервис, 2020. С. 27–56.
18. Обеспечение транспортной безопасности в зарубежных странах : сравнительный анализ / [Н. Н. Пестов и др.]. М. : Академия управления МВД России, 2022.
19. Харламов С. О. Сравнительный анализ правовых основ взаимодействия органов местного самоуправления и органов внутренних дел в области охраны общественного порядка // Актуальные вопросы эволюции полицейского права как характерного типа Российского права : сборник статей. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2015. С. 240–246.
20. Редкоус В. М. Административно-правовое регулирование подготовки специалистов для федеральных органов исполнительной власти // Военное право. 2019. № 6 (58). С. 77–81.
21. Харламов С. О. Особенности подготовки кадров для полиции в ряде зарубежных стран (зарубежный опыт) // Актуальные вопросы эволюции полицейского права как характерного типа Российского права : сборник статей. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2015. С. 108–116.
22. Редкоус В. М. О некоторых вопросах совершенствования правового регулирования служебных и трудовых отношений в системе органов внутренних дел // Государственная служба и кадры. 2020. № 4. С. 19–21.
23. Харламов С. О., Шалыгина А. В. Обеспечение законности в деятельности полиции России на современном этапе // История полиции Орловской области (к 300-летию российской полиции) : сборник статей / под ред. И. В. Кольжанова. Орел: Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, 2018. С. 145–149.
24. Редкоус В. М. К вопросу об актуальных направлениях совершенствования правового регулирования общественных отношений в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Вестник Российского университета дружбы народов. 2006. № 1. С. 15–28.
25. ФСБ России. Правовое регулирование деятельности федеральной службы безопасности по обеспечению национальной безопасности Российской Федерации : научно-практический комментарий / [Л. К. Айвар и др.] ; под ред. В. Н. Ушакова, И. Л. Трунова. М. : Эксмо, 2006.
26. Правовое регулирование публичных финансовых отношений в современной России / [М. Н. Кобзарь-Фролова и др.]. М. : Институт государства и права РАН, 2022.

Бастрыкин А. И.¹,
*доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации*

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРАВА И СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА КАК ВЫСШАЯ ЦЕННОСТЬ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА

Тема конституционных прав и свобод человека как высшей ценности государства и общества в свете реалий современного мира имеет особую значимость. Западными странами, которые считают себя гегемоном, открыто попираются права и свободы человека, а руками украинских националистов уничтожается русский народ в Донбассе. Подобные действия являются более чем реальными угрозами человечеству. Международные институты, призванные обеспечивать права и свободы человека независимо от его пола, расы, национальности, языка, происхождения и вероисповедания, политизировались и стали слепы перед бесчинствами «коллективного Запада». Решения международных судебных органов давно не имеют ничего общего с правосудием.

В свете этого справедливым видится решение об отказе от исполнения в нашем государстве, вступивших в силу после 15 марта 2022 г., постановлений Европейского Суда по правам человека, который давно дискредитировал себя в связи с полной ангажированностью его работы, прозападной ориентацией и очевидной необъективностью выносимых решений.

Аналогичным образом дискредитировал себя Международный уголовный суд в Гааге. Так, по результатам расследования уголовного дела о событиях 2008 г., в Южной Осетии сделаны выводы о совершении преступлений исключительно вооруженными силами Южной Осетии против этнических грузин, а факты массовых убийств, увечий осетин и их вынужденного переселения с мест проживания были оставлены за рамками предмета судебного разбирательства. Указанные выводы сделаны вопреки неопровержимым доказательствам, которые были направлены Следственным комитетом прокурору Международного уголовного суда.

В настоящее время данный «судебный орган» пытается уличить Россию в агрессии против Украины, несмотря на очевидные и вопиющие факты, свидетельствующие о преступности нацистского киевского режима.

Как видно, международные органы, призванные защищать права и свободы человека, в настоящее время фактически не функционируют.

Следователи Следственного комитета Российской Федерации с 2014 г. занимаются расследованием преступлений украинских военных и националистов. Возбуждено уже более двух тысяч уголовных дел, в том числе в отношении представителей военного и политического руководства, силовых структур страны и членов радикальных националистических объединений. Более полутора тысяч из них — по фактам обстрелов мирного населения и гражданских объектов Донбасса.

¹ © Бастрыкин А. И., 2023.

Помимо ежедневных атак украинские военнослужащие и националисты буквально прикрываются людьми, не щадя женщин, детей и стариков, используют их в качестве «живого щита», размещая военную технику в непосредственной близости к гражданской инфраструктуре, ведя бои рядом с больницами, роддомами, укрываясь в жилищах. Расследуемые факты преступной деятельности представителей украинских силовых структур свидетельствуют о масштабных нарушениях прав и свобод человека, норм международного права, военных преступлениях, посягательстве на мир и безопасность человечества.

Следует отметить, что Следственный комитет Российской Федерации расследует указанные преступления, выполняя свои международно-правовые обязательства и строго соблюдая нормы национального права, позволяющие привлекать к уголовной ответственности иностранных граждан, совершивших преступления за пределами нашей страны.

В этой части используется международный опыт и методики, уже успешно апробированные при расследовании преступлений против советского народа и человечества в Великой Отечественной войне. Вершиной этой беспрецедентной работы, проведенной советскими следователями в сжатый срок, стал Нюрнбергский процесс, публично осудивший нацистов и продемонстрировавший всему миру неотвратимость наказания за совершенные злодеяния.

В настоящее время также видится необходимым формирование уголовного трибунала, призванного расследовать преступления киевского режима. С учетом политической обстановки в мире необходимо создание органа международной уголовной юстиции, решения которого не будут являться ангажированными недружественными России государствами. Деятельность такого судебного органа продемонстрировала бы мировому сообществу неизбежность ответственности за совершение международных преступлений против человечества, решимость России и подлинных партнеров нашей страны в искоренении нацизма, национализма и ксенофобии.

В соответствии с Конституцией Российской Федерации [1] государство призвано обеспечивать признание, соблюдение, защиту прав и свобод человека и гражданина (ст. 2). Реализация данной обязанности осуществляется с помощью органов публичной власти.

Следственный комитет Российской Федерации, являясь федеральным государственным органом, в своей деятельности строго придерживается конституционного принципа безусловной защиты прав и свобод человека и гражданина. Ежегодно в органы следствия поступает не менее полумиллиона обращений, при этом внимание уделяется каждому сигналу о фактах нарушения прав и свобод граждан и принимаются необходимые меры для их восстановления.

За 10 месяцев 2022 г. следователями Следственного комитета России окончено направлением в суды более 76 тыс. уголовных дел различных категорий, при этом особое внимание уделяется обеспечению конституционных прав потерпевших от преступлений на доступ к правосудию и компенсации причиненного ущерба (ст. 52 Конституции Российской Федерации). За указанный период следователи признали потерпевшими более 147 тыс. лиц. Активно принимались

меры к восстановлению их нарушенных прав и возмещению ущерба от преступлений. Удельный вес погашенного ущерба на стадии следствия показал устойчивую тенденцию к росту. Его размер составил более 240 млрд руб. Удалось увеличить сумму арестованного имущества, которая составила более 114 млрд руб.

Следует подчеркнуть, что вопросы уголовно-правовой охраны трудовых прав граждан находятся на постоянном контроле в Следственном комитете Российской Федерации. За 10 месяцев 2022 г. установлен ущерб по преступлениям, связанным с невыплатой заработной платы в сумме более 3,2 млрд руб. При этом в ходе следствия обеспечена выплата заработной платы в сумме более 2,9 млрд руб. Кроме того, на имущество обвиняемых стоимостью 779 млн руб. по ходатайству следователей наложен арест.

Говоря о высшей ценности прав и свобод человека и гражданина, не нужно забывать и об установленных обязанностях. Одна из таких обязанностей – платить установленные налоги и сборы (ст. 57 Конституции Российской Федерации). Внесенные в последние годы в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) изменения, повысившие размер сумм неуплаченных налогов, образующих уголовно наказуемое деяние, повлекли декриминализацию значительного числа налоговых деликтов.

Так, за последние десять лет в 30 раз увеличен размер суммы неуплаченных налогов, образующий деяние, предусмотренное ст. 199 УК РФ [2]. На этом фоне число поступивших в Следственный комитет Российской Федерации сообщений о налоговых преступлениях планомерно снижается, а соответственно, уменьшается число возбужденных уголовных дел данной категории. В связи с этим вряд ли есть основания для дальнейшей декриминализации противоправных деяний этой категории, что может привести не только к снижению превентивной роли уголовных запретов, но и уменьшению эффективности правовых механизмов по возмещению причиненного ими ущерба.

В 2021 г. ущерб по оконченным уголовным делам о налоговых преступлениях составил около 70 млрд руб. Комплексными мерами, принимаемыми следователями Следственного комитета Российской Федерации во взаимодействии с налоговыми органами и оперативными сотрудниками, удалось добиться общей суммы возмещения ущерба на уровне 61 % (43 млрд руб.), при этом наложен арест на имущество на общую сумму более 30 млрд руб.

При расследовании уголовных дел следственные органы ориентированы на неукоснительное соблюдение всех законных прав участников уголовного судопроизводства, обеспечение возможности осуществления этих прав (ч. 1 ст. 11 УПК РФ) [3], следователи взвешенно подходят к вопросу избрания подозреваемым и обвиняемым мер пресечения. В каждом случае они рассматривают варианты мер, не связанных с лишением свободы.

Говоря о конституционной практике по вопросам гражданства Российской Федерации нельзя не отметить современных особенностей, происходящих в стране миграционных процессов. За 10 месяцев 2022 г. на миграционный учет поставлены более 14 млн иностранных граждан и лиц без гражданства, что на треть больше, чем за аналогичный период прошлого года – 10,6 млн. Есте-

ственно, это повлекло увеличение количества преступлений, совершенных мигрантами. Как показывает следственная практика, одним из существенных условий, способствующих преступности иностранных граждан, является коррупция среди должностных лиц государственных органов, призванных осуществлять контроль за миграционными процессами.

Сфера предоставления миграционных услуг, оказываемых сотрудниками подразделений по вопросам миграции, содержит множество коррупционных рисков, обусловленных как недобросовестностью отдельных должностных лиц, менталитетом мигрантов, стремящихся уклониться от ответственности за совершенные правонарушения, включая выдворение из страны с последующим запретом на въезд, так и громоздкостью миграционного законодательства, сложностью разрешительных процедур, непрозрачностью механизма контроля за пребыванием иностранных граждан в стране.

При этом важно отметить, что анализ результатов работы следственных органов ведомства свидетельствует о высоком уровне криминогенности не только среди рядовых сотрудников подразделений по вопросам миграции, но и их руководства.

Особую общественную опасность представляют случаи, когда соответствующие руководители участвуют в организации незаконной миграции и даже возглавляют ее. Так, в Главном следственном управлении по Республике Крым и г. Севастополю расследовано уголовное дело в отношении восьми участников преступного сообщества, возглавляемого начальником отдела по вопросам миграции УМВД России по г. Ялте, которые на протяжении трех лет, с 2016 по 2019 г., вынуждали лиц, прибывших из Донецкой и Луганской народных республик, обращаться в подконтрольную им фирму для оформления разрешительных документов, а также требовали взятки за предоставление государственных услуг в сфере миграции, в том числе за оформление гражданства Российской Федерации. Злоумышленникам удалось нажить преступным путем имущество, многократно превышающее задекларированный ими доход. В связи с этим по иску прокуратуры с лидера преступного сообщества в доход государства взыскано движимое и недвижимое имущество стоимостью более 20 млн руб. Преступники осуждены.

Следует подчеркнуть, что насущным остается вопрос о введении в национальное уголовное законодательство полноценной конфискации имущества в качестве меры наказания для коррупционеров. Полагаю, что такой подход будет действенным и справедливым средством, отвечающим ожиданиям наших граждан и интересам добросовестных мигрантов.

Чрезмерная «доходность» и распространенность коммерческих организаций, занимающихся предоставлением услуг в сфере миграции, во многом объясняется именно коррупционным фактором, обусловленным высоким спросом на эти сомнительные услуги со стороны лиц, желающих проживать в Российской Федерации, не соблюдая миграционное законодательство.

Зачастую исключительно мерами уголовно-правового характера преодолеть озвученные негативные тенденции крайне затруднительно. В связи с этим, учи-

тывая динамический характер технологических перемен и отмеченные тенденции, результативность предупреждения и пресечения коррупционных правонарушений при предоставлении государственных услуг в сфере миграции уже в краткосрочной перспективе будет зависеть от скорости централизации и цифровизации оказания соответствующих услуг. Следствием изменений могут стать минимизация числа задействованных в непосредственном контакте с мигрантами должностных лиц, обеспечение максимальной прозрачности их деятельности, исключаяющей возможность коррупционных проявлений.

В настоящее время укрепление профилактического потенциала существующего правового инструментария в условиях международной турбулентности и цифровой трансформации миграционной сферы должно рассматриваться как одно из приоритетных направлений развития.

Следствие продолжает настаивать на необходимости введения обязательной геномной регистрации (ДНК-тестирования) всех иностранных граждан, прибывающих в Российскую Федерацию. Практика расследования уголовных дел, совершенных в условиях неочевидности, показывает, что значительная часть таких преступлений раскрывается именно благодаря молекулярно-генетическим исследованиям.

Как отмечено в Конституции Российской Федерации, человек, его права и свободы являются высшей ценностью (ст. 2). Данную категорию нельзя идеализировать, ее нужно воспринимать в совокупности с обязанностями человека и гражданина. Необходимо помнить о важнейшем конституционном принципе осуществления прав и свобод человека и гражданина: их реализация не должна нарушать права и свободы других лиц (ст. 17).

Страшные преступления последних лет, связанные с массовыми убийствами в учебных заведениях (Крым, Пермь, Казань, Ижевск), показывают идеализацию убийцами собственных прав и свобод. Эта чудовищная идеология, получившая название «скулшутинг», пришла к нам с запада, а точнее, из США. Там образовалась целая субкультура последователей «колумбайна». Она же сейчас умело навязывается нашим детям во многом с помощью Интернета, социальных сетей и компьютерных игр. Подростки уходят в виртуальный мир, размывая границы с реальностью. Исключить «современные технологии» из жизни детей невозможно. Однако вполне в наших силах контролировать используемый ими контент, уделять больше времени личному общению, нравственному и физическому воспитанию, привитию культуры, в том числе правовой.

Кроме того, на общедоступных федеральных каналах необходимо ввести ограничения на демонстрацию сцен жестокости, насилия, различных проявлений безнравственности, исключить различные ток- и реалити-шоу, десоциализирующие молодежь и пропагандирующие деструктивное поведение.

Помимо этого, также необходимо принять дополнительные меры для социальной и культурной адаптации иностранных граждан, прибывающих в Россию, в том числе по обучению их детей по российским общеобразовательным программам.

В Следственном комитете Российской Федерации особое внимание уделяется вопросам профилактики преступлений в юношеской среде и повышению правосознания подрастающего поколения. В ведомстве проводится активная работа с молодежью со стороны созданных общественных советов и ветеранских организаций, Совета Героев и Совета молодых следователей путем вовлечения кадет, студентов, школьников в работу по патриотическому, нравственному и профессиональному воспитанию.

Все образовательные учреждения ведомства активно участвуют в реализуемых в стране общественно-патриотических проектах, общероссийских и региональных образовательных мероприятиях, молодежных форумах, волонтерских движениях.

Следственный комитет Российской Федерации осуществляет восстановление прав детей, в том числе жилищных, постоянно анализирует информацию о возникающих проблемах в данной сфере. Особое внимание уделяется предотвращению нарушений прав сирот, детей, оставшихся без попечения родителей. Так, при участии ведомства разработан и принят Федеральный закон, устанавливающий дополнительные гарантии реализации жилищных прав названной категории граждан [4]. Согласно поправкам, заявления о включении сирот в список на получение жилья теперь могут подавать в том числе законные представители. Органы опеки и попечительства могут самостоятельно включать сирот в список, даже если не было соответствующего заявления. Дети, которые не были включены в список до совершеннолетия или до приобретения ими полной дееспособности, могут самостоятельно обращаться с заявлением. Договор найма специализированного жилья, предоставляемого сиротам, теперь можно неоднократно заключать на новый пятилетний срок (ранее он заключался на новый пятилетний срок не более одного раза).

В качестве очередной меры поддержки детей-сирот в июле 2022 г. по инициативе Следственного комитета Российской Федерации был издан Федеральный закон [5], согласно которому с 2023 г. выпускнику детского дома можно будет для постоянной регистрации прописаться в муниципальном районе, где он был зарегистрирован до 18 лет, в том месте, где находился его детский дом. Регистрация выпускника будет проходить на основании его заявления по адресу администрации района. Это исключит препятствия к реализации социальных и иных прав сироты ввиду отсутствия регистрации по месту жительства.

Таким образом, тема конституционных прав и свобод человека как высшей ценности не теряет своей значимости и в деятельности Следственного комитета Российской Федерации. Она ставится на первое место.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru>.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 № 63-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru>.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru>.

4. Федеральный закон от 29 июля 2018 г. № 267-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части обеспечения жилыми помещениями детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru>.

5. Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 293-ФЗ «О внесении изменения в статью 8 Федерального закона “О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей”» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru>.

Безъязыкова Н. П.¹,

*адъюнкт кафедры управления деятельностью подразделений
обеспечения охраны общественного порядка
центра командно-штабных учений
Академии управления МВД России*

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ПОТРЕБЛЕНИЕМ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ

Современное конституционное развитие Российской Федерации [1; 2; 3] активно влияет на процессы, происходящие в сфере государственно-управленческой деятельности [4], позволяет выработать адекватные состоянию общественных отношений формы и методы [5; 6; 7; 8], позволяющие решать возникающие проблемы во всех сферах государственно-управленческой деятельности, в том числе и в области охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности [9; 10; 11; 12].

Потребление наркотических средств, психотропных либо новых потенциально опасных психоактивных веществ в России запрещено и предусматривает административную ответственность. Исключение составляют случаи потребления наркотических средств или психотропных веществ по медицинским показаниям (при оказании экстренной медицинской помощи, при остро возникших ситуациях и больным, нуждающимся в реанимационной и интенсивной терапии, послеоперационным больным и др.). Порядок назначения лекарственных препаратов, содержащих наркотики, определен в приказе Минздрава России от 24 ноября 2021 г. № 1094н [13].

Вместе с тем впервые в истории отечественного законодательства ответственность за потребление наркотических средств была установлена в 1974 г. Указом Президиума ВС СССР от 25 апреля 1974 г. № 5928-VIII [14]. Наказание предусматривалось в виде штрафа в размере до 100 руб. либо исправительных работ на срок от одного до двух месяцев, в исключительных случаях – административного ареста на срок до 15 суток. Повторное потребление наркотиков наказывалось лишением свободы или исправительными работами на срок до двух лет либо штрафом в размере до 300 руб. Повторным считалось потребление наркотических средств в течение года после назначения административного наказания за такое же правонарушение.

Позже административная ответственность за потребление наркотических средств была закреплена в ст. 44 КоАП РСФСР [15], которая, на наш взгляд, имела некоторые недостатки. Так, несмотря на свое название «Незаконные приобретение или хранение наркотических средств в небольших размерах либо потребление наркотических средств без назначения врача», в диспозиции статьи о потреблении запрещенных веществ ничего не говорилось. Объективная сторона правонарушения выражалась только в действиях, связанных с незаконным

¹ © Безъязыкова Н. П., 2023.

приобретением или хранением наркотических средств. Возможно, это являлось результатом несоблюдения в процессе правотворчества правил юридической техники. Впрочем, это не мешало сотрудникам правоохранительных органов составлять протоколы об административных правонарушениях за потребление наркотических средств.

Федеральный закон от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» (далее – Закон № 3-ФЗ) [16] вновь ввел запрет на потребление наркотических средств, однако юридической ответственности за его нарушение установлено не было. Ситуация изменилась после принятия КоАП РФ [17], в котором деяния, связанные с потреблением наркотических средств, психотропных либо новых потенциально опасных психоактивных веществ, квалифицировались сразу по ст.ст. 6.9, 20.20, 20.22 в зависимости от субъекта и места потребления. Так, при потреблении наркотических средств в общественном месте ответственность наступает по ч. 2 ст. 20.20 КоАП РФ, которая предусматривает наложение административного штрафа в размере от четырех до пяти тысяч рублей или административный арест на срок до 15 суток. В случае, если субъектом правонарушения является иностранный гражданин или лицо без гражданства, ответственность наступает по ч. 3 ст. 20.20 КоАП РФ, которая дублирует санкцию ч. 2 и дополнительно предусматривает их административное выдворение за пределы Российской Федерации.

При потреблении наркотических средств не в общественном месте деяние квалифицируется по ст. 6.9 КоАП РФ, которая делится на две части: по ч. 1 к ответственности привлекаются граждане России, по ч. 2 – иностранные граждане или лица без гражданства. Санкции чч. 1 и 2 ст. 6.9 КоАП РФ аналогичны наказаниям, предусмотренным чч. 2 и 3 ст. 20.20 данного кодекса. Следует отметить, что в первоначальной редакции КоАП РФ санкция ст. 6.9 была строже санкции ст. 20.20. Так, ст. 6.9 КоАП РФ предусматривала административный штраф в размере от 500 до 1000 руб. или административный арест на срок до 15 суток, ст. 20.20 – только штраф в размере от 1000 до 1500 руб. Исходя из этого, по мнению законодателя, потребление наркотических средств, например, в своем домовладении наносит более серьезный вред, чем потребление наркотических средств в общественных местах (в образовательных, медицинских, детских дошкольных организациях, скверах, парках, подъездах многоэтажных домов, общественном транспорте и т. д.).

Понятие административной ответственности за потребление наркотических средств и психотропных веществ без назначения врача в настоящее время в науке административного права не выработано. Вместе с тем учеными-административистами предложены различные дефиниции понятия административной ответственности за правонарушения, связанные с наркотиками либо в сфере оборота наркотиков.

Так, С. В. Слободчук предлагает разграничивать объективный и субъективный смысл (понимание) административной ответственности за правонарушения, связанные с запрещенными веществами. В субъективном понимании административная ответственность за правонарушения, связанные с наркотиками, пред-

ставляет собой правовое состояние (положение) правонарушителя, претерпевающего административно-процессуальное воздействие, лишения, предусмотренные наказанием [18]. Однако обязанность претерпевать лишения имущественного и неимущественного характера возникает во всех случаях, когда решением уполномоченного органа или должностного лица на нарушителя наложено административное наказание, и не зависит от вида административного правонарушения. Определение административной ответственности за правонарушения, связанные с наркотиками, в рассматриваемом аспекте может использоваться применительно к административной ответственности за любое административное правонарушение.

В объективном понимании административную ответственность за правонарушения, связанные с наркотиками, С. В. Слободчук определяет, как реакцию государства на административный наркоделикт в виде правоприменительной деятельности уполномоченных субъектов по предъявлению обвинения, оценке правонарушения и применению к виновному лицу административного наказания в целях охраны правового режима наркотических средств и психотропных веществ. С таким определением нельзя согласиться в полной мере. Прежде всего употребляемая автором формулировка «предъявление обвинения» характерна для осуществления предварительного расследования по уголовным делам, но никак не для производства по делам об административных правонарушениях. Кроме того, указываемая С. В. Слободчуком, цель административной ответственности значительно шире, нежели только охрана правового режима наркотических средств и психотропных веществ. Полагаем, что она должна коррелировать с целями, указанными Федеральным законом от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» и ст. 3.1 КоАП РФ, и включать в себя охрану здоровья граждан, общественную и государственную безопасность, а также предупреждение совершения новых правонарушений.

М. В. Анисифорова определяет административную ответственность за правонарушения в сфере оборота наркотиков как особую разновидность деликтных отношений, в основе которых применение субъектами юрисдикционной деятельности мер физического и морального принуждения к правонарушителям – физическим лицам и организациям, в связи с совершением ими правонарушений в сфере оборота наркотиков, предусмотренных КоАП РФ [19].

Вместе с тем с данным определением можно согласиться лишь в определенной мере. Так, изучение видов административных наказаний, предусмотренных за совершение правонарушений, связанных с оборотом наркотических средств и психотропных веществ, позволяет сделать вывод о том, что наиболее распространенной мерой ответственности является административный штраф, который относится к мерам материального принуждения (предусмотрен санкциями всех статей КоАП РФ, устанавливающих ответственность за деяния, связанные с оборотом наркотических средств и психотропных веществ). Кроме того, употребляемый М. В. Анисифоровой термин «в сфере оборота наркотиков» подразумевает совершение деяния в пределах категории «оборот наркотиков», в содержание которой автор включает 15 элементов. Однако среди этих элементов не указаны

такие деяния, как незаконное потребление, пропаганда и реклама, учет наркотических средств и психотропных веществ, культивирование растений, содержащих наркотические средства и психотропные вещества и др., в связи с чем можно сделать вывод, что определение не распространяется на данные деяния. Думается, что употребление термина «административные правонарушения, связанные с оборотом наркотических средств и психотропных веществ» будет более корректным.

По мнению А. А. Корнева, под административной ответственностью за правонарушения, связанные с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, следует понимать один из видов административной ответственности, установленный КоАП РФ и состоящий в применении органами административно-юрисдикционного противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ к лицам, совершившим административные правонарушения, связанные с незаконным оборотом наркотических средств или психотропных веществ, административных наказаний имущественного и неимущественного характера. При этом потребление наркотических средств и психотропных веществ без назначения врача А. А. Корнев относит к данной группе административных правонарушений [20].

Похожее определение административной ответственности в сфере оборота наркотических средств и психотропных веществ предлагает В. С. Болотин: «это применение судьями и иными уполномоченными органами административной юрисдикции или их должностными лицами, в пределах их компетенции, карательных административных санкций, содержащих меры государственного осуждения противоправного деяния, к виновным в совершении административных наркоделиктов, выраженные в обязанности правонарушителя претерпевать негативные для него последствия, преследующие установленные законом цели наказания, а также охраны общественных отношений в сфере оборота наркотических средств и психотропных веществ» [21]. Однако определения, предлагаемые А. А. Корневым и В. С. Болотиным, акцентируют внимание на административном наказании как на единственном аспекте административной ответственности. Полагаем, что в рассматриваемом контексте более полной является точка зрения Н. Н. Цуканова, который включает в содержание административной ответственности наряду с административным наказанием также факт признания деяния административным правонарушением и дополнительные неблагоприятные последствия, заключающиеся в ограничении прав, установлении дополнительных запретов и обязанностей в период, пока лицо считается привлеченным к административной ответственности. Вместе с тем такая позиция требует некоторой конкретизации применительно к предмету исследования [22].

Таким образом, к настоящему времени в КоАП РФ закреплена совокупность административных правонарушений, связанных с незаконным потреблением наркотических средств и психотропных веществ, составы которых определены в следующих статьях:

– ст. 6.9 КоАП РФ «Потребление наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача либо новых потенциально опасных психоактивных веществ»;

– ст. 6.10 КоАП РФ «Вовлечение несовершеннолетнего в употребление алкогольной и спиртосодержащей продукции, новых потенциально опасных психоактивных веществ или одурманивающих веществ»;

– ст. 20.20 КоАП РФ «Потребление (распитие) алкогольной продукции в запрещенных местах либо потребление наркотических средств или психотропных веществ, новых потенциально опасных психоактивных веществ или одурманивающих веществ в общественных местах»;

– ст. 20.22 КоАП РФ «Нахождение в состоянии опьянения несовершеннолетних, потребление (распитие) ими алкогольной и спиртосодержащей продукции либо потребление ими наркотических средств или психотропных веществ, новых потенциально опасных психоактивных веществ или одурманивающих веществ».

В соответствии со ст. 6.9 КоАП РФ административно наказуемым деянием признаются:

– потребление наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача либо новых потенциально опасных психоактивных веществ, за исключением случаев, предусмотренных ч. 2 ст. 20.20 КоАП РФ, ст. 20.22 КоАП РФ, либо невыполнение законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения гражданином, в отношении которого имеются достаточные основания полагать, что он потребил наркотические средства или психотропные вещества без назначения врача либо новые потенциально опасные психоактивные вещества, что влечет наложение административного штрафа в размере от четырех тысяч до пяти тысяч рублей или административный арест на срок до 15 суток (ч. 1 ст. 6.9 КоАП РФ);

– то же действие, совершенное иностранным гражданином или лицом без гражданства, что влечет наложение административного штрафа в размере от четырех тысяч до пяти тысяч рублей с административным выдворением за пределы Российской Федерации либо административный арест на срок до 15 суток с административным выдворением за пределы Российской Федерации (ч. 2 ст. 6.9 КоАП РФ).

В примечании к ст. 6.9 КоАП РФ говорится, что лицо, добровольно обратившееся в медицинскую организацию для лечения в связи с потреблением наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача, освобождается от административной ответственности за данное правонарушение. Лицо, в установленном порядке признанное больным наркоманией, может быть с его согласия направлено на медицинскую и (или) социальную реабилитацию и в связи с этим освобождается от административной ответственности за совершение правонарушений, связанных с потреблением наркотических средств или психотропных веществ. Действие настоящего примечания распространяется на административные правонарушения, предусмотренные ч. 2 ст. 20.20 КоАП РФ.

В соответствии со ст. 6.10 КоАП РФ административная ответственность устанавливается:

– за вовлечение несовершеннолетнего в употребление алкогольной и спиртосодержащей продукции, новых потенциально опасных психоактивных ве-

ществ или одурманивающих веществ, за исключением случаев, предусмотренных ч. 2 ст. 6.18 КоАП РФ, что влечет наложение административного штрафа в размере от одной тысячи пятисот до трех тысяч рублей (ч. 1 ст. 6.10 КоАП РФ);

- те же действия, совершенные родителями или иными законными представителями несовершеннолетних, за исключением случаев, предусмотренных ч. 2 ст. 6.18 КоАП РФ, а также лицами, на которых возложены обязанности по обучению и воспитанию несовершеннолетних, которые влекут наложение административного штрафа в размере от четырех тысяч до пяти тысяч рублей (ч. 2 ст. 6.10 КоАП РФ).

В соответствии со ст. 20.20 КоАП РФ административная ответственность устанавливается:

- за потребление (распитие) алкогольной продукции в местах, запрещенных федеральным законом, что влечет наложение административного штрафа в размере от пятисот до одной тысячи пятисот рублей (ч. 1 ст. 20.20 КоАП РФ);

- потребление наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача, новых потенциально опасных психоактивных веществ или одурманивающих веществ на улицах, стадионах, в скверах, парках, в транспортном средстве общего пользования, а также в других общественных местах либо невыполнение законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения гражданином, в отношении которого имеются достаточные основания полагать, что он потребил наркотические средства или психотропные вещества без назначения врача, новые потенциально опасные психоактивные вещества или одурманивающие вещества на улице, стадионе, в сквере, парке, в транспортном средстве общего пользования, а также в другом общественном месте, что влечет наложение административного штрафа в размере от четырех тысяч до пяти тысяч рублей или административный арест на срок до 15 суток (ч. 2 ст. 20.20 КоАП РФ);

- действия, указанные в ч. 2 ст. 20.20 КоАП РФ, совершенные иностранным гражданином или лицом без гражданства, которые влекут наложение административного штрафа в размере от четырех тысяч до пяти тысяч рублей с административным выдворением за пределы Российской Федерации либо административный арест на срок до 15 суток с административным выдворением за пределы Российской Федерации (ч. 3 ст. 20.20 КоАП РФ).

В соответствии со ст. 20.22 КоАП РФ административно-наказуемым деянием является нахождение в состоянии опьянения несовершеннолетних в возрасте до 16 лет, либо потребление (распитие) ими алкогольной и спиртосодержащей продукции, либо потребление ими наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача, новых потенциально опасных психоактивных веществ или одурманивающих веществ, что влечет наложение административного штрафа на родителей или иных законных представителей несовершеннолетних в размере от одной тысячи пятисот до двух тысяч рублей.

Даже краткий анализ проблем, связанных с административно-правовой ответственностью за незаконное потребление наркотических средств и психотропных веществ, показывает широкий круг вопросов в области административной

ответственности как института административного права и административного процесса [23–25].

По мнению автора, совершенствованию административно-правовой ответственности, связанной с незаконным потреблением наркотических средств и психотропных веществ, должно способствовать проведение сравнительно-правовых исследований в рассматриваемой сфере [26; 27], что позволит уточнить составы административных правонарушений, оптимизировать налагаемые за их совершение административные наказания.

Научная разработка поставленных вопросов также будет способствовать расширению методологических рамок проводимых исследований в области противодействия незаконному потреблению наркотических средств и психотропных веществ [28; 29], а также позволит усовершенствовать подготовку кадров уполномоченных государственных органов в области противодействия незаконному потреблению наркотических средств и психотропных веществ [30; 31].

Список литературы

1. Виноградова Е. В., Кобзарь-Фролова М. Н., Соколов А. Ю. 85 лет на службе государству и академической науке : краткий обзор международной научной конференции (8 октября 2021 г.) // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № S3-1. С. 12–20.
2. Виноградова Е. В., Кобзарь-Фролова М. Н. Исполнительная власть в системе публичной власти в свете новых конституционных реалий // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № 1. С. 250–262.
3. Правовое регулирование публичных финансовых отношений в современной России / [М. Н. Кобзарь-Фролова и др.]. М. : ИГП РАН, 2022.
4. Кобзарь-Фролова М. Н. Государственное управление: генезис понятия и сути // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения) : сборник статей / под общ. ред. А. И. Каплунова. СПб. : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2021. С. 15–21.
5. Административно-правовое регулирование в сфере экономики (современные формы и методы) / [Е.В. Виноградова и др.]. Воронеж, 2021.
6. Редкоус В. М. Актуальные вопросы развития форм государственного регулирования экономической деятельности в Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации 21 апреля 2021 г. // Закон и право. 2021. № 6. С. 22–25.
7. Редкоус В. М. Актуальные вопросы развития методов государственного регулирования экономической деятельности в Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации 21 апреля 2021 г. // Образование. Наука. Научные кадры. 2021. № 2. С. 128–131.
8. Правовая политика в сфере частного права: проблемы и пути их решения / [Р. В. Пузикив и др.]. Тамбов : Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, 2010.
9. Административное право Российской Федерации / [В. Я. Насонов и др.]. М. : Академия, 2003.

10. Административный процесс / [А. М. Воронов и др.]. М. : Академия управления МВД России, 2022.
11. Конституционное право России : учебник / [Г. А. Гаджиев и др.]. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юнити-Дана, 2023.
12. Харламов С. О., Егоров С. А. Формирование понятия «конституционная навигация» и его роль в реализации института правового государства // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 3. С. 82–84.
13. Приказ Минздрава России от 24 ноября 2021 г. № 1094н «Об утверждении Порядка назначения лекарственных препаратов, форм рецептурных бланков на лекарственные препараты, Порядка оформления указанных бланков, их учета и хранения, форм бланков рецептов, содержащих назначение наркотических средств или психотропных веществ, Порядка их изготовления, распределения, регистрации, учета и хранения, а также Правил оформления бланков рецептов, в том числе в форме электронных документов» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>.
14. Указ Президиума ВС СССР от 25 апреля 1974 г. № 5928-VIII «Об усилении борьбы с наркоманией» // Ведомости ВС СССР. 1974. № 18. Ст. 275.
15. Кодекс РСФСР об административных правонарушениях (утв. ВС РСФСР 20.06.1984) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1984. № 27. Ст. 909. Утратил силу.
16. Федеральный закон от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» (ред. от 08.12.2020) // Российская газета. 1998. № 7. 15 янв. 2020. № 280. 11 дек.
17. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // Российская газета. 2001. № 256. 31 дек. 2022. № 156–157. 20 июля.
18. Слободчук С. В. Административная ответственность за правонарушения, связанные с наркотиками : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14. Белгород, 2005. С. 91.
19. Анисифорова М. В. Административная ответственность за нарушения законодательства в сфере оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14. М., 2018. С. 54–55.
20. Корнев А. А. Система административно-правового противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14. Астрахань, 2012. С. 116.
21. Болотин В. С. Административная ответственность в сфере оборота наркотических средств и психотропных веществ : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14. М., 2004. С. 69.
22. Цуканов Н. Н. Статья 6.9 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях как средство противодействия незаконному наркопотреблению // Вестник Омской юридической академии. 2017. Т. 14. № 4. С. 103.
23. Кобзарь-Фролова М. Н., Лебедева Е. А. К дискуссии о цели и назначении административной ответственности в контексте административной реформы // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 1 (41). С. 117–120.

24. Кобзарь-Фролова М. Н. Административный деликт: Самозванец или сформировавшийся правовой феномен? // Сибирское юридическое обозрение. 2020. Т. 17. № 2. С. 262–272.

25. Редкоус В. М. Актуальные вопросы административно-деликтного законодательства в области воздушного транспорта // Закон и право. 2022. № 8. С. 75–79.

26. Редкоус В. М. Развитие административно-правовой основы оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров в Российской Федерации и государствах – участниках СНГ // Вестник Пермского института ФСИН России. 2022. № 4 (47). С. 183–192.

27. Редкоус В. М. Теоретические основы использования сравнительно-правового метода в исследовании административно-правового обеспечения национальной безопасности в государствах СНГ // Глобализация – безопасность государства – национальные интересы: доктрина права и правовая жизнь : монография / под общ. ред. Р. В. Пузикова, В. Фэхлера. – Тамбов : Принт-Сервис, 2020. С. 27–56.

28. Николаев А. Г., Греков Н. Н. Административный надзор полиции // Алтайский юридический вестник. 2019. № 2 (26). С. 68–71.

29. Николаев А. Г., Джигоев А. О. Организация деятельности подразделений милиции Республики Южная Осетия по обеспечению общественной безопасности // Научные исследования в современном мире. Теория и практика : сборник избранных статей. СПб. : Гуманитарный национальный исследовательский институт «Нацразвитие», 2021. С. 207–211.

30. Редкоус В. М. Административно-правовое регулирование подготовки специалистов для федеральных органов исполнительной власти // Военное право. 2019. № 6 (58). С. 77–81.

31. Редкоус В. М. Понятие административно-правовых режимов, устанавливаемых в области обеспечения национальной безопасности // Право и государство: теория и практика. 2009. № 12 (60). С. 92–95.

Горшенева И. А.¹,

заведующий кафедрой иностранных языков

Московского университета

МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат юридических наук, профессор,

заслуженный работник Высшей школы Российской Федерации

Васильева Э. С.²,

курсант 315 учебного взвода

Института подготовки сотрудников

для органов предварительного расследования

Московского университета

МВД России имени В.Я. Кикотя

СОВРЕМЕННАЯ СИСТЕМА ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Фактически современная Великобритания функционирует как парламентская демократия, что предполагает участие британского народа в управлении государством через своих избранных представителей, т. е. Вестминстерский парламент призван выступать основным инструментом демократического выражения народной воли. Такое положение позволяет ортодоксальной доктрине конституционализма рассматривать Парламент как орган, обладающий суверенной властью принимать или отменять любой закон [2, с. 3–4].

Однако, уровень парламентского суверенитета был поставлен под сомнение некоторыми учеными-правоведами на том основании, что членство в Европейском союзе (ЕС) и даже выход из него, создание децентрализованных законодательных органов и все растущая зависимость от референдумов в целях урегулирования спорных вопросов, имеющих конституционное значение, способствовали фактическому ограничению полномочий парламента [1].

Более того, некоторые судьи и законодатели предположили, что суды могут на законных основаниях отказать в приведении в силу любого британского акта парламента, способного нарушить основополагающие принципы верховенства права. Следует отметить, что на данный момент подобные рассуждения остаются в основном теоретической дискуссией, тогда как акты, принятые Парламентом, как правило, рассматриваются как представляющие собой высшую форму права [11].

В результате Великобритания часто считается государством, имеющим «политическую конституцию» на том основании, что решающее слово, когда речь идет о спорных правовых коллизиях, принадлежит не судам и другим не избираемым органам власти, а избранным политикам [10].

¹ © Горшенева И. А., 2023.

² © Васильева Э. С., 2023.

Напомним, что осуществление политической власти происходит не в вакууме и Парламент, наряду с другими органами государства, должен соблюдать основные принципы правосудия, беспристрастности и верховенства закона [3, с. 20–21].

Заметим, что в стране существует консенсус в отношении того, что граждане обладают основными и неотъемлемыми правами человека, а также демократия основывается на уважении этих прав, без которых частные лица не могли бы свободно и эффективно участвовать в демократическом процессе [19].

Данные принципы укоренились в культуре британского конституционализма в ходе длительного процесса политической борьбы и правовой эволюции. Их происхождение прослеживается вплоть до Великой хартии вольностей и средневекового права. Уже в XVII в., когда конфликт между Парламентом и короной установил главенство представительного правительства и заложил основы религиозной терпимости и уважения свободы слова, они начали приобретать свою современную форму. Последующие столетия ознаменовались укоренением культуры индивидуальной свободы и уважения к верховенству закона (важно, однако, подчеркнуть, что эти принципы не всегда соблюдались в Британии на практике).

Деятельность государства в большинстве своем контролируется исполнительной властью, которая, будучи сформированной из состава партии, победившей на выборах, через свое правительство старается оказывать доминирующее влияние на Парламент Британии. Это ограничивает уровень его возможностей в привлечении министров, полиции и других государственных органов к ответственности за превышение использования своих и без того широких полномочий. Это способствует и тому, что исполнительная власть в состоянии диктовать Парламенту и государственным органам, каким образом реализовывать индивидуальные права личности [27, с. 174].

Все вышеотмеченное сподвигло суды активнее участвовать в защите прав граждан. Данная тенденция способствует осуществлению гарантий того, что государственные органы могут привлекаться к юридической ответственности за недолжное осуществление своих полномочий, несанкционированное предоставление отдельным группам и лицам, не наделенным достаточной политической властью, легальных рычагов оспаривания несправедливых законов [15]. Это также помогает создать то, что трактуется как культура «политико-правового оправдания», которая приносит пользу всем гражданам, поскольку вменяет Правительству в обязанность оправдание собственных действий и то, каким образом оно отстаивает индивидуальные права лиц, попадающих под их юрисдикцию [5]. Подобный подход смягчает некоторые негативные последствия доминирования Правительства над Парламентом и помогает сделать государственную бюрократию более чуткой к правам и потребностям отдельных лиц.

Первый уровень защиты прав в законодательстве Великобритании обеспечивается действием общего права (т. е. наличием судебных прецедентов, число которых накапливается с течением времени). Высокий суд по уголовным делам долгое время осуществлял надзорную функцию в отношении всех «нижестоящих судов и трибуналов», включая лиц, принимающих административные решения, деятельность которых затрагивает права и интересы граждан. Начиная

с 1960 гг. суды начали более пристально изучать использование дискреционных и прерогативных полномочий [18, с. 85–86]. Парламент также сыграл свою роль в этом сдвиге, установив новый подход законодательному контролю за тем, как государственные органы используют свои полномочия.

В полномочиях административного права Британии теперь прописано, что государственные органы должны иметь четкую правовую основу своих действий, соблюдать требования справедливой процедуры и действовать рациональным образом [16]. При определенных обстоятельствах традиционный анализ может уступить место более интенсивному уровню контроля, в частности в случае вмешательств органов власти в вопросы, которые суды определили, как «права в рамках Общего права», такие как свобода выражения мнений и доступ к правосудию [13].

Данные требования административного права распространяются на акты всех органов власти, за исключением Парламента. Однако, предполагается, что судам не достаёт полномочий для пересмотра парламентских решений [14].

Возможность Общего права защищать права личности также ограничиваются разными способами. Суды вправе отменять решения государственных органов только в тех случаях, когда они явно не обоснованы, вызваны ошибочной процедурой принятия решений или не имеют юридических оснований. Это ограничивает степень, в которой административное и Общее право в целом могут служить механизмом защиты прав и свобод граждан. Кроме того, существует неопределенность объема и содержания номенклатуры прав в рамках Общего права, которым часто не хватает четкого определения [6, с. 85–86].

Второй уровень защиты прав британских граждан обеспечивается положениями Европейской конвенции по правам человека (ЕКПЧ). Конвенция была разработана в 1950 г. в рамках Совета Европы. Великобритания была первой страной, ратифицировавшей ее в 1951 г. [24]. ЕКПЧ защищает основные гражданские и политические права, такие как свобода выражения мнений и право на справедливое судебное разбирательство.

Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) представляет собой орган, созданный для толкования текста Конвенции и определяющий, действуют ли государства в соответствии с ее требованиями [25]. Соединенное Королевство согласилось признавать юрисдикцию ЕСПЧ, что означает, что отдельные лица имеют право передавать дела в суд после исчерпания всех внутренних средств правовой защиты [26].

Согласно национальному законодательству, Парламент или Правительство Великобритании не обязаны реагировать на решение суда в случае, если права человека были нарушены.

Судебная практика ЕСПЧ сыграла ключевую роль в усилении защиты прав человека в Соединенном Королевстве, особенно когда речь шла о свободе выражения мнений [17], неприкосновенности частной жизни [16], свободе от дискриминации [4], бесчеловечного и унижающего достоинство обращения [12], и правах детей [28].

Однако до недавнего времени отдельные лица не могли напрямую ссылаться на конвенционные права или прецедентное право ЕСПЧ в национальных судах.

Им приходилось обращаться за правовой защитой в ЕСПЧ в Страсбурге в рамках медленного и отнимающего много времени процесса. После долгих межпартийных дебатов о том, должна ли Великобритания ввести билль о правах, отсутствие кодифицированных прав человека как средств правовой защиты в национальных судах было устранено путем введения Закона о правах человека 1998 г. (HRA), который в настоящее время представляет собой третий уровень защиты прав в законодательстве Великобритании. HRA сделал большинство прав, которые связывают Великобританию и ЕСПЧ, подлежащими исполнению в законодательстве Великобритании (упоминаются в HRA как «конвенционные права»). Такие права, поддерживаемые как ЕСПЧ, так и судами Великобритании, обладают более конкретным содержанием, чем их аналоги в Общем праве, и зачастую в странах Запада обеспечивают более высокий уровень защиты, чем это предусмотрено административным правом. В результате, HRA стал основным средством, с помощью которого права человека защищаются законом в Великобритании.

Статья 6 данного Закона требует, чтобы все органы, выполняющие функции публичного характера, действовали в соответствии с правами, предусмотренными Конвенцией. Таким образом, HRA наделяет суды Великобритании правом пересмотра решений государственных органов на предмет соответствия конвенционным правам. Акты органов власти, нарушающие права, предусмотренные Конвенцией, могут быть признаны недействительными, если только они не препятствуют приведению в действие законодательства, принятого Вестминстерским парламентом.

Таким образом, HRA позволяет отдельным лицам обращаться за правовой защитой к исполнительной власти, когда нарушаются права человека, предусмотренные Конвенцией.

HRA, суды Великобритании обязаны толковать парламентское законодательство таким образом, чтобы обеспечить соответствие конвенционным правам [23]. Если такое толкование невозможно, то в соответствии со ст. 4 HRA суды могут вынести «декларацию о несовместимости» – заявление, в котором излагается их юридический вывод о том, что рассматриваемый статут не совместим с действующим национальным правом. Однако, такое заявление не имеет юридической силы, поскольку Парламенту Великобритании по-прежнему принадлежит последнее слово, в случае если речь заходит об определении параметров и содержания прав человека [9].

В целом, действующее законодательство Великобритании в области прав человека получает положительные отзывы от ученых-юристов и судебных органов [8]. Однако, одновременно подвергается критике с других сторон. В средствах массовой информации сложился образ, который демонстрирует судебное разбирательство по правам человека как чрезмерно озабоченное правами меньшинств в ущерб общественным интересам. В связи с этим звучат призывы к фундаментальному пересмотру отношений Великобритании со Страсбургским судом и замене HRA новым «Биллем о правах».

Критики ЕСПЧ и HRA выдвигают различные аргументы в поддержку своего призыва к реформе. Некоторые утверждают, что судебная защита прав налагает

ограничения на принятие политических решений, которые несовместимы с демократическими принципами [20]. Другие рассматривают права человека как неопределенные и абстрактные понятия, толкование которых следует оставить в руках избранных политиков, а не неизбираемых судей. Многие из этих критиков сосредотачиваются на конкретных суждениях, которые, по их мнению, были вынесены ошибочно, и используют данные решения в качестве свидетельства того, насколько глубоко порочен закон о правах человека. Другие утверждают, что законодательство в области прав человека поощряет сомнительные требования о компенсационных схемах, тривиальные жалобы и подрыв коллективного чувства ответственности [22].

Критика законодателей также была направлена на HRA и то, как этот закон толкуется британскими судьями, на том основании, что он слишком тесно связал законодательство Великобритании с прецедентным правом Страсбурга и затормозил развитие законодательного процесса страны в области внутренних прав [21]. HRA также подвергся нападкам за достижение не оптимального баланса между индивидуальными правами и демократическим правлением, а также за несоответствие британским традициям управления [7].

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Закон о правах человека всегда будет порождать случайные решения, которые провоцируют враждебность со стороны политиков и средств массовой информации. До сих пор практически не было представлено убедительных доказательств или убедительных аргументов в поддержку таких выводов, что затрудняет оценку того, основаны ли они на чем-то большем, чем субъективное мнение. В этом анализе остаются только институциональные и структурные критические замечания, направленные в адрес ЕСПЧ и HRA, которые заслуживают более детального анализа. Они поднимают важные вопросы, которые занимают центральное место в дебатах о том, нужны ли радикальные изменения в данной области права.

Список литературы

1. Bogdanor V. *The New British Constitution* (Oxford: Hart, 2009); by the same author, 'Imprisoned by a Doctrine: The Modern Defence of Parliamentary Sovereignty' (2012) 32(1) *Oxford Journal of Legal Studies* 179-195. For a contrary view, see J. Goldsworthy, *Parliamentary Sovereignty: Contemporary Debates* (Cambridge: CUP, 2010).
2. Dicey A. V., *Introduction to the Study of the Law of the Constitution*, 8th ed. (London: Macmillan, 1915). P. 3–4.
3. Dicey A. V. *Introduction to the Study of the Law of the Constitution*, 8th edn, pp. 30-34; C. McIlwain, *Constitutionalism Ancient and Modern* (Ithaca, NY: Cornell University Press, 1940). P. 20–21.
4. *Dudgeon v UK* (1981) 4 EHRR 149.
5. Feldman D., 'Which In Your Case You Have Not Got': Constitutionalism at Home and Abroad' (2011) *Current Legal Problems* 117-149; see also S. Fredman, *Human Rights Transformed: Positive Rights and Positive Duties* (Oxford: OUP, 2008).

6. For example, it is not clear whether there exists a common law right not to be discriminated against: see *Association of British Civilian Internees (Far Eastern Region) v Secretary of State for Defence* [2003] EWCA Civ 473, especially paras. P. 85–86.

7. For example, the Prime Minister, David Cameron M.P., has commented that ‘we will abolish the Human Rights Act and introduce a new Bill of Rights, so that Britain’s laws can no longer be decided by unaccountable judges’: see ‘Rebuilding Trust in Politics’, 8 February 2010, speech at the University of East London.

8. For recent overviews, see A. Kavanagh, *Constitutional Review under the Human Rights Act* (Cambridge: CUP, 2009) ; T. Hickman, *Public Law after the Human Rights Act* (Oxford: Hart, 2010); S. Gardbaum, ‘How Successful and Distinctive is the Human Rights Act? An Expatriate Comparatist’s Assessment’ (2011) 74 *Modern Law Review* 195 ; Lord Dyson, ‘What is Wrong with Human Rights?’, address at Hertfordshire University 3 November 2011, available at http://www.supremecourt.gov.uk/docs/speech_111103.pdf ; BBC News, ‘Retiring Supreme Court President Defends Human Rights’, 11 October 2011, available at <http://www.bbc.co.uk/news/uk-15253829> (last accessed 20 June 2012).

9. Gearty C., ‘Reconciling Parliamentary Democracy and Human Rights’ (2002) 118 *Law Quarterly Review* 248; by the same author, *The Principles of Human Rights Adjudication* (Oxford: OUP, 2003).

10. Griffith J.A.G., ‘The Political Constitution’ (1979) 42 *Modern L. Rev.* 1.

11. Lord Neuberger of Abbotsbury, ‘Who Are the Masters Now?’ The Second Lord Alexander of Weedon Lecture, 6 April 2011, available at: <http://www.judiciary.gov.uk/NR/rdonlyres/F402769A-196C-47E3-B5D9-AAA1EEE096F3/0/mrspeechweedonlecture110406.pdf> (last accessed 10 May 2012).

12. *Price v UK* (2002) 34 EHRR 1285 (treatment of a disabled person in prison).

13. *R v Ministry of Defence, Ex parte Smith* [1996] QB 517; [1996] 1 All ER 257; *R.v. Lord Saville of Newdigate, ex parte A* [1999] 4 All ER 860.

14. See Article IX of the Bill of Rights 1689.

15. See Dworkin R., *Taking Rights Seriously* (Harvard, MA: Harvard University Press, 1978).

16. See e.g. *Malone v United Kingdom* (1984) (No.282), 4 EHRR 330 (privacy of telephone communications); *S and Marper v UK* (2009) 48 EHRR 50 (DNA evidence).

17. See e.g. *Tolstoy v UK* (1995) 20 EHRR 442 (excessive damages in libel actions).

18. See Endicott T., *Administrative Law* (Oxford: OUP, 2012). P. 57–60.

19. See Habermas J., *Constitutional Democracy: A Paradoxical Union of Contradictory Principles?* (2001) 29 *Pol. Theory* 766–769.

20. See Pinto-Duschinsky M., *Bring Rights Back Home: Making human rights compatible with parliamentary democracy in the UK* (London: Policy Exchange, 2011).

21. See the nuanced analysis presented by D. Grieve M.P. (now the Attorney General) on the Conservative Home blog, ‘It’s the Interpretation of the HRA That’s The Problem – Not the ECHR Itself’, available at [http:// conservativehome.blogs.com/platform/2009/04/dominic-grieve-.html](http://conservativehome.blogs.com/platform/2009/04/dominic-grieve-.html) (last accessed 20 June 2012).

22. Society of Conservative Lawyers, Response to the Commission on a Bill of Rights Consultation, written by Lord Faulks, Andrew Warnock and Simon Murray, 21 October 2011.

23. The case-law under the Act has established that the courts should give statutes such a rights-friendly interpretation except where it would clearly and directly contradict a fundamental feature of the structure of the legislation or the clear meaning of the provisions of the Act itself. See e.g. *R (GC) v Commissioner of Police for the Metropolis* [2011] UKSC 21.

24. The Council of Europe was established in 1949 to bring the European countries closer together and to promote respect for rights, democracy and the rule of law across the continent. It should be distinguished from the European Union (EU): all EU states are members of the Council of Europe, but so too are non-EU states such as Norway, Switzerland, Serbia, Russia and Turkey.

25. The ECtHR should be distinguished from the European Court of Justice, which sits in Luxembourg and interprets EU law: the ECtHR is an international adjudicatory body and has no link with the EU as such.

26. The UK accepted the jurisdiction of the Court in respect of petitions by individuals with effect from 1966. With effect from November 1998, Protocol No. 11 (ratified by all the High Contracting Parties, including the UK) replaced optional acceptance of the Court's jurisdiction in relation to individuals' complaints with compulsory jurisdiction.

27. This is the context to the renowned observation by the former Conservative Lord Chancellor, Lord Hailsham of St. Marylebone, that in the 'armoury of weapons against elective dictatorship, a Bill of Rights, embodying and entrenching the European Convention, might well have a valuable, even if subordinate, part to play'. See Lord Hailsham, *The Dilemma of Democracy: Diagnosis and Prescription* (London: Collins, 1978), at p. 174.

28. *Z v UK* [2001] 2 FCR 246 (liability of public authorities for failure to prevent child abuse).

Гончаров И. В.¹,

*заведующий кафедрой государственного строительства и права
Университета прокуратуры Российской Федерации,
профессор кафедры государственно-правовых дисциплин
Академии управления МВД России,
доктор юридических наук, профессор*

ГЕНЕЗИС ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В УСЛОВИЯХ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ

В основе деятельности любого государства, направлений его внутренней и внешней политики лежат, прежде всего, его национальные интересы, а также интересы общества и конкретного человека. В их основе, наряду с геополитической составляющей (объективная реальность), лежат и традиционные ценности большинства членов общества, которые сформировались и эволюционировали в результате исторического развития. Их уровень и наполнение во многом определяются степенью развития материальной и духовной культуры, степени прогресса соответствующего социума.

На формирование ценностей оказывают влияние различные факторы. Одним из них можно назвать, реализуемую в государстве политическую систему, политический режим. Не меньшее значение оказывает геополитическое положение государства, его интересы, а также соответствующая идеология, без которой не может существовать ни одно государство.

В современной России национальные интересы четко определены в действующей Конституции Российской Федерации. В самом общем виде под ними подразумевается система сбалансированных интересов общества, личности, государства. Национальные интересы находят свое закрепление в соответствующих статьях гл. 1, 2 Конституции Российской Федерации и конкретизированы мартовскими поправками, принятыми в марте 2020 г.

Долгие годы вопрос роли и значения традиционных ценностей в жизни любого общества, как всем представлялось, был решен и незыблем. Тем не менее, геополитические события конца XX в., развал мировой социалистической системы, распад СССР, стали причиной разрушения биполярного мира, и соответственно, привели к военному и идеологическому противостоянию между так называемыми Востоком и Западом. Эти события явились толчком для принципиально нового этапа развития традиционных ценностей. Страны Запада, победившие в «холодной войне», предприняли попытку навязать «проигравшей» стороне качественно новую систему ценностей, так называемой либеральной демократии, в основе которой лежит философия крайнего индивидуализма и агрессивного доминирования прав меньшинства. Как справедливо отмечают Е. Й. Вятр и Т.И. Врублевская-Токер «сейчас это вопрос приобретает качественно новый вектор развития» [1].

В конце XX – начале XXI в. либерализм активно трансформировался в символ единения «коллективного Запада» (подразумеваются европейские западные

¹ © Гончаров И. В., 2023.

страны, которые придерживаются идеологии развития либерально-демократического мира) по отношению к другим государствам, к числу которых, естественно, в первую очередь относится Российская Федерация как единственное в мире государство, которое может противостоять этой идеологической экспансии. В качестве их главного выразителя этих идей выступают США и их высшее руководство [4].

Ценности, которые сегодня навязываются миру со стороны сторонников западной либеральной демократии, жестко критикуются и отвергаются Российской Федерацией.

Наша страна всегда считалась и считается приверженцем истинно традиционных ценностей. Все они подробно прописаны в Указе Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». Этот вопрос в рассматриваемом документе раскрывается следующим образом: «Российское государство создавалось как единение народов, системообразующим звеном которого исторически являлся русский народ. Благодаря объединяющей роли русского народа, многовековому межкультурному и межэтническому взаимодействию на исторической территории Российского государства сформировались уникальное культурное многообразие и духовная общность различных народов, приверженных единым принципам и ценностям, таким как патриотизм, служение Отечеству, семья, созидательный труд, гуманизм, социальная справедливость, взаимопомощь и коллективизм» [7].

Ценности, которые сегодня навязываются миру со стороны стран Запада, в корне противоречат традиционным ценностям нашей страны, многих других стран. Для Запада стало привычным и законным выступление граждан с лозунгами: «Плоды – не дети! Женщины – не инкубаторы! Аборт – не убийство!». Не так давно аборт в США стал значиться как неотъемлемое право каждой женщины. Более того, в тех штатах, которые задумались о возрождении антиабортного законодательства, получил развитие «абортный туризм», когда тысячи женщин отправлялись в соседнюю страну или другой штат, где можно прервать беременность на законных основаниях. Институт семьи в странах Запада, придерживающихся ценностей либеральной демократии, утратил свое первоначальное значение. В последние годы все чаще приветствуются однополые браки, активно пропагандируется ЛГБТ [2].

Как результат, в обществе во многих странах формируется мнение по поводу того, что в целом в мире наблюдается самый низкий уровень демократии, утрачиваются истинные традиционные человеческие ценности. Более того, катастрофически снизился уровень удовлетворенности простых людей демократией как системой государственного управления. На сегодняшний день свыше 57 % населения стран, которые придерживаются либерально-демократической идеологии и ценностей, проявляют недовольство относительно того, как высшие уровни власти защищают базовые демократические ценности. В списке стран, где граждане проявляют недовольство и выходят на протесты, иногда немирные, оказались многие страны западного мира: США, Франция, Великобритания, Испания и др. [5].

Можно утверждать о том, что на протяжении последних 25 лет неудовлетворенность демократией постепенно росла. Все это наглядное свидетельство начала серьезного кризиса либеральной демократии как самой модели государственного управления.

Впервые об этом заговорили еще в конце XX в. Американский политолог С. Ф. Хантингтон, автор концепции этнокультурного разделения цивилизаций, в своей статье «Столкновение цивилизаций» в 1975 г. резюмировал, что либерально-демократические правительства не эффективны. Свои наблюдения он объяснял тем, что социальная структура государств трансформировалась. Появилось огромное количество меньшинств, т. е. обособленных социальных групп [6].

Общество, особенно на Западе, начало активное дробление по возрастному, национальному, гендерному признакам. Каждая из этих групп, согласно базовым принципам либеральной демократии, имеет право через государственные институты отстаивать свои интересы.

При этом важно понимать, что ни одно правительство мира не в состоянии учесть интересы всех меньшинств и малых социальных групп, сделать так, чтобы никто из них не чувствовал себя ущемленным. В связи с этим, в разных слоях западных обществ постепенно накапливалось разочарование в эффективности демократических институтов [4].

Впервые немецкий социолог и философ, профессор Франкфуртского университета Ю. Хабермас высказался о том, что неспособность государства удовлетворять интересы и запроса социальных меньшинств ведет к кризису самой либерально-демократической политической системы. Согласно его мнению, граждане, не получившие государственного одобрения и поддержки, теряют доверие к демократии как к механизму государственного управления, выходят из политических партий, перестают участвовать в выборах. Все это когда-нибудь станет причиной разрастания социальной напряженности, что, в свою очередь, обязательно выльется в смену власти и системы политического управления [9].

Тем народам, которые испокон веков следуют традиционным семейным, религиозным и прочим ценностям, тяжело понять и принять ту ценностную ориентацию, которая сегодня пропагандируется Западом в рамках продвижения либеральной демократии [5]. Поэтому в современном мире и нарастает жесткое противостояние между ними и носителями агрессивной либеральной идеологии. Защитники традиционных ценностей на Западе сегодня получают статус врагов народа и в особенности меньшинств, которые наделены теми же правами, что и любой другой гражданин. В интересах Запада полномасштабная ценностно-смысловая переделка мира и именно с этой целью активно продвигаются идеи либеральной демократии западного видения.

В этой связи на современном этапе для Российской Федерации одним из основных векторов государственного развития является направление по охране и защите ценностей многонационального народа, направленный на сохранение своей целостности и индивидуальности. Российское государство много для этого делает. Оно нашло свою реализацию в Указе Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных

ценностей», в котором закрепляется, что «Российская Федерация рассматривает традиционные ценности как основу российского общества, позволяющую защищать и укреплять суверенитет России, обеспечивать единство нашей многонациональной и многоконфессиональной страны, осуществлять сбережение народа России и развитие человеческого потенциала» [8].

Список литературы

1. Вятр Е., Врублевская-Токер Т. И. Кризис либеральной демократии в XXI в.: сравнительная перспектива // Социология. 2019. № 2. С. 79–84.
2. Дежнев В. Н. Традиционные ценности и их генезис в Российской истории // Философские и исторические исследования. 2017. С. 150–160.
3. Дмитриев И. Е. Развитие либеральной демократии в России на фоне антиамериканизма // Развитие современной науки: теоретические и прикладные аспекты. 2018. С. 188–190.
4. Земанек Л. Русофобия и трансформация чешской либеральной демократии в связи с украинским кризисом // Перспективы. 2022. № 1 (28). С. 46–60.
5. Князева С. Е. Тернистый путь европейской либеральной демократии // Актуальные проблемы и достижения в общественных науках. 2019. С. 27–32.
6. Осмоловская А. А. Модели либеральной демократии: к вопросу поиска альтернативы // Человек и современный мир. 2018. № 6 (19). С. 12–17.
7. Указ Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». URL: <https://bazanpa.ru/prezident-rf-ukaz-n1666-ot1912-2012-h1984090>.
8. Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // НПП «Гарант-сервис». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061>.
9. URL: <https://www.koob.ru/habermas/?ysclid>.

Досакаев А. Б.¹,
старший преподаватель кафедры
государственных и гражданско-правовых дисциплин
Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России,
кандидат юридических наук

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ СТАТУС КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ РОССИИ: СПЕЦИФИКА НАУЧНОГО ДИСКУРСА

В контексте исследования конституционно-правового статуса коренных малочисленных народов следует заметить, что проблема понимания сущности правового статуса в юридической науке остается приоритетной темой для обсуждения.

Анализ научной литературы, международных документов, а также нормативных правовых актов Российской Федерации показывает, что для обозначения понятия «коренные малочисленные народы» в Российской Федерации и в международных документах используются различные термины: «коренные народы», «коренное население», «автохтоны», «аборигены», «индигенные народы» и т. д. Такое расхождение объясняется тем, что только в российской правовой практике категории «коренной» и «малочисленный» применительно в определении правового статуса народа взаимосвязаны друг с другом [1, с. 80].

Различные подходы в обозначении этнических общностей не аутентичными терминами на международном и национальном уровне создают определенную сложность в формировании правовой базы и ее реализации в рамках международных общепринятых принципов регулирования статуса коренных малочисленных народов Российской Федерации. Б. С. Эбзеев, отмечает, что в России понятие «коренные народы» в своем исторически сложившемся понимании не соответствует понятию, которое присуще для международных актов [2].

И. Ю. Пешперова по данной проблематике пишет, что ряд отечественных ученых, обращая внимание на отличия в сложившейся практике, считают термин «коренные малочисленные народы» чисто российским изобретением, поскольку в международных актах используется иное выражение «коренные народы и народы, ведущий племенной образ жизни». Тем не менее, И. Ю. Пешперова также, как и К. Д. Аракчаа, допускает с оговоркой применение в российском законодательстве понятия «коренные малочисленные народы» из-за чрезвычайно сложной ситуации аборигенов России, т. к. многие из них находятся на грани исчезновения [3, с. 56–57] (например, кереки).

Использование терминологии «коренные малочисленные народы» в российской правоприменительной практике (в отличие от международной), по нашему мнению, в некотором смысле оправдано. Имплементация международного термина «коренной народ» в российском опыте с предлогом «малочисленный» является крайне необходимым, т. к. она стала результатом эволюционных и компромиссных представлений о коренных малочисленных народах России [4].

¹ © Досакаев А. Б., 2023.

Признавая бесспорность этого положения, отметим, что интернациональные отношения народов нашей страны в большинстве случаев могут как в культурном, так и языковом аспекте быть подвержены ассимиляции с большими по численности народами страны относительно малых народностей. Поэтому, как мы видим из положения ряда нормативных актов Российской Федерации, еще до принятия Конституции Российской Федерации законодатель использует термин «малочисленный народ» вместо «коренного малочисленного народа».

Анализ норм Конституции Российской Федерации показывает, что в обозначении «малочисленный народ» законодатель использует два адекватных термина «коренные малочисленные народы» (ст. 69) и «малочисленные этнические общности» (п. «м» ч. 1 ст. 72). Однако, содержание самого термина «малочисленная этническая общность» не раскрывается ни в одном из действующих нормативных правовых актов. Справедливо по этому поводу пишет Р. Ш. Гарипов, отмечая, что параллельное использование указанных терминов отрицательно влияет на эффективную реализацию правовых норм [5, с. 39].

Несмотря на существующие дискуссии в академических кругах по соотношению дефиниций «национальное меньшинство» и «коренные малочисленные народы» в России, взаимоотношения государства с коренными малочисленными народами раскрываются при помощи концепции «национальное меньшинство».

Помимо законодательного закрепления вышеприведенных терминов в ряде нормативных правовых актов Российской Федерации используются и другие понятия, такие как: «этническая общность», «этническая группа», «национальная группа», «этноконфессиональная группа», «коренные национальности».

Как видим из выше проведенного анализа нормативных правовых актов у российского законодателя наблюдается различные терминологические обозначения. Такое разнообразие терминов в регулировании прав указанных субъектов показывает, что в реальных общественных отношениях между его участниками по реализации коллективных и индивидуальных прав, имеющих этническую природу, возникает ряд спорных моментов.

Отсутствие системного подхода у законодателя и согласованности в употреблении данных определений, по нашему мнению, объясняется тем, что в переходный период в начале 90 гг. XX в., после распада СССР, Российская Федерация сохранила консервативный подход.

Сложившаяся ситуация не осталась без внимания и в научных кругах. Так, ряд авторов рассматривают введение термина «малочисленные» как некорректное, приводящее на практике к сближению с определением «национальные меньшинства».

Кроме того, в п. «в» ст. 71 и п. «б» ч. 1 ст. 72 Конституции Российской Федерации законодатель, используя термин «национальные меньшинства», не раскрывает ни в одном из нормативных правовых актов его понятийного аппарата и не указывает, какие общности к ним относятся. Единственными нормативными правовыми актами, в которых упоминается термин «национальные меньшинства» кроме Конституции России, являются:

- Федеральный закон от 29 декабря 1994 г. № 78-ФЗ «О библиотечном деле» (п. 1 ст. 8);

– Федеральный закон от 18 июня 1998 г. № 84-ФЗ «О ратификации Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств».

Таким образом, стоит заметить, что, несмотря на существующие дискуссии в академических кругах по соотношению дефиниций «национальное меньшинство» и «коренные малочисленные народы» в России, взаимоотношения государства с коренными малочисленными народами раскрываются при помощи концепции «национальное меньшинство».

По этому поводу, интересно отметить мнение Н. В. Витрука, который в своем комментарии к ст. 69 Конституции Российской Федерации рассматривал коренных малочисленных народов в качестве разновидности национальных меньшинств [6, с. 302].

Следует учитывать и другую проблему – сохранения традиционного образа жизни, хозяйствования и видов промыслов коренных малочисленных народов. Профессор В. А. Кряжков, исследуя конституционно-правовой статус коренных малочисленных народов отмечает, что право на традиционный образ является комплексным правовым институтом, который включает в себя совокупность взаимосвязанных и взаимодополняющих прав [7, с. 49].

Промышленная экспансия и урбанизация городов в районах традиционного проживания коренных малочисленных народов России, новые технологии, облегчающие жизнь, не могут позитивно сказываться на сохранении традиционного образа жизни, форм хозяйствования и видов промыслов этих народов, внося определенные изменения. Развитие промышленности сказывается на миграционных процессах коренных народов, которые в пределах традиционного проживания в поисках более безопасной, менее суровой жизни, медицинского, социального, культурного и иного обслуживания переселяются в густонаселенные места, выбирая иной вид трудовой деятельности, отличающийся от традиционного.

Принципиальное значение для законодателя при отнесении народа к коренному малочисленному имеет его количественный состав, который не должен превышать 50 тыс. чел. Этот критерий вызвал в науке конституционного права дискуссию. Сторонники количественного критерия считают рубеж в 50 тыс. чел. относительно стабильным [8, с. 7]. По мнению исследователей, народ не сможет преодолеть его в течение длительного времени. Несколько иной позиции придерживаются другие авторы, требующие исключить численный ценз [9], поскольку выход за ее пределы лишает народ установленных государством гарантий его существования [10, с. 11]. Поэтому во главе критериев отнесения этноса к малочисленным народам должен стоять не количественный состав, а наличие их субъективной подготовленности и способность использовать правовой статус.

В свете изложенного, мы согласны с позицией ученых, отрицающих количественный ценз в определении малочисленного народа, как не отвечающему социальному предназначению законодательства о коренных малочисленных народах. Дело в том, что многие представители коренных народов в настоящее время продолжают жить в суровых климатических условиях. Возможны такие ситуации, когда более многочисленная этническая общность нуждается в большем

внимании со стороны государства, чем малочисленная. Например, под угрозой находится самобытность народа хакасы (численность 72959 чел.).

Конституционно-правовой статус коренных малочисленных народов России должен определяться не от их количественного состава, а от уровня их субъективной подготовленности к сохранению языка и культуры. К тому же, в международной и зарубежной практике количественный критерий не является основополагающим и не рассматривается как принцип определения народа к малочисленному.

Учитывая тот факт, что в науке конституционного права, с учетом положений российского законодательства, относительно дефиниции «коренные малочисленные народы» сложились различные точки зрения и разные концепции, нам наиболее близка точка зрения О. А. Мурашко. По его мнению, коренные малочисленные народы – это «народы и этнические группы, проживающие на территориях традиционного расселения предков и составляющие в настоящее время на территориях соответствующих субъектов Российской Федерации статистическое меньшинство, сохраняющие некоторые или все свои социальные, экономические, культурные и политические институты» [11].

Анализ небольшого, но весьма существенного, опыта науки конституционного права дает возможность сделать вывод о том, что термин «коренные малочисленные народы» включает в себя ряд существенных признаков:

- этноним;
- численность населения;
- территория традиционного проживания.

Поэтому усиление национального самосознания и самоидентификации, а также рост требований со стороны этнических общностей по вопросам национального самоопределения в настоящее время в связи с отсутствием единого научного подхода в этнологии по общеизвестным понятиям «этничность», «этнос» и «национальность», создает терминологическую путаницу в их обозначении. Для более полного и ясного изучения нашей исследуемой тематики решение этой проблемы, по нашему мнению, должно занимать важное место в науке конституционного права.

Список литературы

1. Гоголев П. В. Конституционно-правовые основы патернализма и партнерства в отношении коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России : дис. док. юрид. наук : 12.00.02. М., 2014.
2. Эбзеев Б. С. Самоопределение народов в современном мире: конституционно- и международно-правовые аспекты (по мотивам ценного монографического исследования) // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 9. С. 33–34.
3. Пешперова И. Ю. Права национальных меньшинств в рамках Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). СПб., 2001.
4. Кряжков В. А. Конституция Российской Федерации о правах коренных малочисленных народов: намерения и реальность // Государство и право. 2018. № 12. С. 71–82.

5. Гарипов Р. Ш. Защита коренных народов в международном праве. Казань : Центр инновационных технологий, 2012.
6. Научно-практический комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В. В. Лазарева. 2-е изд. М. : Спартак, 2002.
7. Кряжков В. А. Традиционный образ жизни коренных малочисленных народов в конституционно-правовом измерении // Государство и право. 2017. № 12. С. 44–55.
8. Тэпс Д. Соотношение понятий национальных меньшинств и коренных малочисленных народов // История государства и права. 2006. № 1. С. 7–9.
9. Майборода Э. Т. Особенности реализации прав этнических общностей в северокавказском макрорегионе // Бюллетень отдела социально-политических проблем Кавказа Южного научного центра РАН. Вып. 2. Ставрополь, 2006. С. 119–121.
10. Харючи С. Н. Правовые проблемы сохранения и развития коренных малочисленных народов Севера России: конституционно-правовое исследование : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.02. Тюмень, 2009.
11. Мурашко О. А. Обсуждение проекта закона Российской Федерации «Основы правового статуса коренных народов Севера» // Этнографическое обозрение. 1995. № 3. С. 118–119.

Зайцев С. А.¹,
курсант 3210 учебного взвода
Института подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: **Горшенева И. А.,**
заведующий кафедрой иностранных языков
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, профессор,
заслуженный работник Высшей школы Российской Федерации

ОБЕСПЕЧЕНИЕ УВАЖЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ ПРИНЯТИЯ ГОСУДАРСТВАМИ МЕР ПО БОРЬБЕ С ПАНДЕМИЕЙ COVID-19: ЕВРОПЕЙСКИЙ ОПЫТ

Распространение пандемии COVID-19 по всему миру стало одной из самых трудно прогнозируемых и сложных проблем нашего времени. Данную вспышку Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) охарактеризовала как пандемическую, а также беспрецедентную за последнее столетие. В таких условиях национальные правительства столкнулись с рядом сложных задач, которые требовали финансовых, правовых и организационных ресурсов. Перед системами здравоохранения каждой страны мира встал целый ряд таких задач, как принятие мер по предотвращению распространения вируса, своевременное выявление больных и их изоляция, а также предоставление высококачественной и компетентной медицинской помощи. Данные мероприятия были направлены, прежде всего, на сведение к минимуму человеческих потерь, в то же время они не должны были препятствовать доступности медицинского обслуживания для пациентов, страдающих от других видов заболеваний.

Пандемия COVID-19 затронула все страны мира, заставив их правительства осуществлять комплекс мероприятий с целью минимизации распространения вируса. Поэтому органы власти государств были вынуждены озвучивать распоряжения различной степени категоричности вплоть до введения чрезвычайного положения, которое влечет за собой ограничение определенных прав и свобод человека и гражданина. Официальные органы и учреждения, уполномоченные заниматься данными вопросами направляют свои усилия на разработку эффективных механизмов минимизации необоснованных ограничений прав граждан в рамках противодействия распространению пандемии.

Известно, что основополагающими документами, закрепляющими основные права и свободы человека и гражданина, являются Всеобщая декларация прав

¹ © Зайцев С. А., 2023.

человека, Международный пакт о гражданских и политических правах, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод [1; 3; 4; 5].

Однако, Всеобщая декларация прав и свобод человека и гражданина выступает в этом списке приоритетным международным документом. Она была принята и провозглашена Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций 10 декабря 1948 г. Так в ст. 29 говорится, что «... у каждого есть обязанности перед обществом, в котором возможно свободное и полное развитие его личности. При осуществлении своих прав и свобод каждый гражданин может подвергаться только таким ограничениям, которые установлены законом исключительно с целью обеспечения надлежащего признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе» [5].

Помимо этого, Международный пакт о гражданских и политических правах, принятый ООН 16 декабря 1966 г., закрепляет право человека на свободу передвижения, свободу выбора места жительства, право на свободу вероисповедания и на выражение своих взглядов, а также право на мирные собрания и свободу ассоциации [3]. Указанные права могут подвергаться, предусмотренными законом, ограничениям, необходимым для защиты национальной безопасности. Аналогичные положения содержит Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах [4]. Эти положения обозначают, что государство может подвергать права таким ограничениям, которые определены законом, только в той мере, в какой это может быть совместимо с природой существующих прав и исключительно с целью содействия общему благосостоянию в демократическом обществе [4].

На Европейском пространстве главным документом выступает Конвенция о защите прав человека и основных свобод [1]. В ней закрепляются:

- право на жизнь;
- запрет на применение пыток;
- право на личную неприкосновенность и справедливое разбирательство в суде;
- право на уважение частной и семейной жизни.

Статья 15 этого документа указывает, что во время чрезвычайного положения, угрожающего жизни граждан страны, подписавшей Конвенцию, ее правительство может принимать решения по отступлению от своих обязательств в той мере, в какой требуют обстоятельства [1]. Такое положение может быть применено к последствиям пандемии COVID-19. Следует подчеркнуть, что чрезвычайные полномочия должны осуществляться исключительно в законных целях в области общественного здравоохранения.

К настоящему периоду 10 государств воспользовались своим правом на отступление от положений Конвенции: Сербия, Сан-Марино, Румыния, Армения, Албания, Эстония, Латвия, Грузия, Северная Македония, Молдова. Эти государства обязаны информировать свое население о чрезвычайных мерах, сроках их применения и возможного продления. Меры реагирования должны приниматься

в соответствии с потребностями, которые возникают на различных этапах кризисной ситуации, вызванной пандемией. Компетентные органы государств должны регулярно обновлять эту информацию и делать ее общедоступной. Важно отметить, что при стабилизации пандемической ситуации перед национальными правительствами встала задача по обеспечению возвращения граждан к нормальной жизни.

Обобщение практического опыта осуществления мер по прекращению распространения пандемии доказывает, что к числу наиболее ограничительных мероприятий относится ограничение права на передвижение (закрытие границ, контроль за передвижением человека за пределами его места жительства, создание карантинных зон), права на свободу мирных собраний (обязательство поддерживать социальное дистанцирование и режим самоизоляции, а также запрет на проведение массовых мероприятий), права на охрану здоровья (затрудненный доступ к медицинской помощи из-за перегруженности медицинских учреждений), права на свободу вероисповедания (запрет религиозных мероприятий и ограничение религиозных обрядов).

Ситуация в странах относительно пандемии периодически менялась, но данные ВОЗ позволяют утверждать, что наибольшее количество заражений наблюдалось в таких странах, как Испания, Франция, Италия и Германия. Соединенное Королевство также находилось в этом списке, хотя оно больше не является частью ЕС, но включено в европейские статистические отчеты. На Мальте, в Исландии, Латвии, Кипре и Лихтенштейне зафиксированы самые низкие показатели зарегистрированных случаев, что объясняется территориальной удаленностью этих государств и небольшой численностью населения.

Меры, принимаемые правительствами данных стран для ограничения и прекращения распространения пандемии COVID-19, были обусловлены многими факторами: экономическими, правовыми, политическими и социальными. Их объединяет необходимость соблюдать баланс между общественной безопасностью и правами человека. Процесс реализации такой сложной задачи имеет свои особенности в каждой стране. Например, Испания вводила карантинные меры во всем столичном регионе из-за роста заболеваемости. В Мадриде и девяти близлежащих городах было ограничено передвижение граждан. Количество поселившихся в гостиницах и посетителей в заведениях общественного питания не могло превышать 50 % от максимальной вместимости. Правила предусматривали штрафы за нарушение карантинных ограничений. Сопротивление и неповиновение сотрудникам правоохранительных органов в чрезвычайной ситуации также караются штрафами в размере до 600 тыс. евро или тюремным заключением на один год. Испанская полиция была уполномочена проводить проверку личности людей на улице и выяснять цель их передвижения. Карантинные меры не пользовались единодушной поддержкой населения. Проходили акции протеста с требованием ослабить ограничения.

Италия была страной, которая больше всего пострадала от COVID-19 весной 2020 г., поэтому меры по борьбе с пандемией являлись более решительными и применялись во всех сферах жизни. В принятом Указе о мерах по борьбе с пан-

демией предусматривалось, что чрезвычайное положение в Италии наделяет губернаторов особыми полномочиями. Другими словами, местные власти могли создавать «красные зоны» или зоны изоляции на территориях вспышки COVID-19. Строгий общий карантин продолжался в Италии с начала марта по начало мая 2020 г. и характеризовался запретом на въезд для иностранцев, ограничениями на передвижение между населенными пунктами, закрытием образовательных и развлекательных заведений, а также запретом на массовые мероприятия, такие как свадьбы и похороны. С тех пор такие строгие карантинные ограничения были ослаблены и иногда вводились на местном уровне.

Во Франции не было введено никаких строгих ограничений с момента вспышки пандемии COVID-19, однако с ростом заболеваемости были введены ограничения на массовые мероприятия. Общественные объекты, такие как бары, бассейны и кафе, были закрыты. Среди других европейских стран Германия была довольно успешна в противодействии распространению вируса COVID-19, о чем свидетельствуют чрезвычайные меры, принятые правительством.

В мировом рейтинге самых безопасных стран Германия занимает второе место после Израиля. Этот результат связан с качественной организацией системы реагирования в системе здравоохранения. Немецкие больницы имеют квалифицированный персонал и достаточное количество коек для приема пациентов. Государство не ввело строгий карантин, но развлекательные и спортивные объекты, а также учебные заведения были закрыты на некоторое время. Религиозные обряды были запрещены. Однако, беспрецедентный пакет поддержки предпринимательской деятельности и оказания социальной помощи гражданам также был направлен на поддержку обеспечения уважения прав и свобод человека.

Отметим, что Великобритания также ввела ограничительные меры, направленные на противодействие увеличению количества больных COVID-19. Первым ограничением было введение самоизоляции для наиболее уязвимой группы населения – людей возрастной группы старше 60 лет. Всем другим гражданам было рекомендовано сократить количество социальных контактов и, по возможности, работать удаленно. «Стратегия правительства по борьбе с Коронавирусом направлена на достижение коллективного иммунитета, чтобы система здравоохранения могла противостоять угрозе». Для нарушителей, установленных требований и ограничений, были установлены значительные штрафы – от 6200 фунтов стерлингов для физических лиц [2].

ВОЗ также не оставляет эту проблему без внимания и выпускает рекомендации, связанные с соблюдением прав человека. В частности, внимание сосредоточено на следующем:

- противодействие дискриминационному поведению и демонстрации;
- поддержка гендерного равенства и предотвращение насилия в отношении женщин;
- поддержка уязвимых слоев населения (а именно, инвалидов, бездомных, беженцев, мигрантов и лиц, содержащихся под стражей);
- уважение прав граждан в соответствии с соблюдением международных стандартов при введении карантина или ограничительных мер;

- решение проблемы нехватки медикаментов и оборудования для лечения пациентов;
- оказание международной помощи и сотрудничества.

Отмечается, что ВОЗ играет решающую роль в поддержке государств-членов, с тем чтобы они отвечали вызовам нашего времени и разрабатывали комплексный подход к борьбе с COVID-19.

Признание прав человека как неотъемлемой части качественной системы здравоохранения не только обеспечит этику ограничений для населения, но и создаст основу для реагирования на возможные кризисы в области здравоохранения в будущем. В документах отмечалось, хотя на практике случалось противоположное, что все институты Совета Европы мобилизованы и не жалеют усилий для использования инструментов и ресурсов для обмена информацией, передовой практикой и опытом, полученными от всех заинтересованных сторон, включая органы власти, гражданское общество и граждан с целью поиска общих ответов на вызовы, связанные с пандемией.

Обобщение и систематизация положений, изложенных в документах ООН и СЕ, определяет следующие важные рекомендации международных и европейских организаций по обеспечению прав человека в условиях борьбы с распространением COVID-19:

- свобода самовыражения и доступ к информации (государство должно обеспечить своим гражданам доступ к статистическим данным о состоянии заболеваемости и в то же время опровергнуть ложную информацию о способах лечения и профилактики);
- обеспечение максимального доступа к медицинским ресурсам (особенно для уязвимых групп населения – пожилых людей и людей с ограниченными физическими возможностями, людей с низким уровнем дохода);
- обеспечение соблюдения ограничительных мер с неотъемлемыми правами человека (ограничений, связанных с охраной здоровья, или ограничений, связанных с введением чрезвычайного положения в стране, которые должны соответствовать нормативным правовым актам, быть необходимыми и соразмерными);
- оказание экономической поддержки (субсидии и льготы) для лиц, терпящих убытки из-за ограничительных мер (юридических лиц и предпринимателей, а также физических лиц – мигрантов, малоимущих и безработных);
- борьба с дискриминацией и насилием по признаку расы, возраста, пола;
- обеспечение доступа к образованию (внедрение дистанционных технологий);
- обеспечение международного сотрудничества и эффективной работы национальных учреждений как для распространения медицинской информации, разработки вакцинации, новых методов лечения, так и для оказания экономической и организационной поддержки.

Необходимо учитывать тот факт, что национальные законодательные органы европейских стран гарантируют права человека и их судебную защиту, включая обращение в Европейский Суд по правам человека. Ученые неоднократно подчеркивали, что нарушение прав человека в контексте введения государствами

мер по борьбе с пандемией COVID-19 может подвергнуть национальные правительства риску многочисленных обращений граждан в судебные органы по вопросу защиты в этой связи своих прав. Глобальное распространение COVID-19 и принятие мер по его сдерживанию наглядно демонстрируют взаимозависимость, взаимосвязанность и неделимость всех прав человека.

Обобщенный зарубежный опыт обеспечения прав и свобод человека в контексте введения государствами мер по борьбе с пандемией, рекомендации международных организаций дают основания для следующих выводов: отступление от положений Европейской конвенции о правах человека в контексте введения мер по борьбе с COVID-19 стало общей проблемой для европейских стран и потребовало особого внимания со стороны судебных органов, включая ЕСПЧ. Осуществление чрезвычайных мер должно быть законным, необходимым, недискриминационным, носить четкую направленность и иметь определенную продолжительность. Обеспечение уважения прав и свобод человека в контексте введения мер по борьбе с пандемией также требует обдуманных, разумных, своевременных и эффективных правовых, организационных (регулирующих, экономических, мониторинговых) форм и методов государственной деятельности.

Первоочередными задачами в подобных ситуациях является:

- обеспечение права на жизнь (доступность медицинских процедур и медикаментов, особенно для пациентов уязвимых групп);
- право на свободу и безопасность (строгие санкции за нарушение противоэпидемических мер должны вводиться только в соответствии с регламентированными процедурами);
- право на труд (предусматривает сохранение рабочих мест, заработную плату, предоставление оплачиваемых медицинских справок и пособий по безработице);
- необходим свободный доступ к правдивой информации (для обеспечения уважения прав и свобод человека);
- противодействие преступности, и в первую очередь насилию в семье;
- конфиденциальность и защиту персональных данных.

Комплексный подход к проблеме обеспечения прав человека в сфере европейской и международной деятельности по противодействию распространению пандемии COVID-19 имеет чрезвычайно важное значение.

Обеспечение соблюдения ограничений контролируется не только полицией с увеличенным числом патрулей, но и вооруженными силами, которые задействуются для обеспечения безопасности. Во время пандемии часы работы развлекательных заведений и заведений общественного питания ограничены и при этом их посетителям необходимо соблюдать социальную дистанцию. В странах запрещаются массовые мероприятия и действуют ограничения на движение общественного транспорта. Британское правительство, например, в ходе разгара пандемии пообещало выделить 330 млрд фунтов стерлингов на поддержку бизнеса, данные средства предусматриваются для помощи наиболее уязвимым категориям населения. Для простых людей, испытывающих финансовые трудности, тоже была выделена льгота – трехмесячная отсрочка платежа по ипотечным

кредитам. Следует отметить, что Правительство страны впервые выделяло государственные субсидии частному сектору и через систему социального обеспечения. В области обеспечения прав человека в Великобритании правозащитники и ученые выражают обеспокоенность и призывают к противодействию насилию в семье, которое демонстрировало значительный рост. «Учитывая увеличение случаев домашнего насилия во время пандемии, правительства Великобритании, Шотландии и Уэльса должны обеспечить, жертвам соответствующую защиту и поддержку, независимо от иммиграционного статуса. Данные институты также должны обеспечить адекватное финансирование и поддержку служб для борьбы со всеми формами злоупотреблений, как во время, так и в пост пандемический период».

Анализ опыта Великобритании в борьбе с COVID-19 показывает, что меры по противодействию распространению пандемии менее эффективны из-за нескольких факторов:

- отступающего по времени реагирования;
- низкого уровня самосознания граждан;
- недостаточной обеспеченности медицинским оборудованием;
- ограниченного распространения статистических данных о пациентах;
- криминализации;
- противодействия принятию мер для содействия сотрудничеству в разработке процедур, а также в предоставлении необходимых медицинских средств индивидуальной защиты, которые в первую очередь касаются деятельности ВОЗ.

Список литературы

1. Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, as amended by Protocols No. 11 and 14. Available at. URL: https://www.eods.eu/library/CoE_European%20Convention%20for%20the%20Protection%20of%20Human%20Rights%20and%20Fundamental%20Freedoms_1950_EN.pdf.
2. Country review. UK experience in fighting COVID-19 Available from: <https://ach.gov.ru/upload/pdf/England.pdf>.
3. International Covenant on Civil and Political Rights Available from: <https://www.ohchr.org/en/professionalinterest/pages/ccpr.aspx>.
4. International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights Available from: <https://www.ohchr.org/en/professionalinterest/pages/cescr.aspx>.
5. The Universal Declaration of Human Rights Available from: <https://www.un.org/en/universal-declaration-human-rights/>.

Зайцева С. Е.¹,

*доцент кафедры иностранных языков
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат педагогических наук, доцент*

Агеева С. Е.²,

*курсант 311 учебного взвода
Института подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

ПРИОРИТЕТ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В ПРАВОВОМ ГОСУДАРСТВЕ

Приоритет прав человека – один из главных определяющих принципов любого правового государства. Идея приоритета прав человека заложена в фундамент либерализма и связана как с достоинством личности, так и с другими идеями, например, идеями естественного права, правового государства и верховенства права в государстве. Если отрицать или даже просто не защищать приоритет прав человека, то не останется ничего, кроме того, как утвердить приоритет государственной власти, ее представителей и государственных служащих, которые призваны защищать права и свободы людей. Любая государственная власть, в том числе демократическая, ограничивается правами человека, которые являются высшей ценностью государственной власти. Немецкий философ И. Кант, автор теории «категорического императива», полагает, что право человека должно быть неизменным, в каком бы государстве оно не предоставлялось.

Что такое приоритет прав человека и в чем заключается его смысл? Права человека – это универсальные международно-правовые стандарты, образующие основу правового статуса личности. По существу, права человека формируют те условия и способы жизнедеятельности в личной, политической, экономической, социальной и культурной сферах, которые призваны удовлетворять интересы и потребности людей.

В каждом государстве и в каждой сфере жизнедеятельности человек обладает различным набором прав, в том числе и естественных.

Таким образом, естественные права – понятие теории права, обозначающее совокупность свойственных природе законов, регулирующих порядок в ней. Общество и люди, которые его составляют, являются неотъемлемой частью природы, поэтому естественное право распространяется также на них. Само государство к числу естественных неотчуждаемых прав человека относит право на жизнь свободу, безопасность, собственность, физическую и психическую неприкосновенность, достоинство личности, личную и семейную тайну и т. д.

¹ © Зайцева С. Е., 2023.

² © Агеева С. Е., 2023.

Принято считать, что этими правами государственная власть не может никак распоряжаться, а именно не может ни даровать, ни отчуждать их своими актами и действиями у людей.

Приоритет прав и свобод человека заключается в том, что государство призвано охранять этот принцип права и свободы личности посредством не только закрепления данной нормы в соответствующих нормативных правовых актах, но и специальным механизмом, который существует в каждом государстве. Права личности должны быть защищены от власти, переданной и предоставленной государству, и лиц, желающих посягнуть на данный принцип в отношении любого человека, от возможности пренебрежения интересами и потребностями. Защищать права личности должно государство, и даже при разрешении конфликтов между государством и личностью оно должно исходить из этого принципа.

Мы говорим о том, что приоритет прав человека является одним из принципов в правовом государстве. Для того, чтобы иметь полное представление о закреплении принципа и реализации его в правовом государстве, необходимо разобраться, что такое правовое государство.

В своем изначальном варианте, правовое государство – это такое государство, которое ограничено в своих действиях изданными им законами. Исходя из этого, право есть отождествление с принятыми государством законами, т. е. государство в своей деятельности связано изданными им законами, сохраняя за собой право в определенном порядке мочь изменить содержание этих законов. Однако, если государство оставляет за собой возможность изменить любой закон и любую норму права, то его уже нельзя будет назвать правовым, т. к. оно не будет ограничено в своих действиях изданными законами, а также посредством своей абсолютной власти сможет изменить любые принципы, содержащиеся в основных нормативных правовых актах, тем самым нарушив права и свободы человека.

Например, в странах где преобладает англосаксонская правовая теория и традиция аналогом понятия «правовое государство» является концепция права (rule of law) в ее классическом варианте, разработанная английским юристом А. В. Дэйси на рубеже XIX–XX вв., в которой верховенство права исключает произвол власти и даже широкие дискреционные полномочия правительства. Таким образом, любое управление людьми будет осуществляться на основании права существующих в этом государстве законов, с учетом соблюдения приоритета прав и свобод человека, где также будет признаваться правовое равенство граждан, а наказание будет возможно только за нарушение существующего закона, установленного государством.

Современное понимание понятия «правовое государство» основывается, как и упоминалось ранее, на идеологии естественных неотчуждаемых прав человека. Приоритет прав и свобод человека в качестве принципа означает, что главное в составе законности, работе аппарата государства, всех его органов и должностных лиц – уважение и общая защита прав граждан, включая борьбу с их нарушениями. Указанной задаче подчиняется все остальное.

Для полного представления реализации и закрепления данного принципа рассмотрим несколько стран, причем с разной правовой системой:

1) Российская Федерация – демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления, которая относится к романо-германской правовой семье;

2) Великобритания – парламентарной монархия, принадлежащая к англо-саксонской правовой семье;

3) Соединенные Штаты Америки – федеративная президентская республика, относящаяся к англо-саксонской правовой семье;

4) Франция является одной из стран с национальными правовыми системами в романо-германской правовой семье.

Эти страны подобраны таким образом, чтобы мы могли увидеть и удостовериться в том, что в странах действительно соблюдается приоритет прав и свобод человека. Исходя из этого, мы имеем четыре разных страны, представителей романо-германской и англо-саксонской правовых семей, с различными формами государственного устройства и формами правления.

В Российской Федерации принцип приоритета прав человека закрепляется, в первую очередь, в Конституции Российской Федерации. Статья 2 гласит: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства». Таким образом, мы можем видеть нормативно-правовую основу существующего принципа, который стоит в самом начале Конституции Российской Федерации, что говорит о невероятной значимости данного принципа.

Хочется отметить, что не только вышеприведенная норма обеспечивает приоритет прав человека в правовом государстве. Также конституционная норма, закрепленная в ст.18 Конституции Российской Федерации, подчеркивает: «Права и свободы человека и гражданина являются действующими непосредственно. Именно они определяют смысл, содержание и использование законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления. Их обеспечение происходит с помощью правосудия».

Кроме того, приоритет прав человека отражается в гл. 2 Конституции Российской Федерации «Права и свободы человека и гражданина», перечисленные в ст.ст. 17–64. Например, ст. 17 гласит: «В Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с настоящей Конституцией».

Помимо закрепления норм права, выражающих приоритет прав человека, существует, как упоминалось ранее, определенный механизм по защите прав и свобод человека. Механизм защиты прав человека – гарантированная законом установленная система обеспечения правового статуса человека, включающая упорядоченное функционирование органов публичной власти, правозащитных организаций, а также самостоятельную реализацию субъективных прав и свобод, ориентированную на предупреждение и восстановление нарушенных прав при соблюдении необходимого баланса частных и публичных интересов.

В Российской Федерации создана специальная система органов, отвечающих за обеспечение защиты прав человека:

- государственные правозащитные и правоохранительные организации и учреждения (суд, прокуратура, полиция);
- общественные правоохранительные организации (адвокатура, комитет по защите прав потребителя, общественные движения и объединения).

В Великобритании не перечислены основные права человека в том смысле, который вкладывают в это понятие в странах с писаной конституцией. В британском праве не существует единой классификации прав и свобод граждан. Традиционное деление на личные, политические, экономические и социальные права и свободы применимо в Великобритании с оговорками. Для англичан права и свободы это, прежде всего, индивидуальные права, ограничиваемые государством в силу общественного договора и вытекающие из принципа: каждый может делать то, что не запрещено правовыми нормами.

Британское понимание прав человека имеет две основные характеристики:

- 1) юридические права индивидуума – это остаток (residue) его свобод после того, как они были формализованы законом и правоприменительной практикой;
- 2) главным в институте прав человека является не формальное закрепление их обширного перечня в законе, а эффективные судебные и внесудебные средства их защиты.

В Великобритании социальные права получили свое развитие и закрепление в законодательстве лишь в самую последнюю очередь. Среди них выделяются:

- право на равную плату за равный труд;
- право на отдых;
- право на социальное обеспечение;
- право на образование;
- право на здоровье и др.

Политические права и свободы, как и во многих других странах, развивались постепенно, впоследствии закрепляясь в различных нормативных правовых актах. Например, права человека в Великобритании касаются основных юридических прав каждого человека в Соединенном Королевстве. Являясь неотъемлемой частью конституции Великобритании, которая представляет собрание законов и прецедентов, права человека вытекают из общего права, из таких законов, как Великая Хартия вольностей, Билль о правах 1689 г. и Закон о правах человека 1998 г., из членства в Совете Европы и из международного права.

Как и в Российской Федерации, в Великобритании существует ряд государственных органов, которые предназначены для защиты прав и свобод человека и свершения правосудия в этой сфере.

Уровень демократизма любой конституции определяется, прежде всего, объемом закрепленных в ней прав и свобод, их гарантированностью и некоторыми другими элементами. Конституция США первоначально почти не содержала положений о правах и свободах граждан, в то время права и свободы содержались в конституциях штатов, и отказ закрепить их в Основном законе страны диктовался стремлением ограничить возможности их требований на национальном уровне. Позднее идеи неотъемлемых прав личности, построенные на признании достоинства и ценности человека как такового, нашли правовое закрепление в Билле о правах.

Возможно, самым непопулярным решением, принятым основателями американской Конституции, было решение не включать Билль о правах в окончательный текст. Им пришлось долго уверять ратификаторов в том, что такое перечисление прав, как в Билле, будет достигнуто принятием поправки сразу же после ратификации Конституции. Ее защитники полагали, что особой необходимости во включении Билля о правах нет – Правительство остается с ограниченными полномочиями, и гражданам не будет отказано в их традиционных правах. А. Гамильтон утверждал, что «Конституция сама является Биллем о правах». Однако народ требовал гарантий, и он их получил в лице первых 10 поправок к основному тексту Конституции, обобщенных под единым названием «Билль о правах».

Таким образом, концепция прав человека в США проистекает из содержания Конституции и основополагающих документов, утверждающих очевидный приоритет личных прав, прав индивида. Гарантисми выступают государственная политика и судебная власть. Права собственника и равенство всех перед законом (рассматриваемое как «равенство возможностей», т. е. только формально-юридическое равенство).

Чтобы пользоваться правами, необходимо иметь их не только по закону, но и фактически обладать ими. Механизм реализации прав граждан в этой стране сложился как межотраслевой правовой институт и функционирует с участием всех ветвей власти и уровней правления.

Взаимодействия государственных институтов, штатов, органов самоуправления, общественных организаций и коллективов недостаточно для решения проблемы. Огромную роль сыграли суды всех уровней и, прежде всего, Верховный Суд США с его полномочиями по толкованию Конституции. Этот орган оказался достаточно гибким для понимания необходимости для личности добиваться осуществления своих интересов и прав не только через институт собственности, но и через государство. Реальная правотворческая роль судов, вытекающая из прецедентного права, способствовала преодолению весьма сложного и взрывоопасного периода несоответствия конституционных норм реальному положению с правами человека в законодательной, правоприменительной и социальной сфере.

Таким образом, спустя большое количество лет, в Конституции США не только закрепили формально права и свободы человека, но и смогли организовать работу определенного механизма, который обеспечивает защиту прав и свобод человека.

Для Франции права человека имеют особую историческую значимость. Французская традиция приверженности правам человека восходит еще к XVIII в. – веку Просвещения. Франция, приняв 26 августа 1789 г. Декларацию прав человека и гражданина, была одним из первых государств, провозгласивших эти права.

Сегодня, будучи участницей почти всех договоров в области содействия соблюдению и защите прав человека, выработанных Организацией Объединенных Наций, Франция призывает к их всеобщей ратификации, принимает активное участие в разработке новых норм в области защиты прав человека, выступает

за принятие нового международного инструмента, направленного на борьбу с насильственным исчезновением людей и т. д.

Опираясь на эти документы, французская дипломатия направляет свою деятельность в рамках как многосторонних, так и двусторонних отношений на борьбу с нарушениями прав человека повсюду, где бы это ни происходило. На национальном уровне французская Декларация прав человека стала составной частью Конституции. Международные соглашения в области прав человека имеют при этом приоритет над внутренними законами, и в большинстве случаев частные лица могут ссылаться на них как на нормы прямого действия во всех судебных инстанциях. Всеобъемлющий характер национального законодательства в области прав человека свидетельствует также о том исключительном значении, которое Франция придает их соблюдению.

Подводя итог о вопросе приоритета прав и свобод человека в правовом государстве необходимо отметить, что на основе рассмотрения нескольких стран, несмотря на разницу в нормативно-правовом закреплении прав и принципов по форме изложения основного нормативного правового акта страны, с уверенностью можно сказать, что приоритет прав и свобод человека присутствует и защищается в каждой стране соответствующим образом, предусмотренным законодательством.

Список литературы

1. Варламова Н. В. Правовое государство // Большая российская энциклопедия. 2015. Т. 27. С. 347–348.
2. Воеводин Л. Д. Правовой статус личности. М., 1997. С. 225.
3. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // НПП «Гарант-сервис». URL: <http://base.garant.ru>.
4. Лукашёва Е. А. Права человека // Большая российская энциклопедия. 2015. Т. 27. С. 329–330.
5. Малков В. В. Конституционный контроль и защита прав и свобод человека в современной Франции : учебное пособие / отв. ред. Е. В. Алферова. М., 2015. С. 62.
6. Мамут Л. С. Естественное право // Большая российская энциклопедия 2007. Т. 9. С. 707.
7. Мишин А. А. Государственное право США. М. : Наука, 1976. С. 38.

Арикбаева А. Р.¹,
курсант 411 учебного взвода
Института подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: **Зайцева С. Е.,**
доцент кафедры иностранных языков
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат педагогических наук, доцент

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ЭВОЛЮЦИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

В 1945 г. мир достиг переломного момента. После двух мировых войн, Холокоста, первых ядерных ударов и масштабного кризиса с беженцами необходимо было предпринимать ответные действия. 51 страна, включая таких влиятельных государств, как Советский Союз, Соединенные Штаты, Франция и Великобритания, объединилась, чтобы сформировать ООН. Три года спустя, в 1948 г., большинство членов ООН ратифицировали Всеобщую декларацию прав и свобод человека. Прошло более семи десятилетий, а документ из 30 статей остается источником споров и вдохновения.

Всеобщая декларация прав человека (далее – ВДПЧ) стала первым шагом на пути к всеобщим правам человека. Ее целью всегда было просто представить миру план: 30 статей не являются юридически обязательными. Используя ее в качестве руководства, в настоящее время существует более 80 международных договоров, деклараций, конвенций, законопроектов и конституционных положений. Одним из ключевых примеров является Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации, участниками которой являются 182 человека. Данная Конвенция берет свое начало в 1960 г. после потока сообщений о возрастающем числе проявления антисемитизма по всему миру, признаваемыми нарушениями Всеобщей Декларации прав человека. Текст Конвенции включал определение «расовой дискриминации», осуждение апартеида, перечень стандартов, которые стороны должны соблюдать, и механизм подачи индивидуальных жалоб. Этот процесс занял некоторое время, поэтому Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации была официально принята только в 1965 г.

В 1966 г. ООН приняла Международный пакт о гражданских и политических правах и Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах. Эти документы были приняты в 1966 г. и вступили в силу в 1976 г. Ко второму нормативному правовому акту относится Факультативный протокол, предусматривающий механизм разбора жалоб от отдельных лиц. Пакет этих трех

¹ © Арикбаева А. Р., 2023.

документов формирует Международный билль о правах человека, а также принятые на его основе международно-правовые документы о самоопределении народов, о предупреждении дискриминации, геноцида, апартеида, рабства, о праве на гражданство, о праве на убежище, о правах беженцев, о свободе информации, о свободе ассоциаций, о браке и семье, правах детей и молодежи, о социальном прогрессе, обеспечении и развитии и т. д. К этим актам относится также ряд договоренностей, касающихся правового статуса отдельных категорий граждан: женщин, детей, инвалидов, умственно отсталых лиц, беженцев, апатридов (лицо, которое не рассматривается гражданином каким-либо государством в силу закона этого государства) и др. Все они дополняют и конкретизируют механизмы выполнения международных соглашений.

Международные пакты о правах человека – это договоры, заключенные государствами-участниками в целях уважения, гарантий и принятия мер для комплексного осуществления широкого спектра прав.

Некоторые полагают подобные меры преувеличенными, поскольку ни одна страна не обязана соблюдать стандарты Международного билля о правах человека. Каждая страна может претендовать на ВДПЧ в качестве собственного плана, однако отсутствует механизм, в соответствии с которым можно было бы привлечь ее к ответственности. Тогда и вступают в силу договоры и конвенции, но даже у них существуют проблемы, потому что многие страны просто не отчитываются перед ООН. Они могут декларировать одно, а потом делать другое.

ВДПЧ была создана не для того, чтобы служить вершиной прав человека; это лишь фундамент, возможно вдохновленный историческими документами, такими как Великая хартия вольностей, но Декларация представляет собой первое глобальное усилие по защите прав человека. Во времена кризисов (войн, пандемий, изменения климата) мир должен помнить основную идею Всеобщей декларации: «мы не можем добиться прогресса и мира без прав человека».

Следующим важнейшим шагом в развитии прав и свобод человека после создания ООН стал Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (Хельсинки, 1975 г.). Он выражает концепцию безопасности и правового статуса человека и гражданина, основанную на общепризнанных демократических началах и стандартах, и исходит из того, что от решения многих проблем в гуманитарной области напрямую зависит налаживание цивилизованных и корректных международных отношений. Важной вехой в развитии прав и свобод человека стал Итоговый документ Венской встречи представителей государств-участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (1989 г.). Венская встреча ознаменовала собой принципиально новый этап в общеевропейском гуманитарном и правовом сотрудничестве, так как в настоящее время именно гуманитарное и правовое сотрудничество является одним из ключевых факторов укрепления безопасности в мире. Понятие безопасности в мире включает в себя не только военно-политическую, но и правовую, гражданскую, социальную, культурную защищенность личности. Важнейшим достижением Венской встречи явилась договоренность государств-участников способствовать

тому, чтобы все люди знали свои права и обязанности. Положения, зафиксированные в вышеуказанных документах, позволяют сформулировать определение «прав и свобод человека» и определить условную их классификацию.

В последние годы, по мере того как экономическое и политическое управление миром по всей видимости меняется, а могущество Запада приходит в упадок, этот вопрос обсуждается все чаще. Однако, обсуждение этой проблемы происходит достаточно кулуарно, не отражая важности такой смены власти для возникающих угроз правам человека.

Как известно, права человека характеризуют три аспекта:

- гражданско-политический;
- социально-экономический;
- область развития.

Принятие многих международных документов по правам человека способствовало развитию прав человека во всем мире. Принципы, декларируемые в них, применяются как на национальном, так и на международном уровне. Все они были установлены для защиты прав человека во всем мире.

В настоящее время с каждым новым развитием общества появляется множество новых способов эксплуатации человека и нарушения его прав. Обращения к толкованию прав должны осуществляться каждым последующим поколением исходя из потребностей общества. Виртуальный мир, воплощаемый интернет-ресурсами, не знает ограничений и распространен на всем мировом пространстве и поэтому, для защиты интересов общества и прав человека, необходимо внедрение новых правил и правового регулирования его информационного поля.

На современном этапе общественного развития основные права и свободы человека определяются как объективные условия возможности жизнедеятельности человека, без которых сам человек не может существовать. Совокупность этих прав и свобод характеризует свободу личности, использование ею своих законных интересов в независимости от интересов других индивидов.

На протяжении всей своей истории человечество пытается сделать жизнь лучше. И оно добилось в этом немалых результатов. Однако, зачастую, достигнутый экономический и научно-технический потенциал используется для угнетения и уничтожения людей, способствования их обнищанию.

Право формируется одновременно и параллельно с развитием государства (а в определенном смысле и до его возникновения). Каждый новый виток в развитии государства приводит к дальнейшему развитию правовой системы. Государство и право взаимосвязаны, взаимозависимы в достижении поставленных целей. Но право обладает и собственной относительной самостоятельностью, собственными, внутренне присущими ему закономерностями формирования и функционирования, т. е. право самостоятельно по отношению к государству, хотя и формируется при непосредственном его участии. Государство обеспечивает охрану прав человека и господствующих правоотношений, а государственное принуждение выступает постоянным гарантом, подкрепляющим права человека. Гражданин является субъектом политико-правовой связи с государством, состоящей из взаимных прав и обязанностей, а государство способно наиболее полно обеспечивать права и свободы граждан.

В настоящее время выделяют несколько этапов развития прав человека:

I этап – политические, личные, культурные права.

II этап – социально-экономические, гражданские права.

III этап – коллективные права (женщин, детей).

IV этап – права человечества:

- право на мир;
- экологические права;
- информационные права;
- права на ядерную безопасность, космос и др.

В современных условиях все более утверждается идея не только уравновесить в правах государство и личность, но и предоставить каждому человеку безотказно действующие механизмы реализации его неотъемлемых прав. Обществу необходимо ощущать на себе то благотворное влияние, которое способно оказать право, как явление цивилизации и культуры. Для человечества это особенно важно сейчас, поскольку еще не зафиксированы все грани между свободой и вседозволенностью. Общество нуждается в утверждении атмосферы надежного и прочного правопорядка, дабы быть уверенным в победе истины во всех жизненных перипетиях, какими бы сложными они ни были. Без этого разумного согласия не достичь.

В процессе накопления новых ценностей и становления новых отношений между государством и личностью происходят сложные взаимодействия. Существенным образом меняются соотношения экономики, демократии, права, возникают новые проблемы в ходе развития личности и ее правовой охране.

Права человека потому и носят всеобщий и универсальный характер, что базируются на общечеловеческих ценностях. Права человека – это неотъемлемое, естественное свойство личности. Общечеловеческие ценности составляют духовно-нравственную основу прав гражданина. Важнейшей особенностью прав человека как феномена мировой культуры и цивилизации является то, что они воплощают в специфической форме высокие идеалы человеческой свободы и равенства, такие общечеловеческие нравственные принципы, как справедливость, гуманность. Права человека – это духовно-нравственный идеал, воплощенный в правовых нормах.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 4. Ст. 445.
2. Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» (ред. от 28.06.2009) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 22. Ст. 2031.
3. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13 марта 2008 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений подпунктов 1 и 2 пункта 1 статьи 220 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.И. Аникина, Н.В. Ивановой, А.В. Козлова,

В.П. Козлова и Т.Н. Козловой» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 12. Ст. 1183.

4. Анисимов П. В. О методологическом и практическом значении права человека на правовую защиту в формировании правозащитного направления отечественной юридической науки // Российская и европейская правозащитные системы: соотношение и проблемы гармонизации. Нижний Новгород, 2003.

5. Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации. М., 2002.

6. Глухарева Л. И. Универсальность и социокультурный релятивизм прав человека // Право и права человека : сборник научных трудов. Кн. 5. М., 2003.

7. Маслоу А. Г. Мотивация и личность / пер. с англ. 3-е изд. СПб. : Питер, 2003.

8. Ильин И. Общее учение о праве и государстве. М. : АСТ : Хранитель, 2006.

9. Лукашева Е. А. Права человека: конфликт культур // Наш трудный путь к праву : материалы философско-правовых чтений памяти академика В. С. Нерсисянца. М., 2006.

10. Малиновский А. А. Назначение субъективного права // Правоведение. 2006. № 4.

11. Мюллерсон Р. А. Права человека: идеи, нормы, реальность. М., 1999.

Зокиров Т. З.¹,

*аспирант кафедры административного права и процесса
Московского государственного юридического университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ПРАВА ГРАЖДАН НА ОХРАНУ ЗДОРОВЬЯ: ФЕДЕРАЛЬНЫЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

Здоровье человека является одной из важнейших конституционных ценностей современной России. Право на охрану здоровья, в развитие конституционных предписаний, явилось предметом ряда законодательных и иных нормативных актов Российской Федерации и субъектов Российской Федерации. Как отмечает В. В. Пучкова, право на охрану здоровья является производным от более общего права на здоровье [1].

Право на охрану здоровья, в силу ч. 2 ст. 18 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан Российской Федерации» (далее – Закон) [2], обеспечивается охраной окружающей среды, созданием безопасных условий труда, благоприятных условий труда, быта, отдыха, воспитания и обучения граждан, производством и реализацией продуктов питания соответствующего качества, качественных, безопасных и доступных лекарственных препаратов, а также оказанием доступной и качественной медицинской помощи. Остальные права, предусмотренные в названном Законе и других нормативных актах, в том числе, принятых на уровне субъектов Российской Федерации, являются логическим развитием общего права на охрану здоровья. Из этого следует, что нарушение нормативных правовых актов в области охраны здоровья, в части невыполнения гарантий, предусмотренных ч. 2 ст. 18 Закона, следует воспринимать как нарушение конституционного права гражданина, рассчитывающего на эти гарантии.

Поэтому следует воспринимать право на охрану здоровья в узком и широком смысле. В узком смысле это право на защищенность здоровья от неблагоприятных факторов, в широком – на создание всех условий, способствующих сохранению здоровья человека. В первом случае, право на охрану здоровья, будучи конституционным правом, охраняется Федеральным законом, во втором случае – защищается в зависимости от того, какой уровень публичной власти обеспечивает надлежащие условия для сохранения здоровья.

Административная ответственность за посягательства на права граждан в сфере охраны здоровья (в узком и широком смысле) содержатся в гл. 6 КоАП РФ. Помимо этого, отношения в области охраны здоровья являются основным объектом составов административного права, содержащихся в других главах КоАП РФ (например, ст. 14.4.2 «Нарушение законодательства об обращении лекарственных средств»).

Отношения в области охраны здоровья как дополнительный объект административного правонарушения, предусматриваются в нормах иных глав КоАП РФ (например, чч. 1 и 2 ст. 11.5 КоАП РФ, предусматривающая ответственность

¹ © Зокиров Т. З., 2023.

за причинение по неосторожности легкого и среднего вреда здоровью потерпевшего при нарушении порядка допуска к выполнению полетов воздушных судов либо правил подготовки и выполнения полетов).

Субъектом административной ответственности за правонарушения в области охраны здоровья выступают граждане, должностные и юридические лица. Например, занятие народной медициной влечет применение равных мер юридической ответственности к названным субъектам.

В качестве наказаний за посягательства на отношения в области охраны здоровья, законодатель установил предупреждение, штраф, административное приостановление деятельности и дисквалификацию.

Следует учитывать разграничение предметов ведения между Российской Федерацией и ее субъектами, как в области регулирования реализации права на охраны здоровья (в широком смысле), так и в области административной ответственности. Разграничение полномочий в области охраны здоровья проводится в соответствии с гл. 3 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан Российской Федерации». За субъектами Российской Федерации закреплен широкий объем как собственных, так и делегированных полномочий.

В соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 1.3.1 КоАП РФ, субъекты Российской Федерации устанавливают административную ответственность об административных правонарушениях за нарушение законов и иных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, нормативных правовых актов органов местного самоуправления, а в соответствии с п. 7 регулируют иные вопросы в соответствии с КоАП РФ.

Так, в Амурской области действует Закон от 11 марта 2010 г. № 316-ОЗ «О мерах по предупреждению причинения вреда здоровью детей, их физическому, интеллектуальному, психическому, духовному и нравственному развитию в Амурской области» [3], нормы которого следует воспринимать как форму обеспечения благоприятных условий обеспечения охраны здоровья детей и права на охрану здоровья в широком смысле. К предусмотренным мерам относится определение органами публичной власти мест, нахождение в которых детей не допускается ввиду угрозы, в том числе детскому здоровью (например, рюмочные и пр.). В соответствии со ст. 10 названного Закона, меры, принимаемые юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями, сводятся к созданию системы информирования:

- детей, их законных представителей, лиц, осуществляющих мероприятия с участием детей, юридических лиц и индивидуальных предпринимателей о недопустимости нахождения детей в соответствующих местах;
- органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних о нахождении детей в местах, нахождение в которых детей не допускается.

Статья 3.4.1 Закона Амурской области от 30 марта 2007 г. № 319-ОЗ «Об административной ответственности в Амурской области» предусматривает ответственность за отсутствие предупреждающих надписей, знаков и (или) неоповещение посетителей мест, нахождение в которых детей не допускается. Ответственность несут должностные и юридические лица.

Интересным примером административно-правовой защиты права на охрану здоровья региональным законодательством служит административная ответственность за нарушение правил содержания животных в приютах, повлекшее причинение вреда здоровью человека. Подобные административные правонарушения также нарушают право на охрану здоровья, поскольку выражаются в неприятии должных мер по обеспечению безопасного пребывания граждан в приютах для животных.

Так, ст. 51 Закона Республики Бурятия от 5 мая 2011 г. № 2003-IV «Об административных правонарушениях» устанавливает ответственность за допущение причинения вреда здоровью человека нападением животного. Законодатель привел необходимые уточнения, указав на необходимость отсутствия признаков необходимой обороны, крайней необходимости, а также признаков преступлений. Ответственность несут владельцы животных и приюты, содержащие животных без владельцев [4].

В ранее действовавшей редакции, отсутствовала ответственность за причинение вреда животными, содержащимися в приютах, соответственно, не предусматривалась ответственность юридических лиц [5]. Администрация приютов обязана обеспечивать необходимые меры для предотвращения вреда здоровью граждан (п. 2 ч. 1 ст. 17 Закона «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»), соответственно, указанный состав административного правонарушения вполне логично следует отнести к числу посягающих на отношения в области охраны здоровья.

Аналогичные нормы содержатся в ст. 3.15 Закона Приморского края от 5 марта 2007 г. № 44-КЗ «Об административных правонарушениях в Приморском крае», ст. 5.1 Кодекса Московской области об административных правонарушениях (далее – КоАП МО). В Московской области, указанная ответственность наступает только для граждан, в связи с чем, не может восприниматься как правонарушение, посягающее на права в области охраны здоровья.

Примечательно, что названные статьи содержатся не в главах, устанавливающих ответственность за правонарушения, посягающие на права и здоровье, а в главах, устанавливающих ответственность за правонарушения, посягающие порядок обращения с животными (Республика Бурятия) и на общественный порядок и общественную безопасность (Приморский край, Москва).

Право на бесплатное или льготное обеспечение протезами, ортопедическими изделиями и иными специальными средствами предусмотрено Положением о порядке предоставления мер социальной поддержки по обеспечению протезно-ортопедическими изделиями граждан, проживающих в Республике Башкортостан, не являющихся инвалидами, но по медицинским показаниям нуждающихся в протезировании (далее – Положение) [6]. В соответствии с названным Положением, право на получение протезно-ортопедических изделий имеют граждане, имеющие медицинские показания и имеющие среднедушевой доход ниже величины прожиточного минимума в расчете на душу населения (п. 1.3 Положения).

Ответственность за нарушение Положения установлена ст. 3.7 Кодекса Республики Башкортостан об административных правонарушениях от 23 июня 2011 г. № 413-з [7] (далее – КоАП Башкортостана) в отношении должностных лиц и юридических лиц.

Право на благоприятные условия труда, быта и отдыха, в части чистоты и порядка в местах общественного пользования, массового посещения и отдыха, также обеспечены административной ответственностью. В Московской области действует Закон Московской области от 30 декабря 2014 г. № 191/2014-ОЗ «О регулировании дополнительных вопросов в сфере благоустройства в Московской области» (ред. от 19.09.2022), устанавливающий обязанности по поддержанию чистоты и порядка в местах общественного пользования. Действуют и муниципальные акты, например, решение Совета депутатов городского округа Долгопрудный «Об утверждении Правил благоустройства территории городского округа Долгопрудный Московской области» [8]. Ответственность за неисполнение этой обязанности установлена ст. 6.1 КоАП МО, устанавливающая ответственность за нарушение правовых актов МО и органов местного самоуправления.

Права граждан на охрану здоровья в части создания благоприятной среды, огражденной от воздействия табачного дыма и последствий употребления никотинсодержащей продукции, защищены как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов Российской Федерации. В настоящее время действует Федеральный закон «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма, последствий потребления табака или потребления никотинсодержащей продукции», перечислившего места, на которых запрещено потреблять табак. В Амурской области действует Закон «Об ограничении курения табака, потребления никотинсодержащей продукции, использования кальянов в отдельных общественных местах на территории Амурской области». Он ввел запрет на потребление табака:

1) в местах на открытом воздухе на расстоянии менее чем десять метров от входов в здания, занимаемые органами государственной власти, государственными органами, органами местного самоуправления муниципальных образований области;

2) на территориях общего пользования (площади, набережные, скверы, бульвары, парки);

3) на остановках транспорта общего пользования, а также на расстоянии менее чем пять метров от них;

4) в местах проведения культурно-массовых, зрелищно-развлекательных, спортивных, физкультурно-оздоровительных мероприятий на открытом воздухе во время их проведения;

5) на специально обозначенных (обустроенных) парковках у зданий, занимаемых органами государственной власти, государственными органами, органами местного самоуправления муниципальных образований области, и на парковках, прилегающих к территориям общего пользования (площади, набережные, скверы, бульвары, парки).

Ответственность за нарушение этого запрета установлена ст. 4.24 Закона Амурской области от 30 марта 2007 г. № 319-ОЗ «Об административной ответственности в Амурской области».

Отметим, что до принятия действующего КоАП РФ, субъекты Российской Федерации устанавливали АО по более широкому кругу вопросов в сфере права на охрану здоровья. Так, в Республике Коми действовал Закон от 30 октября 1998 г. № 42-РЗ «Об административной ответственности за правонарушения в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения и охраны здоровья граждан Республики Коми» (далее – Закон Респ. Коми) [9]. Предусматривалось три взыскания – штраф, предупреждение и конфискация товара, причем порядок конфискации утверждался Главой Республики, а не Законом (п. 4 ст. 2 Закона Респ. Коми).

Закон предусматривал «меры административного воздействия в виде лишения, приостановления видов деятельности (лишение лицензии, патента)» (ст. 5 Закона Респ. Коми). По логике, такие меры не являлись административными взысканиями. Меры административного воздействия выражались в направлении главным государственным санитарным врачом или его заместителем «постановления органу, осуществляющему лицензирование, выдачу патентов на осуществление определенных видов деятельности, для принятия решения о приостановлении, лишении лицензии, патента» (абз. 2 ст. 5 Закона Респ. Коми).

Вместе с тем, случаи принятия региональных законов об административной ответственности в сфере прав на охрану здоровье с нарушением установленной компетенции имели место и после вступления в силу действующего КоАП РФ. Так, ст. 3.9 КоАП Башкортостана об административных правонарушениях устанавливала ответственность за причинение среднего или тяжкого вреда здоровью потерпевшего, если такое деяние не образует состав правонарушения, предусмотрено федеральным законом или иными нормами КоАП Башкортостана.

Данная норма была признана недействующей решением Верховного Суда Республики Башкортостан от 25 июля 2012 г. по делу № 3-37/2012, поскольку нарушала установленное разграничение предметов ведения между Российской Федерацией и ее субъектами, в том числе, по вопросам охраны здоровья граждан. Региональный законодатель попытался поставить под защиту право на охрану здоровья в узком смысле, при том, что федеральный законодатель уже это сделал в Уголовном, Гражданском и иных кодексах, а также прочих федеральных законах.

На наш взгляд, меры, принимаемые субъектами Российской Федерации по обеспечению права на охрану здоровья в широком смысле – по созданию условий сохранения здоровья, являются доказательством эффективности устоявшегося разграничения предметов ведения между государством и его субъектами. Вместе с тем, эта эффективность была бы неполной без мер административной ответственности за нарушение региональных и муниципальных правовых актов.

Список литературы

1. Пучкова В. В. Совершенствование обеспечения конституционного права на охрану здоровья // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 4. С. 52–54.

2. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>.
3. Амурская правда. 2010. № 42. 13 марта.
4. Бурятия. 2011. № 79. 7 мая.
5. Официальный интернет-портал Правительства Республики Бурятия. URL: www.egov-buryatia.ru.
6. Положение утверждено постановлением Правительства Республики Башкортостан от 31 декабря 2004 г. № 270 // Ведомости Государственного Собрания Курултая, Президента и Правительства Республики Башкортостан. 2005. № 2 (200). Ст. 74.
7. Ведомости Государственного Собрания Курултая, Президента и Правительства Республики Башкортостан. 2011. № 16 (358). Ст. 1151.
8. Вестник «Долгопрудный». 2021. № 11-1. 24 марта.
9. Ведомости нормативных актов органов государственной власти Республики Коми. 1999. 26 февр.

Иванова Е. И.¹,

старший преподаватель кафедры русского языка

Московского университета

МВД России имени В.Я. Кикотя

СОБЛЮДЕНИЕ ПРАВ ГРАЖДАН С НАРУШЕНИЯМИ СЛУХА В УСЛОВИЯХ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБЩЕНИЯ С СОТРУДНИКАМИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Соблюдение прав граждан с ограниченными возможностями здоровья при общении с сотрудниками органов внутренних дел до сих пор представляет собой немаловажную проблему. Несмотря на прописанные законодательно меры, способствующие реализации таких прав, и сейчас возникают конфликтные ситуации, имеющие под собой различные причины. В данной статье хотелось бы подробнее остановиться на гражданах, имеющих инвалидность вследствие различных нарушений слуха.

При общении с таким гражданином причиной нарушения его прав является в первую очередь редкость контактов, а также неочевидность его инвалидности. Действительно, если человек имеет серьезные нарушения зрения или опорно-двигательного аппарата, это заметно сразу. И ни один сотрудник полиции не будет требовать от человека, чтоб он начал видеть или ходить. Однако глухота незаметна, пока вы не начали с человеком общаться. Описаны случаи конфликтных ситуаций, по причине того, что глухого принимали за находящегося под воздействием наркотических или психотропных веществ из-за нетипичной реакции на сотрудника полиции [2]. Все вышесказанное свидетельствует об актуальности темы и необходимости ее подробного освещения.

Говоря о гражданах с нарушениями слуха, следует подробно остановиться на типичных затруднениях, которые возникают при инклюзивном общении с ними. К таким следует отнести понимание и принятие факта глухоты гражданина, слабое владение им русским языком (в первую очередь письменным) и незнание сотрудником органов внутренних дел основ русского жестового языка.

Легко ли быстро понять, что человек не слышит? К сожалению, нет. Внешне он никак не отличается от других граждан (в отличие от человека с белой тростью или в инвалидной коляске), однако его реакция на попытку контакта будет иной, нежели у слышащего. Глухоту можно заподозрить по следующим признакам (и по ним же отличить от человека, намеревающегося оказать сопротивление либо находящегося в состоянии наркотического опьянения):

- гражданин не реагирует на вас (в том числе на ваш голос), когда вы находитесь вне поля его зрения, однако тут же демонстрирует адекватную реакцию, когда вас видит;
- поведение гражданина не меняется, если вы отдаете какую-либо команду «в спину»: не начинает бежать, не вздрагивает, не пригибается и т. д.;

¹ © Иванова Е. И., 2023.

- гражданин незамедлительно реагирует на любой световой сигнал (фонарик, включить и выключить свет в помещении и т. п.) или на вибрацию (если вы, к примеру, топаете по деревянному полу);

- гражданин показывает на уши и разводит в стороны руками. Так он пытается показать, что не слышит вас.

Помните, что в стрессовой ситуации (травма, сильное эмоциональное волнение) человек забывает все языки, кроме родного. Соответственно, гражданин с нарушениями слуха может попытаться перейти на жестовый язык, даже понимая, что сотрудник полиции его, скорее всего, не понимает. Его использование также можно считать отличительным признаком глухоты гражданина.

Выяснив, что у гражданина имеются нарушения слуха, делающие невозможным устное общение, сотрудник органов внутренних дел, как правило, пытается перейти к контакту в письменной форме. Однако здесь возникает следующее затруднение: не все глухие владеют русским языком.

Чтобы понять, почему так происходит, следует рассмотреть механизм усвоения языка ребенком. Как это происходит? Младенец, окруженный звуками речи родителей и других людей, воспринимает язык на слух, начинает понимать, а затем и повторять. Так усваивается родной язык. Если же ребенок с рождения не слышит, то выучить язык таким образом он не в состоянии. Имея глухих родителей, он будет владеть жестовым языком как родным, а русский учить позже как иностранный. Если родители слышащие, механизм восприятия языка у ребенка не меняется, и русский язык как родной он все равно воспринять не в состоянии. Он будет для глухого гражданина иностранным. Некоторые выучивают русский язык очень хорошо (так же, как мы можем выучить любой иностранный язык на высоком уровне), некоторые же практически не знают его.

На практике можно столкнуться со следующими вариантами владения русским языком со стороны гражданина с нарушениями слуха:

1. Глухой не владеет русским языком. Он не может изложить свои мысли в письменном виде и не понимает смысл написанного. Общение с таким гражданином трудно психологически. Вам может показаться, что он издевается над вами, отказываясь от сотрудничества. Тяжело понять и принять тот факт, что, не являясь иностранцем, гражданин совершенно не владеет русским языком. Однако неграмотность глухого не является попыткой уйти от ответственности, выгородить себя и т. д. Рекомендуется общение через переводчика жестового языка.

2. Глухой владеет русским языком на среднем уровне. Он допускает значительное количество грамматических ошибок на письме (именно грамматических, а не орфографических), но в целом его письменная речь понятна. Однако при чтении текста, особенно длинных предложений с обилием юридических терминов, у него возникают существенные затруднения в понимании прочитанного. Рекомендуется при общении максимально упростить свою письменную речь:

- формулировать короткие простые предложения;
- юридические термины заменять на простые понятные синонимы;
- не использовать слова в переносном значении и т. д.

3. Глухой хорошо знает русский язык и сам предпочитает письменное общение. Это самый благоприятный для сотрудника органов внутренних дел вариант, однако встречается он не так часто.

Приведем общие рекомендации по инклюзивному общению в условиях ограниченного владения русским языком со стороны гражданина с нарушениями слуха:

- не пренебрегайте вызовом переводчика русского жестового языка. В настоящее время многие глухие граждане пользуются телефонными приложениями, позволяющими вызвать переводчика онлайн. Наличие специалиста позволит наиболее полно и без затруднений выяснить все необходимые вопросы, в том числе провести процессуальные действия;

- если вызов переводчика невозможен, переходите к письменному общению. Используйте общеупотребительные слова и простые синтаксические конструкции (короткие понятные предложения). Упрощайте свою речь, чтобы она была максимально понятна. С пониманием относитесь к грамматическим ошибкам. Помните, что русский язык для глухого не является родным;

- помните, что не все глухие читают по губам, а даже те, кто обладает этим навыком, могут не понять вашу артикуляцию. Кроме того, при чтении по губам теряется до 40–50 % информации;

- не заставляйте глухого понимать словесные команды и общаться с вами голосом. К сожалению, на практике встречаются случаи, когда сотрудник полиции не предлагает бумагу и ручку даже при активном желании со стороны глухого переписываться, отдают исключительно вербальные команды и демонстрируют недовольство, что глухой не начинает его их слышать и понимать;

- изучайте основы русского жестового языка. Для минимального установления контакта с гражданином с нарушениями слуха возможно формирование минимального лексического запаса.

Необходимость изучения основ русского жестового языка сотрудниками органов внутренних дел регулируется следующими нормативными правовыми актами:

- 1) приказ МВД России от 12 мая 2015 г. № 544 «Об утверждении Порядка определения должностей в органах внутренних дел российской Федерации, исполнение обязанностей по которым требует владения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации навыками русского жестового языка»;

- 2) приказ МВД России и Минобрнауки России от 15 июня 2015 г. № 681/587 «Об объеме владения навыками русского жестового языка сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации, замещающими отдельные должности в органах внутренних дел Российской Федерации».

Соответственно, многие сотрудники органов внутренних дел обязаны овладеть русским жестовым языком хотя бы в минимальном объеме.

Лексический минимум для изучения сотрудниками органов внутренних дел должен быть простым для запоминания и исполнения, оптимального количества, с отсутствием непривычных для слышащего человека грамматических конструкций, совпадением артикуляционного компонента жеста с произношением слова

на русском языке и, наконец, сформирован так, чтобы избежать необходимости прибегать к обратному переводу.

Необходимым минимумом представляется набор из 10 фраз:

1. Здравствуйте! Моя фамилия...
2. Вы глухой?
3. Предъявите паспорт.
4. Нужна ли вам помощь?
5. Вам плохо? Нужно ли вызвать вам скорую помощь?
6. Здесь опасно находиться.
7. Здесь запрещено находиться.
8. Что случилось? Напишите подробно.
9. Вы задержаны.
10. Там будет переводчик.

Данный лексический минимум позволяет установить первичный контакт, в том числе в условиях нахождения неслышащего гражданина в опасности, а также обеспечить минимальную коммуникацию в условиях возможности дополнительного письменного общения. Исходя из этого, данные фразы нужно отнести к необходимым для активного словарного запаса. Расширяя этот минимум, возможно дополнение списка жестами следующей тематики:

- «виды преступлений» («кража», «убийство», «изнасилование», «нападение», «мошенничество»);
- «охрана общественного порядка и опасность» («опасность», «ждать», «оставаться здесь», «разрешено-запрещено»);
- «документы» («паспорт», «водительские права», «социальная карта»);
- «здоровье» («врач», «больно») и т. д.

Изученные жесты пополнят словарный запас и обеспечат возможность минимального прямого и обратного перевода.

Список литературы

1. Гусев Ю. М., Домрачева Е. А. О роли русского жестового языка в служебной деятельности сотрудников полиции // Проблемы правоохранительной деятельности. 2018. № 3. С. 73–76.
2. Иванова Е. И. Особенности отбора и перевода на жестовый язык лексического минимума сотрудника органов внутренних дел // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2021. Т. 6. № 1 (11). С. 84–87.
3. Липина Е. А. Из опыта преподавания русского жестового языка сотрудникам полиции в системе дополнительного профессионального образования // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2018. № 1 (72). С. 79–85.
4. Степанов Р. И. Отбор содержания учебного материала для подготовки сотрудников полиции к взаимодействию с глухими людьми // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. № 3 (41). С. 170–176.

Алексич Е. В.¹,
 доцент кафедры иностранных языков
 Московского университета
 МВД России имени В.Я. Кикотя,
 кандидат педагогических наук, доцент

Калейник Е. А.²,
 курсант 412 учебного взвода
 Института подготовки сотрудников
 для органов предварительного расследования
 Московского университета
 МВД России имени В.Я. Кикотя

ПРИЗНАНИЕ И ЗАЩИТА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА КАК ОДНА ИЗ ОСНОВНЫХ ФУНКЦИЙ ГОСУДАРСТВА

Человек, его естественные права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав человека и гражданина – это одна из важнейших функций государства.

Что такое естественные права человека? Естественные права – это права, присущие каждой личности от рождения. Независимо от возраста, социального статуса, национальной принадлежности, полу, цвета кожи, вероисповедания. Все люди обладают равными правами, данными от природы, и никто не в праве их нарушать и дискриминировать. Каждый гражданин может рассчитывать на поддержку и защиту своих прав от государства, несмотря на его социальное положение, бюджет или место жительства. Люди, которые посягают на права и свободы, должны нести юридическую ответственность за нарушение прав личности. Обязанностью государства является контроль, осуществление целенаправленной политики, создание институтов и курирование деятельности специальных органов по защите прав и свобод.

Права и свободы должны быть провозглашены и закреплены законодательно, а задачей государства является формирование системы специальных ведомств. Это суды, правоохранительные органы и органы общественного правопорядка, Генеральная прокуратура Российской Федерации, находящиеся под постоянным контролем государства.

Указанные структуры, выполняя предписанные им законом функции, должны четко их коррелировать с защитой прав и свобод человека во всех областях общественной жизни. Создание специальных механизмов, структур для обеспечения гарантий прав человека находится в сфере постоянного внимания государства. Правотворческая деятельность государства по принятию нормативных правовых актов по защите прав и свободы человека и внесению в них требуемых временем изменений находится в зоне Конституционного Суда Российской Федерации, поскольку она напрямую влияет на уровень жизни людей.

¹ © Алексич Е. В., 2023.

² © Калейник Е. А., 2023.

Существующие международные стандарты защиты прав человека предполагают также механизм работы таких внутригосударственных правозащитных органов, которые, как правило, учреждаются национальным правом, Конституцией Российской Федерации или законами для осуществления конкретных функций в области прав человека. В рамках государственной системы защиты прав человека эти органы, не являясь ни судебными, ни законодательными, выполняют функцию механизма, дополняющего деятельность государственных учреждений. Национальные правозащитные органы не уполномочены выносить официальные постановления, являющиеся обязательными с правовой точки зрения. Однако это не означает, что рекомендуемые ими меры государство или общество могут игнорировать.

Создание международных норм, договоров, которые в целом будут регламентировать обязанность государства по защите прав и свобод человека является гарантом нормальной жизнедеятельности населения. Органы, уполномоченные создавать эти нормы, не должны быть подвержены таким негативным факторам, как коррупция, национализм, криминогенность, злоупотребление служебным положением. Лица, наделенные правотворческими полномочиями, должны проходить тщательный профессиональный отбор, а их деятельность – находиться под контролем.

В связи с этим, со временем сложилась международная организация по защите прав личности. Политику государств в этом направлении объединяет Организация Объединенных Наций (далее – ООН).

При данной организации в соответствии с Уставом ООН в 1946 г. была создана Комиссия по правам человека. Она разрабатывает соответствующие рекомендации, готовит документы ООН в области прав человека, рассматривает жалобы и сообщения о нарушении прав личностей. При необходимости Комиссия имеет право провести с помощью независимых экспертов расследование. Ежегодно на своих открытых заседаниях ее участники обсуждают факты нарушения прав человека. В ООН учрежден и другой специальный орган – Комитет по правам человека. Каким образом ООН заставляет какое-либо государство изменять свою негативную практику или политику? Она не обладает силовыми способами воздействия, а действует только путем убеждения, совокупности международного общественного мнения, введения экономических санкций. Военные меры в этом направлении не предусмотрены Уставом ООН.

Таким образом, мы понимаем насколько важен механизм деятельности государства по защите и охране прав и свобод индивидов и почему не стоит им пренебрегать. Права и свободы человека являются общечеловеческой ценностью. Они обеспечиваются в соответствии с теми стандартами, которые выработаны человечеством, имеют неотчуждаемый характер, их признание и защита – обязанность любого государства.

Список литературы

1. Всеобщая декларация прав человека : принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. // Российская газета. 1995. № 67. 5 апр.

2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод : заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г. (с изм. от 13.05.2004) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 2. Ст. 163.

3. Семенова А. Ю. Современное понимание прав и свобод человека и гражданина // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2016. № 7. С. 178–182.

4. Струков А. О. Применение оружия сотрудниками полиции в России и США // Право, общество, государство: проблемы теории и истории : сборник материалов Международной студенческой научной конференции. М. : Российский университет дружбы народов, 2019. С. 204–207.

Клементьева В. С.¹,
*старший редактор редакции научных
и периодических изданий управления организации
научной и редакционно-издательской деятельности
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

К ВОПРОСУ О ЦИФРОВЫХ ПРАВАХ И ОСОБЕННОСТЯХ ИХ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ

Киберпространство (цифровая среда) давно не рассматривается правоведами как сфера абсолютной безграничной свободы, что, безусловно, справедливо. С возрастанием значения цифровой среды как пространства реализации прав и свобод в рамках стремительной цифровизации все острее выделяются особенности реализации прав и свобод в цифровой среде, их так называемого цифрового преломления. Обеспечение цифровых прав в широком смысле слова (в отличие от узкоспециального термина, установленного ст. 141 Гражданского кодекса Российской Федерации) определяется конституционными принципами и правовыми гарантиями. Однако пределы распространения цифровых прав не всегда четко коррелируются, что ведет к искажению их конституционно-правовой сущности.

Среди базовых цифровых прав и свобод принято выделять следующие права: на доступ к информации, к сети Интернет, к технологичным средствам коммуникации; на защиту персональных данных, в том числе генетической информации, частной жизни и др. Немало дискуссий вызывают такие права, как право на анонимность, право быть забытым. Перечень гражданских, социальных, экономических, культурных прав и свобод, получивших возможность реализации в киберпространстве, неизбежно расширяется. Поэтому роль государства в обеспечении механизма безопасной и беспрепятственной реализации цифровых прав и свобод должна также возрастать.

Конституционно-правовое наполнение цифровых прав обусловлено особенностями киберпространства, обладающего такими свойствами, как трансграничность, скорость распространения информации, сохранение цифрового следа, доступность широкой аудитории и др. Указанные свойства должны учитываться при установлении пределов распространения цифровых прав и свобод в конституционно-правовом понимании. К сожалению, законодатель не всегда учитывает конституционно-правовое понимание прав и свобод в киберпространстве, что приводит к ущемлению прав и свобод.

Одной из первостепенных задач государства видится обеспечение возможности реализации прав и свобод как в цифровом, так и в традиционном формате [1; 2]. Несмотря на то, что ст. 33 Конституции Российской Федерации закреплено право граждан обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления, некоторые законодательные установления допускают исключения из этого

¹ © Клементьева В. С., 2023.

конституционного правила, что приводит к дискриминации лиц, которые по различным причинам не могут обеспечить доступ к электронным услугам. Подобные исключения недопустимы, поскольку грубо противоречат конституционным принципам, ведут к нивелированию правовых ценностей и завоеваниям демократического общества. Невозможность получить документ иначе как в цифровом формате, например, правоустанавливающий или подтверждающий, следует расценивать как ущемление прав и свобод.

Таким образом, роль конституционного права в сфере правового регулирования цифровых прав и свобод должна быть главенствующей, чтобы четко устанавливать правовые пределы во избежание «накладок», соблюдать баланс между свободой и защищенностью, частноправовыми и публично-правовыми явлениями, интересами личности, общества и государства.

Список литературы

1. Вихляев А. А., Шатковская И. И. Актуальные вопросы функционирования системы государственного управления и предоставления государственных услуг населению в контексте реализации программы региональной цифровизации национального проекта «цифровое государственное управление» на современном этапе // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 2. С. 211–214.
2. Клементьева В. С., Воронина Н. А. Право на доступ к интернету – платформа для реализации конституционных прав и свобод человека в сети интернет // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 8. С. 51–53.

Харламов С. О.¹,
 начальник кафедры конституционного
 и муниципального права
 Московского университета
 МВД России имени В.Я. Кикотя,
 кандидат юридических наук, доцент

Корнилова Е. С.²,
 командир отделения 512 учебного взвода
 Международно-правового факультета
 Московского университета
 МВД России имени В.Я. Кикотя

МОБИЛИЗАЦИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Права и свободы человека и гражданина и их защита являются приоритетным направлением деятельности органов внутренних дел Российской Федерации, это исходит из положений ст. 2 Конституции Российской Федерации, где отмечается, что права и свободы человека и гражданина являются высшей ценностью, их признание, соблюдение и защита являются обязанностью государства [1].

Как отметил в своем выступлении Президент Российской Федерации В. В. Путин, посвященном столетию образования Верховного Суда Российской Федерации, 28 ноября 2022 г.: «Права и свободы граждан России гарантированы Конституцией Российской Федерации. Они незыблемы, мы никогда не должны об этом забывать. Вызовы, угрозы с которыми столкнулась и сталкивается сегодня страна, не могут служить оправданием для поверхностного или обвинительного подхода при проведении судебных разбирательств, следственных и других процессуальных действий» [3].

Как отмечает в своей публикации председатель Конституционного Суда Российской Федерации В. Д. Зорькин: «Мобилизация нам понадобится всесторонняя – экономическая, политическая, духовная и, наконец, правовая. Само слово “мобилизация”, все чаще звучащее с разных трибун, не может не настораживать юристов, опасющихся, что с этим неизбежно связано свертыwanie права. Ведь знакомая нам по опыту социализма мобилизационная социальная практика шла вразрез с правовым подходом. Но я уверен, что мы вовсе не обречены на скатывание к такому пути в новых, сложных реалиях российской жизни. Более того, мы можем не только сохранить, но и укрепить правовой вектор развития страны. Нет, нам нужна сейчас, прежде всего, правовая мобилизация – не в смысле ужесточения законодательных мер, а в смысле более полного воплощения в законо-

¹ © Харламов С. О., 2023.

² © Корнилова Е. С., 2023.

дательстве сути права, как равной меры свободы. Россия может эффективно ответить на вызовы времени, только расширяя пространство правовой свободы для граждан» [2].

Принятые в 2020 г. поправки и изменения в Конституцию Российской Федерации наглядно показали необходимость совершенствования законодательства Российской Федерации с учетом динамично развивающихся общественных отношений в различных сферах государственной и общественной жизни.

К наиболее важным и значимым поправкам положений Конституции Российской Федерации следует отнести существенное реформирование статей Основного закона, связанного с социальной политикой страны.

Поправка в ст. 75: дополнить ст. 75.1 следующего содержания: «В Российской Федерации создаются условия для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан, для взаимного доверия государства и общества, гарантируются защита достоинства граждан и уважение человека труда, обеспечиваются сбалансированность прав и обязанностей гражданина, социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная солидарность».

Часть 2 ст. 80 изложена в следующей редакции: «Президент Российской Федерации является гарантом Конституции Российской Федерации, прав и свобод человека и гражданина...».

В ч. 1 ст. 125 изложена в следующей редакции: «Конституционный Суд Российской Федерации является высшим судебным органом конституционного контроля в Российской Федерации, осуществляющим судебную власть посредством конституционного судопроизводства в целях защиты основ конституционного строя, основных прав и свобод человека и гражданина...».

В ч. 4 ст. 125: «Конституционный Суд Российской Федерации в порядке, установленном федеральным конституционным законом, проверяет: по жалобам на нарушение конституционных прав и свобод граждан, конституционность законов и иных нормативных актов».

Реформирование конституционного законодательства не означает, что внесенные поправки и изменения в Конституцию Российской Федерации начнут действовать с момента их принятия и опубликования, поскольку требуется создание действенного правового механизма их реализации в федеральном законодательстве, в законодательстве субъектов Российской Федерации и местного самоуправления, и в этом смысле правовая мобилизация не является чем-то необходимым при возникновении чрезвычайных обстоятельств, а является плановым, в тоже время оперативным, взвешенным и эффективным законотворческим процессом и в мирное время.

Скорейшая разработка, законодательная инициатива и процедура принятия новых федеральных Конституционных законов и федеральных законов, подзаконных и ведомственных актов позволят способствовать быстрому созданию правовых механизмов регулирования вновь возникших общественных отношений.

Процессы модернизации общественных отношений не оставляют в стороне сферу правоохранительной деятельности, где эффективное функционирование органов внутренних дел обеспечивается исключительно правовыми механизмами, которые должны соответствовать социальным вызовам современности

и в полной мере отвечать общеправовым требованиям законности и обоснованности.

Законодателем и сегодня проводится значительная работа по актуализации руководящих положений федерального законодательства в сфере правоохранительной деятельности по противодействию криминальным вызовам современности:

- 1) ведется активная работа по изменению законодательства:
 - в сфере миграции;
 - правоохранительной деятельности;
 - местного самоуправления;
 - разработанных законопроектов о порядке въезда в Российскую Федерацию, пребывания, проживания и выезда иностранных граждан и лиц без гражданства;
 - о гражданстве Российской Федерации;
- 2) вносятся существенные изменения в Федеральный закон «О полиции»;
- 3) возникает необходимость переработки законодательства, связанная с определением правового статуса беженцев, лиц, ищущих убежище и вынужденных переселенцев.

В целом руководство страны нацелило юридическую общественность на обсуждение, подготовку и принятие основных концептуальных документов по предотвращению современных вызовов и угроз национальной безопасности Российской Федерации, например, таких как: Стратегия национальной безопасности Российской Федерации; Стратегия развития Российской Федерации до 2030 г.; Военная доктрина Российской Федерации; Концепция внешней политики Российской Федерации; Морская доктрина Российской Федерации.

При этом ученые Института социологии РАН отмечают, что одобрение гражданами деятельности власти в российском социуме носит этатистский характер и всегда связано с ощущением единства целей государства и общества. При этом в нормах и ценностях, которыми россияне руководствуются в своей повседневной жизни, можно констатировать постепенное движение от инертности к активизму.

Вызовы, с которыми столкнулась Россия в XXI в. (переворот и последующий кризис на Украине, образование ДНР и ЛНР, воссоединение с Крымом, попытки международной изоляции, санкционного и антидопингового давления, борьба с международным терроризмом в Сирии и др.), показали высшую ценность общенационального единения, так например, вновь принятые субъекты Российской Федерации достаточно продолжительное время жившие по законодательству другого государства или же по собственному законодательству такие как ЛНР и ДНР. Но в связи с их вхождением в состав Российской Федерации первоочередной задачей данных субъектов является создание правового пространства на основе действующего российского законодательства. Требуется не только динамичная деятельность всех органов публичной власти, научного сообщества и общественных организаций по выработке, обсуждению, принятию законодательства данных субъектов Российской Федерации, но и подготовка высококлассных специалистов-юристов соответствующим федеральным государственным образовательным стандартам России. В рамках ведомственного сотрудничества

и взаимодействия требуется подготовка специалистов-юристов в образовательных организациях МВД России в четырех новых субъектах Российской Федерации в сфере правоохранительной деятельности.

Считаем целесообразным подписание Декларации прав и свобод человека и гражданина всеми субъектами Российской Федерации, принятой 22 ноября 1991 г.

Планируется переход под полную юрисдикцию России новых субъектов Российской Федерации к 1 января 2026 г.

Взаимопонимание, взаимопроникновение и созидательное сотрудничество государства и его народа опираются на прочую базу традиционных российских историко-культурных и морально-нравственных ценностей, которыми руководствуется в своей деятельности государство и которые хранит и воспроизводит гражданское общество (государственность, гуманизм, долг, честь, верность своему Отечеству и Родине, соборность, патриотизм, державность и др.).

Исторический опыт развития российского общества наглядно учит, что обеспечение защищенности национальных интересов России может быть достигнуто только сплочением, гражданской солидарностью, взаимной ответственностью и сотрудничеством государства и общества.

Подчеркнем, что развитое гражданское общество не может существовать без сильного демократического государства, создающего и поддерживающего, прежде всего, юридическое, а также экономические, духовно-идеологические и другие основы его функционирования.

Государство и гражданское общество – неразрывные элементы системы национальной безопасности Российской Федерации.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru>.
2. Председатель КС: в законах Российской Федерации необходимо воплотить суть права как равномерной меры свободы // Новостной портал «ТАСС». URL: <https://tass.ru/obschestvo/15068817>.
3. Президент России Владимир Путин напомнил о свободах и конституционных правах граждан и призвал судей не забывать о них // Новостной портал «ТАСС». URL: <https://tass.ru/obschestvo/16451903>.
4. URL: <http://duma.gov.ru>.
5. Указ Президента Российской Федерации от 31 июля 2022 г. № 512 «Об утверждении Морской доктрины Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru>.

Короткова Г. О.¹,

*доцент кафедры иностранных языков
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

Кудрявцев Д. А.²,

*курсант 111 учебного взвода
факультета подготовки сотрудников
для оперативных подразделений полиции
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СОВЕТ И ОСОБЕННОСТИ ИНСТИТУТА КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ГРАЖДАН ВО ФРАНЦИИ

Конституция Франции 1958 г. внесла новшество, создав Конституционный совет, которому было поручено судить, соответствуют ли Конституции Франции законы, принятые Парламентом.

Создавая Конституционный совет, отцы-основатели французской Конституции преследовали, как представляется, довольно скромные цели. Конечно, они возложили на него в соответствии с п. 2 ст. 61 возможный контроль за конституционностью законов, но осуществление этой компетенции сопровождалось двумя важными ограничениями.

С одной стороны, в его состав могли входить только высокопоставленные лица – Президент Республики, премьер-министр и председатели каждого из двух собраний, составляющих Парламент, – априори не враждебные власти, которую они осуществляют. С другой стороны, соответствие Конституции Франции изначально понималось самим Конституционным советом очень узко, т. е. посредством ссылки только на текст самой Конституции, что предполагало исключение преамбулы, и тем самым исключение основных норм защиты свобод и прав 1789 и 1946 гг. Реальная ожидаемая полезность Совета в то время заключалась в стремлении гарантировать эффективность параграфа 2 ст.ст. 37 и 41, которые позволяли премьер-министру обратиться к Совету с просьбой высказать свое мнение о законодательном или нормативном характере текстов законов, которые Правительство хотело бы изменить постановлениями, или законодательных предложений и поправок, внесенных парламентариями.

Другими словами, Совет был уполномочен по инициативе исполнительной власти ограничивать Парламент в законодательной сфере, которая определялась в то время ст. 34. Примерно через десять лет Совет согласился с этой минималистской концепцией, возложенной на него миссии и ограничил свою роль как органа, регулирующего компетенцию Парламента и Правительства [2]. Однако впоследствии Конституционный совет претерпел двухэтапную метаморфозу,

¹ © Короткова Г. О., 2023.

² © Кудрявцев Д. А., 2023.

превратившись сегодня в естественного судью по защите основных прав граждан во Франции.

Первоначально, в течение 1970-х гг., два последовательных события привели к росту авторитета Конституционного совета. Первое обусловлено волей Совета, который в своем знаменитом решении от 16 июля 1971 г. постановил «в частности» сослаться на преамбулу Конституции и, таким образом, признал конституционную ценность Декларации 1789 г., преамбулы 1946 г. и основных принципов, признанных законами Республики, подпадающих под действие текста 1946 г., который Совет впервые использовал в своем решении. Второе событие состоялось 29 октября 1974 г. в результате пересмотра Конституции. В ст. 61 были внесены поправки, позволяющие 60 депутатам или 60 сенаторам обращаться в Совет, что открыло возможности парламентским оппозиционным группам принимать участие в его работе. В этих условиях количество апелляций увеличилось в 10 раз, что сделало контроль более эффективным и ориентировало правовую практику Совета на защиту основных прав граждан.

Постепенно Совет вступит в свой великий период, в свой золотой век. Многие из важных решений Конституционного совета относятся к этому времени:

- от 16 июля 1971 г. «О свободе ассоциации»;
- 27 декабря 1973 г. «О принципе равенства»;
- 12 января 1977 г. «О свободе личности» и т. д.

Престиж Конституционного совета растет. Он стал гарантом соблюдения прав и свобод граждан и переходит к осуществлению своих других полномочий. Совет является бесспорным судьей национальных политических выборов, дает рекомендации по желательным техническим реформам, защищает, несмотря на прогресс в Европейском строительстве, национальный суверенитет и даже конституционную идентичность Франции. Его методы, способы толкования, судебная практика являются предметом многочисленных и тщательных анализов и комментариев. Его члены, ставшие «мудрецами» Республики, уважаемы, в том числе и теми, кто долгое время критиковал их предшественников и само учреждение.

На втором этапе пересмотр Конституции 23 июля 2008 г. придал новый импульс работе Конституционного совета. Отныне установлена форма «французского исключения» [3], т. е. допускается возможность того, что Государственный совет и Кассационный суд могут сделать предварительные ссылки на конституционность законодательного положения, применяемого в ходе текущего судебного разбирательства, если есть предположение о нарушении прав и свобод, гарантированных Конституцией Франции. Теперь, как и его европейские коллеги, благодаря приоритетному вопросу конституционности (Q. P. C.), предусмотренному в новой ст. 61-1 Конституции, Конституционный совет может осуществлять всю полноту функций, обычно возлагаемых на конституционные суды. Это новое средство правовой защиты, исключительной целью которого является защита основных конституционных прав, изменило деятельность Конституционного совета. В результате реформы с момента вступления положения в силу (1 марта 2010 г.) было принято в три раза больше решений, чем раньше.

Выход на сцену приоритетного вопроса о конституционности также привел к изменению роли Конституционного совета, который сегодня занимает высшую ступень во французской судебной системе, до такой степени, что некоторые опасаются, что он превратится в Верховный Суд, который сможет заменить Кассационный суд Франции и Государственный Совет. Безусловно, еще слишком рано говорить об этом. С другой стороны, вопрос, который действительно возникает, заключается в том, подошла ли эта эволюция к концу или этот процесс преобразования Конституционного совета, по крайней мере, в настоящий Конституционный Суд еще не завершен.

Пытаясь дать ответ на этот вопрос, прежде чем рассматривать влияние прецедентного права Конституционного совета, защищающего основные права, на правовой порядок Франции нужно начать с напоминания о том, какое значение имеют документы, перечисленные в преамбуле действующей Конституции Франции.

Важно подчеркнуть, что Конституция Франции, действующая в настоящее время, не ограничивается только текстом от 4 октября 1958 г. В действительности к 108 статьям, которые теперь есть в этом тексте с момента пересмотра 23 июля 2008 г., следует добавить 17 статей Декларации прав человека и гражданина от 26 августа 1789 г., 18 абзацев преамбулы Конституции Франции от 27 октября 1946 г., а также 10 статей Экологической хартии 2004 г. В итоге, Конституция Французской Республики принимает форму «Конституционного блока», состоящего из 153 статей.

Объяснение этого феномена объединения конституционных норм в единый составной блок заключается в том факте, что в 1958 г. основной заботой учредителей было не снабдить Францию всеобъемлющей Конституцией, включающей, в частности, Хартию основных прав, а, скорее, упростить парламентский режим, с тем чтобы закрепить конституционные права. Хроническая правительственная нестабильность привела к последовательному падению третьей и четвертой Республик. Вот почему составители Конституции 1958 г. сосредоточили свое внимание почти исключительно на этом вопросе. В этой связи нельзя не выразить сожаление по поводу того, что Сенат отклонил поправку, принятую им же в первом чтении 24 июня 2008 г., которая предусматривала название нынешнего Конституционного совета «Конституционным судом». Что касается основных прав, то составители Конституции 1958 г. ограничились введением в первое предложение преамбулы формулировки, согласно которой «Французский народ торжественно провозглашает свою приверженность правам человека и принципам национального суверенитета, определенным в Декларации 1789 года, подтвержденной и дополненной преамбулой Конституции 1946 года». Можно было бы подумать, что эта ссылка на два более ранних конституционных текста была чисто символической. Этого не произошло, поскольку в своем решении от 16 июля 1971 г., касающегося свободы ассоциации, Конституционный совет признал юридическую силу преамбулы Конституции Франции 1958 г. и, как следствие, двух текстов, на которые она ссылается. Это решение 1971 г., очевидно, имеет решающее значение, поскольку в результате оно обогатило Конституцию Фран-

ции 1958 г. перечнем основных прав, включающим как индивидуальные, которые закреплены в Декларации 1789 г., так и коллективные, предусмотренные преамбулой Конституции Франции 1946 г.

Новый этап был достигнут с принятием Конгрессом 28 февраля 2005 г. Экологической хартии 2004 г. Она возводит в конституционный ранг некоторые основные права, которые иногда называют правами «третьего поколения», в той мере, в какой они соответствуют проблеме, возникшей около 30 лет назад, в частности, на саммите в Рио. Эта Хартия ставит перед государственными органами цели, имеющие конституционную ценность, которые должны закрепляться законодательством и нормативными актами. Она также содержит реальные основные конституционные права, как было установлено Конституционным советом и Государственным советом еще в 2008 г., в отношении принципа защиты окружающей среды и права на информацию по экологическим вопросам.

Кроме того, следует подчеркнуть, что в решении от 16 июля 1971 г. Конституционный совет признал существование «основных принципов, признанных законами Республики» и разработал конституционные нормы на основе текстов основных республиканских законов, принятых во времена первых трех республик. Эти принципы, существование которых подтверждено конституционным судьей, по сути, призваны восполнить пробелы в «блоке конституционности». Число этих пробелов невелико, и в течение последних 15 лет французский Конституционный судья редко «обнаруживает» новые.

В результате Конституция Франции теперь выглядит как современный конституционный текст, охватывающий не только положения, касающиеся институтов, государственной власти, но и весь спектр основных конституционных прав, от первого до третьего поколения: экономические и социальные права (право на труд, социальную помощь и образование), а также равенство как основное право, уважение собственности, суверенитет нации, право всех граждан на занятие государственных должностей, обязанность каждого человека подчиняться закону как выражению общей воли, уважение мнений и убеждений, свобода слова, справедливое распределение налогов, добровольно выплачиваемых представителями страны, невиновность любого человека до тех пор, пока он не будет признан виновным, наконец, социальное и политическое равенство всех граждан. Это все республиканское наследие, касающееся защиты прав и свобод, которое включено в Конституцию Франции.

Но не надо забывать, что личные права и свободы связаны с общими гражданскими обязанностями – соблюдать Конституцию и законы государства.

Список литературы

1. Constitution de la France 1958. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/-LEGITEXT000006071194/>.
2. A. Roux, «Le nouveau Conseil constitutionnel. Vers la fin de l'exception française?», JCP 2008. I. 175.
3. Cf. L. Favoreu, «Le Conseil constitutionnel, régulateur de l'activité normative des pouvoirs publics», RDP, 1967, p. 24.

Соловьев А. О.¹,
 курсант 111 учебного взвода
 факультета подготовки сотрудников
 для оперативных подразделений полиции
 Московского университета
 МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: **Короткова Г. О.,**
 доцент кафедры иностранных языков
 Московского университета
 МВД России имени В.Я. Кикотя

РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА ВО ФРАНЦИИ

Традиции учения о правах и свободах человека и гражданина, идеи о правовом государстве и правовом законе играли и продолжают играть огромную роль в практике государственно-правовой организации общества. В конституциях большинства стран нашли отражение такие основные принципы правовой государственности, как верховенство права, неотчуждаемость естественных прав и свобод, разделение властей, взаимная ответственность личности и государств. Особое значение имеют эти ценности во Франции, чьи традиции приверженности правам человека зарождались еще в XVIII в. (век Просвещения). Франция 26 августа 1789 г. приняла Декларацию прав человека и гражданина. Она была первая из государств, провозгласивших эти права. В первую очередь, в ней рассматривался человек, свободный и наделенный от природы естественными правами. Именно французская Декларация 1789 г. была настоящим прорывом для Франции и для Европы в целом, т. к. провозглашает права человека как неотъемлемую часть его существования. К таким правам относят свободу, безопасность, собственность, право на сопротивление угнетению. Наверное, свобода – самое важное право. Ведь и сегодня лозунгом Франции является «Свобода, равенство, братство».

В 1948 г. в Париже во дворце Шайо, состоялась сессия Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций, где была принята Всеобщая декларация прав человека. Основным ее создателем был известный французский юрист Р. Кассен, который позже занимал посты председателя Комиссии по правам человека Организации Объединенных Наций (далее – ООН) и председателя Европейского Суда по правам человека. За свою работу был награжден Нобелевской премией. С того времени Франция участвовала в разработке стержневых принципов и международных документов в области прав человека [1].

Являясь участником почти всех договоров в области соблюдения и защиты прав человека, заключенных в рамках ООН, Франция призывает все страны стать их подписантами. Она активно участвует в расширении перечня конституционных прав и свобод, выступает за создание нового международного инструмента,

¹ © Соловьев А. О., 2023.

направленного на борьбу с насильственным уничтожением народов – Декларации о правах коренных народов. Также вместе с Германией Франция выдвигает идею принятия ООН Договора о запрете клонирования человека в целях его репродукции. Она обратилась в ЮНЕСКО с предложением принять Декларацию по биоэтике, что позволило бы затем разработать тематические протоколы по созданию новейших технологий в области медицины. С момента учреждения в 1947 г. Комиссии ООН по правам человека Франция является ее постоянным участником. Она играет в ней ведущую роль не только как отдельное государство, но и как член Европейского союза (далее – ЕС). В рамках работы Комиссии Франция представляет на рассмотрение проекты резолюций о противозаконном содержании под стражей, о похищении людей, об ужасной бедности, о биоэтике, о детях-солдатах, о применении смертной казни, а также, вместе с другими европейскими коллегами, готовит резолюции о ситуации в разных странах [2].

Опираясь на официальные документы, французская дипломатия проводит работу по борьбе с нарушениями прав человека, как в рамках двухсторонних отношений, так и используя возможности многостороннего сотрудничества. Франция выступает за то, чтобы случаи жестокого нарушения прав человека, представляющие угрозу международной безопасности, выносились на обсуждение Совета Безопасности ООН, а страны, проводящие политику соблюдения прав своих граждан, имели международную поддержку. С 2002 г. Франция тесно сотрудничает с Управлением Верховного комиссара ООН по правам человека: рассматривались вопросы о недопущении легализации новых тяжких наказаний, об учреждении Советом Безопасности ООН международных уголовных судов, в функции которых входит расследование дел в отношении лиц, обвиняемых в антигуманных правонарушениях и совершении актов геноцида на территориях бывшей Югославии и Руанды, а также поднимался вопрос об организации под эгидой ООН особых трибуналов в связи с постконфликтными ситуациями в некоторых странах (Сьерра-Леоне, Камбодже). Франция содействовала основанию Международного уголовного суда и была одним из первых государств, ратифицировавших его устав. Принятие устава положило начало осуществлению одного из важных положений международного права: отныне можно подвергать наказанию за военные правонарушения, преступления против человечества и акты геноцида. Франция выступает за то, чтобы данный устав приобрел всеобщее признание [3].

Франция была одним из десяти государств – основателей Совета Европы, который с 1949 г. располагается в Страсбурге. Здесь же находится Европейский Суд по правам человека, следящий за соблюдением положений Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (1950 г.). Франция одобрила данную Конвенцию и вошла в работу механизма, который дает возможность физическим и юридическим лицам, обладающим основанием считать себя жертвами нарушений их прав, фиксированных в Конвенции или протоколах к ней, обращаться в персональном порядке в суд. На международной арене, придерживаясь общей политики ЕС, Франция принимает активное участие в работе по защите прав человека: начат диалог по вопросам прав человека с Китаем,

а затем с Ираном. На сегодняшний день все договоры о торговле и сотрудничестве, заключенные ЕС со странами «третьего мира», непременно включают положения, ставящие их выполнение в зависимость от соблюдения на должном уровне прав человека. Франция является сторонницей включения Хартии основных прав, принятой в Ницце в декабре 2000 г., в будущую европейскую Конституцию. В рамках ОБСЕ Франция принимает участие в разработке положений, касающихся защиты прав национальных меньшинств [4].

На национальном уровне Декларация прав человека стала составной частью Конституции Франции. Международные договоры в области прав человека имеют при этом приоритет над внутренними законами, и в большинстве случаев частные лица могут ссылаться на них как на нормы прямого действия во всех судебных инстанциях. Всеобъемлющий характер национального законодательства в области прав человека подчеркивает то огромное значение, которое Франция придает их соблюдению. В 1947 году французское правительство учредило Национальную консультативную комиссию по правам человека, которая каждый год представляет премьер-министру доклад о борьбе против расизма. Кроме того, она каждый год присуждает «Премию Французской Республики в области прав человека», которой удостоиваются выдающиеся правозащитники из всех стран. Комиссия призывает к образованию похожих организаций за рубежом, в частности на франкоязычном пространстве. Принципы, входящие в их устав и закрепленные за ними полномочия, были одобрены Генеральной Ассамблеей ООН, состоявшейся в Париже в 1993 г. [5].

Следует отметить тот факт, что в настоящее время страны «коллективного Запада» (в том числе и Франция) проводят политику, результатом которой являются утрата национального суверенитета, отрицание человеческих ценностей, социальная нестабильность. Против такой политики в этих странах активизируются народные протесты, т. к. усугубляется экономическая, социально-политическая ситуация, и, следовательно, снижается уровень жизни и затрудняется реализация прав и свобод граждан.

Анализ деятельности и решений, принимаемых международными организациями (в состав которых входит и Франция), приводит к печальному выводу: политика двойных стандартов, замалчивание вопиющих нарушений, к сожалению, рушит вековые традиции и сводит «на нет» все предыдущие наработки в области прав человека и гражданина.

Учитывая вышеперечисленные деструктивные тенденции, можно констатировать, что в странах Западной Европы, в том числе и во Франции, этот институт деградирует, как на национальном, так и на международном уровнях.

Список литературы

1. Глушков Х. С. Декларация прав человека и гражданина и начало современного парламентаризма // Вопросы всеобщей истории. 2015. № 2. С. 50–60.
2. Олар А. Политическая история французской революции: Происхождение и развитие демократии и республики (1789–1804) / пер. в фр. Н. Кончевской. М., 1902.

3. Жидков О. А., Крашенникова Н. А. История государства и права зарубежных стран : учебник для вузов. М. : Норма, 1998.
4. Мосин. О.В. Права человека в Конституции Франции. URL: http://www.new-library.ru/book/mosin_oleg_viktorovich/prava_cheloveka_v_konstitucii_francii.html.
5. Баглай М. В. Конституционное право зарубежных стран : учебник для вузов. М. : Норма, 2004.

Котылева Ю. В.¹,

*доцент кафедры иностранных языков
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат филологических наук*

Богачева К. С.²,

*курсант 513 учебного взвода
Международно-правового факультета
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

ЮРИДИЧЕСКИЕ КОЛЛИЗИИ КАК ИНСТРУМЕНТ НАРУШЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА

В настоящее время проблема разрешений юридических коллизий, возможных как в области международного права, так и законодательствах разных стран продолжает быть актуальной.

Прежде чем определять сущностное содержание юридических коллизий и рассматривать этот вопрос во всех его проявлениях, необходимо определить условия их возникновения:

- обуславливаются развитием правовых отношений и возникают на основе происходящих изменений противоречий;
- носят формальный характер, поскольку могут проявляться в различных формах правового регулирования одних и тех же правовых отношений;
- выступают предпосылкой возникновения трудностей правового регулирования тех или иных правовых отношений.

Под юридическими коллизиями следует понимать противоречия между правовыми нормами, регулирующими одно и то же правовое событие, нормативными правовыми актами, расхождения в ходе правоприменения и осуществления полномочий должностными лицами и компетентными органами.

Юридическая коллизия может вызывать как международные, внутренние конфликты, так и конфликты в области прав и свобод человека и гражданина.

Данное явление в правовом регулировании может приводить к ущемлению прав и свобод человека, что, соответственно, не способствует полноценной защите интересов граждан. Поэтому юридические коллизии возникают в контексте противоречий норм международного и национального права, которые несут особое беспокойство в силу разрастающейся в настоящее время напряженности, появлением которой являются серьезные изменения, происходящие в структуре взаимоотношений международного и национального права, в частности при взаимодействии с Европейским Судом по правам человека. В последнее время его деятельность отличает зачастую необоснованный субъективизм, в связи с чем

¹ © Котылева Ю. В., 2023.

² © Богачева К. С., 2023.

некоторые страны предпочитают игнорировать требования своего национального законодательства о необходимости внесения изменений в некоторые нормативные правовые акты, в связи его якобы противоречием нормам международного права.

Хотя в Конституции Российской Федерации, а именно ч. 4 ст. 15: «4. Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора», на практике мы можем увидеть, что если противоречие между национальным законодательством и международным правом, по мнению российского экспертного сообщества недостаточно обоснованные, то приоритетными будут нормы национального права. Следовательно, в такой ситуации вопрос заключается в корректном толковании юридической природы норм, как международного, так и национального права.

Приоритет российской политической доктрине принадлежит сохранность суверенитета Российской Федерации. Однако, необходимо в правовых системах избавляться от таких явлений как юридические коллизии, которые способны приводить к ущемлению прав и свобод граждан и отсутствию возможности защитить свои законные интересы.

Рассмотрим противоречащие друг другу положения двустороннего латвийско-российского договора и гражданско-процессуального законодательства Латвии относительно порядка организации исполнения решения российского суда (российское законодательство, при этом, вообще не содержит описания данного порядка, а порядок подачи документов для процедуры признания описан исключительно в акте Федеральной налоговой службы.). Если проблему рассматривать с точки зрения уголовно-процессуального права, то данная коллизия нарушает принципы уголовного судопроизводства, а именно принцип охраны прав и свобод человека и гражданина, потому что исполнение решения суда защищает одну из сторон процесса и, при отсутствии установленного порядка его исполнения, влечет за собой нарушение права человека на справедливое решение по делу.

Из-за отсутствия четко прописанного порядка подачи документов возможна ситуация, когда человек ошибется при подаче документов и ему будет отказано в принятии документов, тем самым нарушится принцип уголовного судопроизводства «законность при производстве по уголовному делу», т. к. жалобу человека и документы, которые гражданин принес для регистрации его заявления, должны быть приняты в любом случае, и если их не примут, то нарушатся его права (это также гласит п. 1 ст. 12 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3 «О полиции»).

Юридические коллизии влекут массу негативных последствий:

- снижение эффективности правового регулирования;
- ухудшение состояния правопорядка и законности;
- сложности правоприменительной практики;
- проявления правового нигилизма.

Именно поэтому важно не только применять способы по устранению уже появившихся противоречий в законе, но и проводить профилактические мероприятия по недопущению юридических коллизий, или как минимум по снижению их количества.

Специалисты предлагают несколько способов по устранению данного явления:

- рассмотрение юридических коллизий в судебном, административном и арбитражном порядке;
- конституционное правосудие;
- внесение изменений и уточнение в действующих нормативных правовых актах (самым распространенный способ разрешения юридических коллизий);
- систематизация законодательства и формирование единой системы правовых подходов. Особенно этот способ необходим для тех нормативных правовых актах, которые регулируют правовые отношения, не сформированные в самостоятельную отрасль (например, с миграционным законодательством);
- создание комиссии по проведению переговоров и формированию согласий по решению споров.

Юристы подчеркивают, что для предупреждения юридических коллизий необходимо:

- повышать уровень юридического качества принятых законов;
- устранять правовые пробелы;
- совершенствовать нормотворческую деятельность;
- систематизировать и кодифицировать правовой материал;
- повышать уровень правовой культуры, правосознание государства и общества;
- принимать меры по снижению социальной напряженности и степени влияния на принятие конкретных норм, управленческих решений.

Юридические коллизии нельзя рассматривать исключительно в негативном ключе, т. к. их проявление позволяет выявить лакуны в правовом регулировании, увидеть уровень развития правовых институтов государства и продуктивность их деятельности. Следует отметить, что именно юридические коллизии отражают справедливые притязания на охрану конституционного строя страны и на совершенствование правового порядка.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru>.
2. Договор между Российской Федерацией и Латвийской Республикой «О правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам» : ратифицирован Федеральным законом от 17 декабря 1994 г. № 66-ФЗ.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 05.12.2022) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru>.

4. Денисов Д. В. Юридические коллизии: понятие и причины возникновения // Юрист-Правоведъ. 2019. №5. С. 36–40.
5. Велиева Д. С., Пресняков М. В. Исполнение решений ЕСПЧ: национальные демократические процедуры VS правовая определенность // Вестник Поволжского института управления. 2020. № 6. С. 78–92.
6. Ануфриева Л. П. Международное частное право. Общая часть. М., 2000. С. 73.

Прудников А. С.¹,
 профессор кафедры конституционного
 и муниципального права
 Московского университета
 МВД России имени В.Я. Кикотя,
 доктор юридических наук, профессор,
 заслуженный юрист Российской Федерации

Кузьмина О. Н.²,
 адъюнкт факультета подготовки
 научно-педагогических и научных кадров
 Московского университета
 МВД России имени В.Я. Кикотя

ПРИМЕНЕНИЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ОРГАНАМИ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ: КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

В настоящее время использование информационных технологий является неотъемлемой частью жизни каждого современного человека. Пользователь обращается к информационным ресурсам для нахождения необходимой ему информации. В связи с этим, ежегодно информационные технологии подвергаются процессу трансформации, тем самым обновляя и формируя более качественную информационную ресурсную базу для гражданского общества. Внедрение цифровых технологий в повседневную жизнь человека, общества и государства обеспечивает непрерывное взаимодействие между всеми сферами жизни.

Цифровизация современных общественных отношений последовательно образует новую социальную, экономическую, политическую и публично-правовую реальность. Несомненно, существенные трансформации и изменения претерпевает система законодательства как неизменная внешняя форма (оболочка) права, при этом очевидно, что в новых условиях цифровой реальности система права продолжает базироваться на гарантированных Конституцией Российской Федерации нормативных правовых актах, признание и защита которых является обязанностью государства и органов публичной власти. Стоит отметить, что в соответствии со ст. 1 Федерального закона от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (ред. от 28.12.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.01.2023) «Организация публичной власти в субъектах Российской Федерации», а также в соответствии с Конституцией Российской Федерации – органы государственной власти, иные государственные органы, органы местного самоуправления в их совокупности входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории.

¹ © Прудников А. С., 2023.

² © Кузьмина О. Н., 2023.

Процесс цифровой трансформации органов публичной власти связан с построением в Российской Федерации информационного общества. Анализируя ход реализации стратегии государства на построение цифрового общества, направленного как на повышение качества предоставляемых гражданам электронных услуг, так и на рост эффективности коммуникационных процессов органов публичной власти, предлагается комплексное использование перспективных информационно-коммуникационных технологий и системного подхода при формировании требований к государственным информационным системам. Построение в Российской Федерации информационного общества призвано способствовать совершенствованию органов публичной власти, а также повышению ее эффективности.

Содержание государственных информационных ресурсов, таких как деятельность органов государственной власти, соответствующая правовая информация относятся к государственным (национальным) ресурсам, полученных из федерального бюджета. Так весь информационный блок так или иначе входит в состав мировых информационных ресурсов (далее – МИР). Сектор МИР обширен и включает в себя различные секторы информации. Например, сектор статистической информации предполагает получение различных моделей и оценок, предоставляемых органами государственной власти. Отметим, что государственные информационные ресурсы включают:

- федеральные;
- информационные, находящиеся в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов;
- информационные.

Стоит отметить, что в общем случае информационные ресурсы формируются в результате деятельности, как органов государственной власти, так и государственных и негосударственных предприятий, научных, учебных и общественных организаций.

Таким образом, с появлением информационных цифровых технологий совершение традиционных видов преступлений и правонарушений значительным образом «упростились». Появляются новые сферы правового регулирования и законодатель, как правило, не успевая играть на опережение, вынужден вносить в уже сложившиеся и относительно устоявшиеся общественные отношения правовые коррективы.

Однако, необходимо признать, что сущность и содержание базовых проблем, лежащих в основе функционирования современного государства, не изменились. Как и прежде в качестве таковых выступают – обеспечение полноценного существования личности, обеспечение безопасности государства и соотношение частных и публичных интересов в процессе реализации государством своих публично-властных функций.

Таким образом, цифровая эпоха, по сути, не поставила новых глобальных общетеоретических проблем в сфере реализации и обеспечения субъективных прав и свобод личности. Можно сказать, что традиционные проблемы обросли новым

дополнительным содержанием. Однако вызывает несомненный интерес то, каким образом государство будет справляться с относительно новыми вызовами и угрозами цифровой эпохи.

Список литературы

1. Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (ред. от 28.12.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.01.2023) // СПС «Консультант-Плюс». URL: <http://www.consultant.ru>.
2. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ред. от 29.12.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 09.01.2023) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru>.
3. Карасев А. Т., Кожевников О. А., Мещерягина В. А. Цифровизация правоотношений и ее влияние на реализацию отдельных конституционных прав граждан в Российской Федерации // Антиномии. 2019. Т. 19. Вып. 3. С. 99–119.

Маренкова С. В.¹,
курсант 312 учебного взвода
Института подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Самсонова А. В.²,
старший преподаватель
кафедры иностранных языков
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ПРАВА И СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА КАК ВЫСШАЯ ЦЕННОСТЬ В КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И БИЛЛЕ О ПРАВАХ США

Права и свободы человека и гражданина провозглашаются высшей ценностью не только в Российской Федерации, но и во многих других странах. Это объясняется тем, что государство видит своей целью тесное взаимодействие не с обществом, а конкретно с личностью, что позволяет увеличить доверие граждан к государственным институтам. Когда государство так или иначе выражает свою заинтересованность в активной позиции своих граждан, то и граждане, в свою очередь, стараются сделать для государства все возможное для дальнейшего развития.

Российская Федерация очень активно защищает права и свободы своих граждан, что четко отражено в Конституции Российской Федерации, где закреплены все необходимые права и свободы, которые дают человеку достойный уровень жизни.

В Конституции Российской Федерации, а именно в ст. 2, права и свободы граждан обозначены словами «высшая ценность», т. е. государство считает их главными составляющими правового гражданского общества и обеспечивает достойную поддержку и защиту каждого гражданина через предоставленные ему права и свободы. Что касается самого выражения, то представляется, что здесь заложен некий оценочный смысл, а он субъективен, т. е. российское государство видит в этом приоритет по отношению к другим сферам общественной жизни.

Важнейшими задачами государства являются обеспечение, реализация и защита основных прав и свобод человека и гражданина. Данные задачи решаются определенными институтами власти, у каждого из которых свои функции. Необходимым условием соблюдения прав и свобод человека и гражданина является положение, при котором все органы государственной власти выполняют полный спектр обязанностей, определяемых Конституцией Российской Федерации. И именно на Президента Российской Федерации она возлагает определенные

¹ © Маренкова С. В., 2023.

² © Самсонова А. В., 2023.

полномочия по обеспечению взаимодействия и функционирования органов государственной власти.

При Президенте Российской Федерации действует специальный Совет по правам человека, созданный для содействия государственному механизму обеспечения прав и свобод и главе государства в реализации его конституционных полномочий в данной области. В задачу Правительства Российской Федерации также входит обеспечение прав и свобод человека и гражданина. В число основных полномочий этого института входит осуществление мер по реализации, обеспечению и защите прав и свобод граждан, охране собственности и общественного порядка в борьбе с преступностью.

На органы местного самоуправления также возложена обязанность обеспечения прав и законных интересов населения, проживающего на данной территории. Устав муниципального образования может закреплять дополнительные возможности для обеспечения экономических и социальных прав и свобод жителей муниципалитета.

Важным государственным институтом является Генеральная прокуратура Российской Федерации – самый действенный способ государственной защиты прав и свобод гражданина. Ее главной задачей и является защита прав и свобод человека и гражданина в сфере осуществления надзора за соблюдением законности, пресекая правонарушения в государственной, общественной и экономической деятельности, в каких бы отраслях они не совершались.

В обязанности судебного органа, Конституционного Суда Российской Федерации, входит рассмотрение жалоб о нарушении конституционности каких-либо действий в отношении граждан. Уполномоченный по правам человека способствует восстановлению нарушенных прав, совершенствованию законодательства Российской Федерации о правах человека и гражданина и приведению его в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, развитию международного сотрудничества в области прав человека, правовому просвещению по вопросам прав и свобод человека, форм и методов их защиты.

Таким образом, права и свободы человека и гражданина в Российской Федерации обеспечиваются и защищаются органами государственной власти.

Что касается Билля о правах США, т. е. первых десяти поправок в Конституцию США, провозгласивших права и свободы американских граждан, то следует подчеркнуть, что закрепленные в нем права и свободы отличаются от прав и свобод, закрепленных в Конституции Российской Федерации, не только своим объемом, но и содержанием.

Данные поправки, на наш взгляд, условно могут быть разделены на две группы. Первая группа поправок гарантирует права и свободы, а вторая – связана с реализацией прав и свобод. Эти два фактора, которые должны присутствовать в основополагающих правовых документах любого государства – гарантия и реализация, что можно увидеть в данном случае на примере США.

Однако если учитывать сегодняшнюю внутреннюю политику США, вряд ли можно сделать вывод о том, права и свободы граждан – это высшая ценность,

поскольку, предусмотрев их законодательно, государство их зачастую не реализует. Заметим, что обеспечение и защита прав и свобод является неотъемлемой частью современного правового государства, провозглашающего их высшей ценностью.

Как и в любой другой стране, в США права и свободы человека и гражданина требуют реализации, соблюдения и защиты, для чего в стране созданы специальные органы. Предусматривается, что защита этих прав обеспечивается через Межамериканскую комиссию и Межамериканский суд.

Межамериканская комиссия по правам человека – это действующий орган Организации американских государств (далее – ОАГ), который уполномочен рассматривать жалобы на нарушения Американской конвенции о правах человека и может передавать полученные жалобы в Межамериканский суд по правам человека, если государство согласно на рассмотрение данного дела судом, где оно выступает ответчиком. ОАГ действует путем создания комиссии из семи экспертов, избираемых сроком на четыре года Генеральной Ассамблеей ОАГ из кандидатов, предложенных государствами – участниками ОАГ, и наделяет ее следующими полномочиями:

1) представляет правительствам государств – членов ОАГ соответствующие рекомендации, касающиеся совершенствования национального законодательства по вопросам прав человека, а также содействует осуществлению и соблюдению прав человека;

2) подготавливает доклады и исследования, которые Комиссия сочтет необходимыми для выполнения своих функций;

3) рассматривает жалобы на нарушение прав человека со стороны государств.

Исходя из перечня полномочий, можно сделать вывод, что этот орган способен играть значимую роль в защите прав человека.

Вторым важным органом является Межамериканский суд по правам человека, в состав которого входят семь судей, граждан государств – членов ОАГ, обладающих безупречным юридическим опытом, высокими моральными качествами и авторитетом в области прав человека. Правом на судебную защиту в Межамериканском суде по правам человека наделены не только государства, но и отдельные личности. У суда две основные функции:

1) рассмотрение конкретных случаев нарушения прав человека в государствах, ратифицировавших Американскую конвенцию о правах человека;

2) консультирование государств ОАГ по поводу соответствия тех или иных законов и законопроектов Американской конвенции о правах человека и другим правозащитным документам.

Таким образом, вышеуказанные государственные органы в полной мере способны обеспечивать реализацию, защиту и исполнение прав и свобод человека и гражданина, дополняя работу друг друга.

Делая вывод по данной статье, можно сказать, что оба государства юридически нацелены на обеспечение, защиту и реализацию прав и свобод человека и гражданина. Однако только государство, которое не просто декларирует права

и свободы граждан, как высшую ценность, но и в состоянии их реализовать, фактически можно считать правовым государством, т. е. ставящим во главу угла интересы своих граждан.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru>.
2. Ветютнев Ю. Ю., Архипов С. И. Субъект права: теоретическое исследование // Государство и право. 2006. № 6. С. 120–121.
3. Шарнина Л. А. Человек, его права и свободы как высшая ценность // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 11. С. 23–28.
4. Рогова А. А. Личные права и свободы, охраняемые нормами международного права – особенности их обеспечения в России и в США // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2013. № 11. С. 72–76.
5. Васильева Д. А., Петроградская А. А. Сравнительный анализ Конституции Российской Федерации с конституциями США и Китая по поводу прав и свобод граждан // Теоретические и практические аспекты развития современной науки : сборник статей. Уфа : Научно-издательский центр «Вестник науки», 2019. С. 12–16.
6. Коржиков О. Н. Правоохранительная и национальная правовая политика России в правотворческой реализации охраны прав и свобод личности // Этнос и право. 2015. № 3. С. 2.
7. Чуйко С. С., Картамышева Н. В. Исторический экскурс реализации конституционных прав и свобод человека и гражданина в России и США // Актуальные вопросы развития современного общества : сборник статей / отв. ред. Ю. В. Вертакова. Курск : Юго-Западный государственный университет, 2014. С. 399–402.

Буравлева А. К.¹,
 заместитель заведующего
 кафедрой иностранных языков
 Московского университета
 МВД России имени В.Я. Кикотя

Остапчук Б. А.²,
 курсант 317 учебного взвода
 Института подготовки сотрудников
 для органов предварительного расследования
 Московского университета
 МВД России имени В.Я. Кикотя

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В РАМКАХ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА: СРЕДСТВА И МЕТОДЫ ИХ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ

Международное право представляет собой совокупность общепринятых в отношениях между нациями правил, норм и стандартов. Источники международного права включают в себя международный обычай (общую практику государств, принятую в качестве нормы), договоры и общие принципы права, признанные большинством национальных правовых систем. Права человека – это основные права и свободы, такие как гражданские и политические, право на жизнь и свободу, свободу мысли, слова и самовыражения, равенство перед законом, социальные, культурные и экономические права, право на труд и образование. Иначе говоря – это свободы, установленные обычаем или международным соглашением, защищающие интересы людей и действия правительств каждой страны. Права человека отличаются от гражданских свобод, установленных законодательством конкретного государства и применяемых им в рамках своей собственной юрисдикции.

Законы о правах человека, запрещающие такие нарушения, как пытки, рабство, казнь без суда и следствия и т. п., были определены международными конвенциями, договорами и организациями, в частности Организацией Объединенных Наций (далее – ООН).

Международное право возникло, поскольку было необходимо для обеспечения порядка и мира во всем мире. Эта система права в том понимании, в котором оно существует в настоящее время, стало по-настоящему международной в 1960-е и 1970-е гг., когда прокатившаяся по всему миру деколонизация привела к созданию множества новых независимых государств. Различные политические и экономические интересы и потребности этих государств, наряду с их личными культурными традициями, представили новое понимание принципов и практики международного права.

Целый ряд структур, начиная от Всемирной организации здравоохранения, Всемирной торговой организации и др., способствовал развитию стабильного, предсказуемого правового порядка с правилами, регулирующими практически

¹ © Буравлева А. К., 2023.

² © Остапчук Б. А., 2023.

все сферы. Набирающий обороты феномен глобализации, который привел к быстрой интеграции мира в экономическом, политическом и даже культурном контексте, стал представлять собой одну из самых серьезных проблем для разработки подлинно международной правовой системы [2, с. 65–66].

Выполнение задач по урегулированию международных отношений, направленных на то, чтобы взаимодействие между странами основывались на принципах мира и международной безопасности, стали важной заботой всего мирового сообщества с начала XX в.

В целом, международное право определяется как совокупность норм и правил, связывающих и регулирующих отношения между государствами и другими субъектами права в жизнедеятельности мирового сообщества.

С быстрым развитием науки и техники во второй половине XX в. структура международных отношений становится все более комплексной. Широко распространено понимание того, что объектом международного права является деятельность международных структур и организаций, наднациональных групп и национально-освободительных движений. В некоторых случаях субъектами международного права также могут становиться отдельные лица по отношению к их странам [3, с. 176].

Между тем, по мнению некоторых исследователей, международное право – это общие правила и нормы, а также юридические принципы, регулирующие отношения или вопросы, которые пересекают национальные границы [1, с. 5–6].

Кроме того, международное право можно определить как целостную отрасль, по большей части состоящую из принципов и правил поведения, которым страны считают себя обязанными подчиняться и тем самым фактически придерживаются общих норм поведения в отношениях друг с другом, и, кроме того, включающих в себя:

- нормы права, касающиеся функционирования учреждений или международных организаций, их отношений друг с другом, с другими странами и отдельными лицами;
- определенные правовые нормы, касающиеся физических лиц и негосударственных образований в том, что касается их прав и обязанностей, значимых для международного сообщества.

Основываясь на вышеотмеченном, можно сделать вывод, что международное право является частью права, регулирующего деятельность международного субъекта общими правилами или принципами, регламентирующими отношения или вопросы, пересекающие границы между государствами и другими субъектами права.

Права человека обычно понимаются как права, присущие человеческому существу. Концепция прав человека признает, что каждый имеет право пользоваться своими правами без различия расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного положения, рождения или иного статуса.

Права человека юридически гарантированы законом о правах человека, защищающим отдельных лиц и их группы от действий, которые ущемляют основные свободы и человеческое достоинство. Они выражены в договорах, конвенциях, декларациях и других документах международного права, сводах законов

и различных источниках права. Права человека возлагают на государства соответствующие обязательства по принятию или запрету определенных действий. Однако законы не устанавливают права человека – неотъемлемые права, которые принадлежат каждому человеку. Договоры и другие источники права, как правило, служат формальной защитой прав отдельных лиц и групп от действий или отказа от действий со стороны правительств, которые препятствуют осуществлению данных прав.

Рассмотрим некоторые из наиболее важных характеристик прав человека:

- основаны на уважении достоинства и ценности каждого индивида;
- универсальны, что означает, что они применяются в равной степени и без дискриминации ко всем людям;
- неотчуждаемы в том смысле, что никто не может быть лишен своих прав, кроме как в определенных ситуациях, например, право на свободу может быть ограничено, если лицо признано судом виновным в совершении преступного деяния;
- неделимы, взаимосвязаны и взаимозависимы, поскольку недостаточно уважать одни права человека и игнорировать другие.

На практике нарушение одного права может влиять на соблюдение некоторых других. Поэтому все права человека следует рассматривать как имеющие одинаковую значимость и одинаковую необходимость для уважения достоинства и самоценности каждой личности.

Формальным выражением неотъемлемых прав человека является международное право в области прав человека. С 1945 г. появился целый ряд международных договоров по правам человека и других документов, придающих им правовую форму. Создание ООН стало идеальной платформой для разработки и принятия международных документов по правам человека.

На региональном уровне были приняты другие документы, отражающие особые проблемы отдельного государства в области прав человека. Большинство государств также приняли какой-либо собственный основополагающий документ: Конституцию и другие законы, формально защищающие вышеуказанные нормы. Часто отдельные формулировки, связанные, в частности, с правами человека и используемые государствами, непосредственно заимствованы из международных документов по правам человека.

Международное право в области прав человека состоит главным образом из договоров и обычаев, а также, деклараций, руководящих указаний и принципов.

Договор – это соглашение государств о том, что они будут связаны определенными правилами. Международные договоры носят различные названия – это пакты, хартии, протоколы, конвенции, соглашения и подзаконные акты. Договор является юридически обязательным для всех государств, согласившихся быть связанными его положениями.

Государство может стать участником договора путем ратификации, присоединения или правопреемства.

Ратификация – это официальное выражение согласия государства на обязательность для него данного нормативного правового акта. Только само государство, ранее подписавшее договор (в период, когда последний был открыт для

подписания), может его ратифицировать. Ратификация состоит из двух процедурных актов: на национальном уровне она требует утверждения соответствующим конституционным органом (обычно главой государства и парламентом). На международном уровне, согласно соответствующему положению рассматриваемого договора, документ о ратификации официально передается депозитарию, которым может выступать государство или международная организация, например, ООН.

Присоединение влечет за собой согласие на его обязательность со стороны государства, которое ранее документ не подписывало. Государства ратифицируют договоры как до, так и после вступления договора в силу. То же самое относится и к присоединению. Государство может также стать участником договора в порядке правопреемства, которое происходит в силу конкретного положения договора или путем специального заявления.

Большинство договоров не являются самоисполняющимися. В некоторых государствах международные договоры имеют преимущественную силу перед внутренним законодательством, тогда как в других государствах договорам придается конституционный статус, а в-третьих лишь определенные положения договора инкорпорируются во внутреннее законодательство.

Государство может при ратификации договора делать к нему оговорки, указывая, что, хотя оно соглашается быть связанным большинством положений, но не готово выполнять некоторые конкретные положения. Однако оговорка не может наносить ущерба объекту и цели договора. Далее, даже не являясь участником договора или сделав оговорки к нему, данное государство все еще может быть связано теми его положениями, которые стали частью международного права или представляют собой императивные нормы, такие, например, как запрет пыток.

Международное право – это термин, используемый для описания общей и последовательной практики, которой придерживаются государства, исходя из наличия своего юридического обязательства. Так, например, в то время как Всеобщая декларация прав человека сама по себе не является обязательным договором, некоторые из его положений носят характер международного права.

Общие нормы международного права, принципы и практика, с которыми согласилось бы большинство государств, часто излагаются в декларациях, воззваниях, стандартных правилах, руководствах, рекомендациях и принципах. Хотя такие документы не несут обязательной юридической силы для государств, они, тем не менее, представляют собой широкий консенсус со стороны международного сообщества и, следовательно, оказывают сильное и неоспоримое моральное воздействие на практику государств в их ведении международных отношений. Ценность таких инструментов основывается на их признании и принятии большим числом государств, и, даже не имея обязательной юридической силы, они могут рассматриваться как декларация общепринятых принципов в рамках международного сообщества.

Обязательство защищать, поощрять и обеспечивать осуществление прав человека является главной обязанностью государств, тем самым возлагая на государства ответственность за соблюдение прав человека и отдельных лиц.

Права человека – это высшая ценность государства, которая восходит ко всем людям, проживающим на его территории, кроме того определенными правами государство обязано отдельным группам людей, например, право голосовать на выборах принадлежит только гражданам государства. Таким образом, функции государства включают обязательство принимать упреждающие меры для обеспечения защиты прав человека путем предоставления эффективных средств правовой защиты лицам, чьи права нарушаются, а также мер против нарушения прав своих граждан на любой территории.

Согласно международному праву, пользование определенными правами может быть ограничено в конкретных обстоятельствах. Например, после справедливого судебного разбирательства, если человек признан виновным в совершении преступления, государство может законно ограничить свободу передвижения путем тюремного заключения. Ограничения гражданских и политических прав могут вводиться только в том случае, если это ограничение определено законом, но только в целях обеспечения надлежащего признания прав других лиц и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе. Экономические, социальные и культурные права могут быть ограничены законом, но только в той мере, в какой ограничение совместимо с характером прав и исключительно для содействия общему благосостоянию в демократическом обществе.

В законном и объявленном чрезвычайном положении государства могут принимать меры, которые ограничивают или приостанавливают (или «умалют») пользование определенными правами. Такие отступления допускаются только в той мере, в какой это необходимо для конкретной ситуации, и никогда не могут быть связаны с дискриминацией по признаку расы, цвета кожи, пола, языка, религии или социального происхождения. О любом отступлении должно быть сообщено Генеральному секретарю ООН. Однако в соответствии с п. 3 ст. 4 Международного пакта о гражданских и политических правах некоторые права человека – права, не допускающие отступлений, – никогда не могут быть приостановлены или ограничены даже в ситуациях войны и вооруженного конфликта. К ним относятся право на жизнь, свободу от пыток, свободу от порабощения или подневольного состояния и свободу мысли, совести и религии.

Международное право – это право наций или соглашение между нациями, основанное на сложных принципах и правилах, которые регулируют отношения между сообществом наций или страны. По сути, оно определяется как совокупность норм и правил, которые связывают и регулируют отношения между государствами и другими субъектами международного права в жизни мирового сообщества.

Список литературы

1. Giuliana Ziccardi Capaldo. The Pillars of Global Law. Ashgate, 2008.
2. Osmanczyk E. The encyclopedia of the United Nations and international relations. Taylor & Francis, 1990.
3. Rafael Domingo Osle. The New Global Law. Cambridge University Press, 2010.

Редкоус В. М.¹,
 ведущий научный сотрудник сектора
 административного права и административного процесса
 Института государства и права Российской академии наук,
 профессор Академии управления МВД России,
 доктор юридических наук, профессор

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЛИЧНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

На правовое обеспечение национальной безопасности Российской Федерации и ее отдельных видов определяющее влияние оказывало и оказывает конституционное право Российской Федерации [1–3]. Большую роль в развитии и упорядочении правового обеспечения национальной безопасности сыграли конституционные изменения 2020 г. [4; 5]. С. О. Харламов справедливо отмечает, что «современная конституционная реформа Российской Федерации указала на необходимость внесения соответствующих изменений в действующее законодательство государства» [6, с. 111].

Расширяется не только объем и направленность конституционно-правового воздействия на все области государственной жизнедеятельности, но и совершенствуется понятийный аппарат конституционного права. Так, например, С. О. Харламов и С. А. Егоров по сути вводят новую дефиницию – «конституционная навигация», под которой понимают «...процесс ориентирования в правовой информации, непосредственно касающийся конституционно-правовых норм с помощью реализации комплекса специально разрабатываемых механизмов и методов» [7, с. 83]. Более же глубокое исследование проблемы, по мнению названных ученых, позволяет говорить и о наличии термина «конституционная навигация» в широком смысле. Такой смысл увязывается с непосредственной взаимосвязью норм Конституции Российской Федерации со всеми сферами жизни государства и общества, их проникновением в регулирование большинства сфер жизнедеятельности. Исходя из этого постулата, можно говорить о конституционной навигации как о задаваемом (программируемом) векторе процесса повышения общей правовой культуры общества, вспоможении процессу познания, восприятия и отношения к праву как к целостному социальному явлению.

Все это обусловливает развитие администрирования во всех сферах государственного управления [8–10], в том числе и в области обеспечения национальной безопасности [11–14].

В связи с принятием в Российскую Федерацию новых регионов – Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области [15–18], а также продолжающимся военным противостоянием в рамках проведения специальной военной операции с Вооруженными силами Украины (далее – ВСУ), органами безопасности и иными государственными и негосударственными военными организациями, националистическими форми-

¹ © Редкоус В. М., 2023.

рованиями этой страны возникла острая необходимость обеспечения их безопасности, т. к. от этого зависит обеспечение национальной безопасности Российской Федерации в целом.

С учетом того, что против территориальной целостности Российской Федерации применяется вооруженная сила, в соответствии с ч. 2 ст. 87 Конституции Российской Федерации и ст.ст. 3 и 4 Федерального конституционного закона от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении» [19] Указом Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. № 756 на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей 20 октября 2022 г. с нуля часов было введено военное положение [20].

Это как раз то обстоятельство, которое позволяет изучить режим военного положения в динамике, а не только в статике, о чем в свое время писал О. В. Зиборов [21; 22]. С содержанием военного положения [23] тесно связан вопрос соблюдения прав граждан [24], а также обеспечения их личной безопасности. П. В. Дихтиевский предлагает определить личную безопасность как гарантированную международным правом, законодательством России и практическими мерами защищенность жизни, здоровья, иных жизненно важных и социально значимых интересов личности от возможного причинения вреда, а также предотвращение опасности и угроз, возникающих в любой сфере общественной жизни [25, с. 36].

Вопросы защищенности жизни, здоровья, иных жизненно важных и социально значимых интересов граждан от возможного причинения вреда, а также предотвращение опасности и угроз, возникающих в любой сфере общественной жизни очень важны и актуальны для новых регионов России. Особую актуальность эти вопросы приобретают в связи с тем, что юрисдикция Российской Федерации фактически не распространяется на все территории новых регионов России, что создает значительные трудности в организации и реальном обеспечении и защите прав и законных интересов граждан, их жизни и здоровья.

Наиболее четко это можно проследить на примере Херсонской области. Так, 13 октября 2022 г. временно исполняющий обязанности губернатора Херсонской области В. Сальдо обратился к руководству России с просьбой помочь с выездом жителей в другие регионы из-за ракетных ударов [26]. По его словам, администрация области решила организовать возможность выезда в Крым, Ростовскую область, Краснодарский и Ставропольский края «для отдыха и учебы». «В первую очередь для жителей правобережья. Но одновременно мы предложили всем жителям Херсонской области, если есть такое желание, чтобы обезопасить себя от последствий ракетных ударов, тоже выехать в другие регионы», – написал В. Сальдо. Как заявил глава Херсонской области, после присоединения региона к России Херсон, Новая Каховка, Чернобаевка и другие города ежедневно подвергаются обстрелам со стороны Украины: «Эти ракетные удары приносят серьезный ущерб, в первую очередь жителям». По утверждению В. Сальдо, цели ракетных ударов – гостиницы, жилые дома и рынки.

В связи с дальнейшим ухудшением обстановки 18 октября В. Сальдо объявил об эвакуации жителей четырех муниципалитетов – Бериславского, Белозерского,

Снигиревского и Александровского – на левый берег Днепра. Он объяснил, что «существует непосредственная опасность затопления территорий в связи с планируемым разрушением ВСУ плотины Каховской ГЭС и сбросом воды с каскада электростанции выше по течению Днепра». Утром 19 октября В. Сальдо заявил, что эвакуировать на левый берег Днепра планируется порядка 50–60 тыс. чел. Их будут размещать в пунктах временного размещения, желающие отправятся в другие регионы России. С утра 19 октября жителям региона стали приходить sms следующего содержания: «Уважаемые жители! Срочно эвакуируйтесь. Будут обстрелы жилых кварталов ВСУ. С 7:00 автобусы от речпорта на левый берег» [27].

22 октября власти Херсонской области призвали жителей незамедлительно покинуть город «из-за напряженной ситуации на фронте». 27 октября В. Сальдо сообщил, что на левом берегу Днепра и близлежащих к Херсону населенных пунктах остаются еще около 150–170 тыс. чел. По его словам, до начала перемещения людей на правый берег население Херсона и ближайших сел составляло более 320 тыс. жителей. Он добавил, что «51 тыс. человек выехала с правого берега Днепра организовано, до 30 тыс. жителей Херсона, имеющих на левом берегу дачи, – на собственных лодках, катерах» [28]. 27 октября К. Стремоусов сообщил о полном переводе администрации Херсонской области на левый берег Днепра. В регионе также закончили формирование штаба территориальной обороны.

31 октября власти Херсонской области объявили об эвакуации жителей 15-километровой зоны вдоль левого берега Днепра, объяснив это угрозой подготовки Украиной массированного удара по Каховской ГЭС, что может привести к обрушению плотины и затоплению больших территорий вдоль реки: «В такой ситуации я принял решение о расширении зоны эвакуации на 15 км от Днепра. Это касается населенных пунктов Новокаховского городского округа, Голопристанского, Алешкинского, Каховского, Горностаевского, Великопетихского и Верхнерогачикского муниципальных округов», – сообщил тогда В. Сальдо. По его словам, эвакуация поможет создать «эшелонированную оборону» для отражения атак ВСУ [29]. 11 ноября Министерство обороны Российской Федерации заявило о завершении переброски подразделений из Херсона.

Большое количество жителей не стали эвакуироваться на левый берег Херсона и остались в той части города, которую оставили российские войска и заняли украинские. Глава эвакуированной администрации Херсона А. Кобец заявил, что представители спецслужб Украины осуществляют «зачистки» на территории города с целью выявления сторонников российской власти. Он указал, что в городе введен комендантский час, людям запрещено выходить с наступлением темноты (с 17.00 до 8.00) [30].

В этих непростых условиях необходимо принимать все возможные меры, направленные на обеспечение личной безопасности граждан, защиты их жизни, здоровья, иных жизненно важных и социально значимых интересов от возможного причинения вреда.

Список литературы

1. Виноградова Е. В. Конституционно-правовые и международно-правовые основы обеспечения безопасности // Взаимодействие правоохранительных органов и специальных служб государств – участников СНГ в сфере борьбы с преступностью : сборник статей. М. : Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2021. С. 34–37.
2. Виноградова Е. В. Публичная власть как интегративная основа власти в Российской Федерации // Публичная власть в современной России: проблемы и перспективы : сборник научных трудов. Саратов : Саратовская государственная юридическая академия, 2021. С. 9–13.
3. Харламов С. О., Нечай С. Л. Эталон демократии и демократическая практика: оценка оптимальности // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 2. С. 252–255.
4. Виноградова Е. В. Конституционные поправки. Российский опыт государственных преобразований // Государство и право. 2021. № 5. С. 19–25.
5. Харламов С. О., Егоров С. А. О порядке внесения поправок в Конституцию Российской Федерации // Вестник экономической безопасности. 2020. № 3. С. 81–85.
6. Харламов С. О. Предпосылки и перспективы современной конституционной реформы России // Реализация Конституции Российской Федерации: состояние и перспективы : сборник статей. Омск: Омская академия МВД России, 2021. С. 111–113.
7. Харламов С. О., Егоров С. А. Формирование понятия «конституционная навигация» и его роль в реализации института правового государства // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 3. С. 82–84.
8. Виноградова Е. В., Кобзарь-Фролова М. Н. Исполнительная власть в системе публичной власти в свете новых конституционных реалий // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № 1. С. 250–262.
9. Виноградова Е. В., Кобзарь-Фролова М. Н., Соколов А. Ю. 85 лет на службе государству и академической науке : краткий обзор международной научной конференции (8 октября 2021 г.) // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № S3-1. С. 12–20.
10. Кобзарь-Фролова М. Н., Гришковец А. А. Наука административного права и административного процесса на современном этапе общественного развития // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2022. Т. 17. № 3. С. 182–203.
11. Гасанов К. К., Харламов С. О., Егоров С. А. Тенденции и характеристика влияния миграционных процессов на совершение противоправных действий террористической и экстремистской направленности на территории Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 5. С. 41–43.
12. Ломакин В. В., Харламов С. О. О некоторых вопросах противоборства ОВД в информационной коммуникационной сфере, совершенствовании норма-

тивной правовой работы и технологических решений по противодействию современным вызовам и угрозам Российской Федерации // Международный журнал конституционного и государственного права. 2017. № 4. С. 45–49.

13. Основы национальной безопасности / [П. А. Бышков и др.]. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юнити-Дана, 2022.

14. Харламов С. О. Концептуально-правовые основы формирования демографической политики в России : статья. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2012. С. 75–80.

15. Федеральный конституционный закон от 4 октября 2022 г. № 5-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Донецкой Народной Республики» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 41. Ст. 6930.

16. Федеральный конституционный закон от 4 октября 2022 г. № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Луганской Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Луганской Народной Республики» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 41. Ст. 6931.

17. Федеральный конституционный закон от 4 октября 2022 г. № 7-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Запорожской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Запорожской области» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 41. Ст. 6932.

18. Федеральный конституционный закон от 4 октября 2022 г. № 8-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Херсонской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Херсонской области» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 41. Ст. 6933.

19. Федеральный конституционный закон от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 5. Ст. 375.

20. Указ Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. № 756 «О введении военного положения на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 43. Ст. 7381.

21. Зиборов О. В. Некоторые проблемные вопросы исследования военного положения // Теория и практика административного права и процесса : сборник статей / отв. ред. В. В. Денисенко, С. Г. Денисенко. Краснодар : Цицеро, 2016. С. 173–178.

22. Зиборов О. В. Военное положение – статичный или динамичный административно-правовой институт? // Актуальные проблемы права и государства в XXI в. 2015. Т. 7. № 5. С. 141–146.

23. Зиборов О. В. О содержании административно-правового режима военного положения // Соблюдение прав человека в деятельности сотрудников органов внутренних дел : сборник статей. Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2015. С. 43–52.

24. Зиборов О. В. К вопросу о соблюдении прав граждан в условиях военного положения // Соблюдение прав человека и гражданина в деятельности сотрудников органов внутренних дел : сборник статей. Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2014. С. 47–50.

25. Дихтиевский П. В. Административно-правовое принуждение в механизме обеспечения личной безопасности : монография. М. : Юнити-Дана : Закон и право, 2004.

26. Сальдо попросил власти организовать выезд жителей из Херсонской области. URL: <https://www.rbc.ru/politics/13/10/2022/6347f4789a7947de6a2d91b4>.

27. Власти сообщили о попытке наступления ВСУ на Херсон. Что важно знать. URL: <https://www.rbc.ru/politics/19/10/2022/634fb04a9a794778c3322448>.

28. В Херсонской области завершили эвакуацию. URL: <https://www.rbc.ru/politics/28/10/2022/635ba3c49a79477336ed61de>.

29. Власти Херсонской области расширили зону эвакуации жителей. URL: <https://www.rbc.ru/politics/31/10/2022/63600f0e9a794710523e7547>.

30. Максим Шевченко: необходимо привлечь спецслужбы к спасению сторонников России в Херсоне. URL: https://news.rambler.ru/conflicts/49691511/?-utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink.

Сандугей А. Н.¹,

заместитель начальника НИЦ № 4

Всероссийского научно-исследовательского института МВД России,

кандидат юридических наук, доцент

О ТРАНСФОРМАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ИНСТИТУТА МНОЖЕСТВЕННОСТИ ГРАЖДАНСТВА В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Мониторинг публикаций статистики зарубежных иммиграционных служб показывает, что ежегодно в среднем порядка 50 тыс. граждан России получают документы для постоянного проживания в США, Израиле, Великобритании, Швейцарии и государствах – членах Европейского союза (далее – ЕС).

Количество граждан, подавших уведомления о наличии у них иного гражданства или права постоянного проживания в иностранном государстве, также подтверждает этот порядок чисел (в 2019 г. – 52 608 чел.; в 2020 г. – 29 588 чел.; в 2021 г. – 53 052 чел.). Так, например, за первое полугодие 2022 г. поступило 17 286 тыс. уведомлений, в том числе: 5 564 тыс. чел. – в государствах – членах ЕС; 2 561 тыс. чел. – в Израиле; 1 115 тыс. чел. – в Турции; 944 чел. – в Грузии; 863 чел. – в Армении; 600 чел. – в США; 370 чел. – в Великобритании.

Следует отметить, что это далеко не бедные граждане Российской Федерации. При этом они весьма социально активные, вполне образованные и возможно даже за государственный счет, и, как говорят, не последние люди в стране.

Принятие соответствующих решений гражданами Российской Федерации вполне легитимно, поскольку в соответствии с ч. 1 ст. 62 Конституции Российской Федерации «Гражданин Российской Федерации может иметь гражданство иностранного государства (двойное гражданство) в соответствии с федеральным законом или международным договором Российской Федерации». При этом ч. 2 данной статьи гарантирует сохранение у этих граждан Российского гражданства, имеющихся паспортов других государств, конституционных прав и свобод.

Примечательно, что в России конституционные нормы о двойном гражданстве впервые появились в Конституции Российской Федерации 1993 г. Их не существовало в Конституциях СССР 1923, 1936, и 1977 гг. Мало того СССР активно продвигал свою принципиальную позицию по данному вопросу на международной арене, посредством подписания конвенций о предотвращении возникновения случаев двойного гражданства с рядом социалистических стран.

Таким образом, включение рассматриваемых положений в действующую Конституцию Российской Федерации стало некой новеллой, провозглашающей примат права человека и гражданина, либеральные подходы в вопросах имплементации международных стандартов в сфере множественного гражданства.

И все бы было хорошо с соблюдением прав человека и гражданина в Российской Федерации, в том числе и в сфере множественного гражданства. Даже такие

¹ © Сандугей А. Н., 2023.

мелочи не в счет, как второе гражданство так называемых «воров в законе», банальных «жуликов», сбегавших за рубеж при удобном случае, в том числе нечистых на руку бизнесменов, мотивируя свое приобретение второго гражданства возможностью вести полноценный бизнес за границей. Пока в Российской Федерации не прозрели, что международного права уже не осталось, а большинство международных стандартов нам умышленно навязывали, создавая правовые стереотипы их превосходства над российским правом и обязательности исполнения.

Кстати, еще задолго до военной специальной операции, в 2016 г. мною была опубликована статья о международных стандартах в сфере миграции, при имплементации которых для Российской Федерации в качестве приоритетов должны выступать вопросы обеспечения национальной безопасности, максимальная защищенность, комфортность и благополучие населения [1].

Однако, как показывает практика, англосаксонские правовые традиции крепко засели в нашем сознании.

В этой связи я обращаю внимание на статью в которой анализируются проблемы, проводится ретроспективный анализ института множественного гражданства с 1906 г. по настоящее время. В заключении авторами сделаны следующие выводы: «международно-правовые стандарты в области прав человека охватывают значительное количество правовых механизмов регулирования вопросов множественного гражданства, обеспечивая гарантирование прав лиц, имеющих множественный гражданский статус из-за коллизий национального законодательства и по другим причинам» [2].

Действительно авторы правы о необходимости на уровне национальных законодательств разрешать с использованием международно-правовой матрицы в виде стандартов правоприменительные проблемы в сфере множественного гражданства.

После развала Союза ССР задача соответствующего выбора стояла и перед разработчиками проекта основного закона Российской Федерации. Она была реализована в ст. 62 Конституции Российской Федерации, как представляется, не без консультаций западных правоведов. Я предполагаю, что определенной части бывших граждан СССР это даже понравилось, поскольку они не любили эту страну.

Сейчас сложно судить о том, что нормы ст. 62 были умышленно внесены в Конституцию Российской Федерации для создания предпосылок формирования в современном российском обществе обособленного социального слоя, имеющего дополнительные возможности за пределами государства.

Напротив, на конституционном уровне разрешилась проблема определения гражданства супругов и несовершеннолетних детей в смешанных браках.

Возвращаясь к обсуждаемой статье, обращаю внимание на второй блок выводов. Авторы отмечают: «Таким образом, “посредством использования международных стандартов в сфере множественного гражданства” реализуется главнейшее направление развития современного конституционного права – его человеческое измерение, примат личных интересов перед государственными».

Согласитесь, это ничего не напоминает относительно личных интересов, которые сформировались, а по большинству своему имели давно устойчивый характер, на фоне тревожных ожиданий граждан Российской Федерации от последствий проведения специальной военной операции. Это не только мужчины призывного возраста, но и те, которые вовлечены в международный бизнес, обладают востребованными специальностями на международном рынке труда или просто имеют недвижимость и капитал за рубежом, как правило, заработанный в России.

Именно такой подход относительно примата личных интересов перед государственными, да и перед общественными тоже, культивировался на конституционном уровне последние 30 лет в нашей стране.

Что касается множественности гражданства как «объективного явления» то оно, безусловно, будет присутствовать всегда, пока существует право крови и право земли. При этом никто не вправе запретить браки и усыновление на международном уровне.

Относительно правовой аномалии в сфере множественного гражданства, о которой упоминают авторы необходимо поговорить отдельно. В статье упоминается о положениях гл. 1 Конвенции ЕС «О сокращении числа случаев множественного гражданства и о воинской обязанности в случаях множественного гражданства» (Страсбург, 1963 г.). Именно в этом международно-правовом документе признается, что множественное гражданство проблемно.

Тем не менее, несмотря на признание в данной Конвенции проблемности множественного гражданства, она оказалась мертворожденной для стран ЕС, где существует дифференцированная система налогообложения, и примат личных интересов отдельных категорий лиц превалирует над общественными интересами. Вполне типичный либеральный подход, который мы наблюдаем сегодня в Европе в отношениях правящих элит к интересам гражданского общества европейских государств.

В этой связи в условиях проведения специальной военной операции, формирования нового российского общества, основанного на постулатах исторического патриотизма, любви и уважения к Отечеству, возникает вопрос о целесообразности законодательного обеспечения всех принципиальных подходов к двойному гражданству в Российской Федерации.

Следует отметить, что национальные законодательства ряда зарубежных стран допускают множественное гражданство. В то время отдельные страны приняли законы против двойного гражданства.

Например, Азербайджан, Беларусь, Малайзия и Китай запрещают двойное гражданство. При этом могут быть некоторые исключения. Например, Президент Республики Азербайджан может предложить второе гражданство лицам, имеющим особую значимость.

В свою очередь граждане Кубы, Индии, Индонезии, Ирана, Сингапура, Казахстана, Японии, Омана, Катар, Саудовской Аравии и ряда других государств автоматически теряют гражданство при приобретении гражданства другой страны.

Весной 2022 г. в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации в первом чтении был принят проект Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации», который вероятно с небольшими корректировками будет поддержан Президентом Российской Федерации.

Проектируемые в проекте новеллы предусматривают расширение полномочий Президента Российской Федерации, передачу части его полномочий МВД России и МИД России, сокращение количества требований к заявителям. Предусматривается с учетом правоприменительной практики исключение правовых оснований приобретения гражданства в упрощенном порядке индивидуальными предпринимателями, инвесторами и квалифицированными специалистами.

Кроме того, не предполагается предоставление гражданства Российской Федерации на основании формальных критериев, не учитывающих наличие реальной связи лица, претендующего на приобретение российского гражданства, с Российской Федерацией. При этом проектируемые нормы законопроекта не изменяют конституционному принципу второго гражданства, который возможно ошибочно или недостаточно обоснованно был включен в 1993 г. в проект Конституции Российской Федерации и соответственно поддержан всеобщим голосованием.

Список литературы

1. Сандугей А. Н. О международных стандартах административной деятельности в сфере миграции // Миграционное право. 2016. № 2. С. 35–40.
2. Трифонов С. Г., Старицин А. В. Международно-правовые стандарты множественного гражданства // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. 2020. Т. 6 (72). № 1. С. 376–389.

Симонов К. А.¹,
 курсант 301 учебного взвода
 Института подготовки сотрудников
 для органов предварительного расследования
 Московского университета
 МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: **Горшенева И. А.,**
 заведующий кафедрой иностранных языков
 Московского университета
 МВД России имени В.Я. Кикотя,
 кандидат юридических наук, профессор,
 заслуженный работник Высшей школы Российской Федерации

НОВЫЕ ВЫЗОВЫ НА ПУТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Сегодня соблюдение прав и свобод человека находится не в рамках действия международного права и международной политики, а на стыке международного права и политики с внутренним национальным правом и политикой отдельного государства. Для контроля за соблюдением государствами договорных обязательств по правам человека регулярно создаются специальные органы и структуры, которым предоставляется право осуществления мониторинга, надзор и, в некоторых случаях, санкции за действия государств, противоречащие данным договорным обязательствам. Эти институты имеют самые разные формы и взгляды, начиная с Совета по правам человека, который уполномочен отслеживать соблюдение установок ООН в области прав человека путем реализации системы, сочетающей периодическое заслушивание стран-членов с докладами по наиболее актуальным проблемам такой повестки и проведение коллегиальных обзоров наряду с оказанием давления, осуществляемого специализированными контролирующими органами ООН по исполнению различных договоров по правам человека.

Однако в настоящий момент наиболее сложные институциональные структуры созданы в соответствии с региональными договорами по правам человека в Европе, Северной Америке, Южной Америке и Африке, где региональным судам и комиссиям по правам человека были предоставлены значительные полномочия по пересмотру и изменению существующих уставных положений.

Так, не ограничиваясь рассмотрением отдельных случаев нарушения прав, региональные органы стали заниматься общими и системными проблемами в данной области, начиная с технических вопросов, таких как недостатки в эффективной реализации права на справедливое и быстрое судебное разбирательство, и заканчивая крайне чувствительными в политическом плане проблемами, связанными с правами человека.

¹ © Симонов К. А., 2023.

Следует подчеркнуть, что основные вызовы на пути реализации прав человека в современном обществе связаны с концепциями универсализма и культурного релятивизма.

Концепция универсализма получила известность после Второй мировой войны [1, с. 5–13].

С принятием Всеобщей декларации прав человека страны всего мира обсудили и согласовали ценности, которые станут основой этих прав. Ужасающие последствия Второй мировой войны оставили наследие, которое по сей день может нанести большой вред человечеству, если позволить отдельным государствам определять и проповедовать «ценности», которые развязали эту войну.

Придумав законы о расовой чистоте, которые привели к истреблению «низших человеческих существ», Германия продемонстрировала миру, насколько разрушительной может стать националистическая «культура» без решающего контроля остальных членов мирового сообщества над теми «ценностями», которые распространялись внутри одной страны.

Основной принцип прав человека заключается в том, что эти права принадлежат каждому, независимо от того, какой статус этот человек занимает в обществе. Это понятие универсализма лежит в основе всеобщих прав человека. Каждый индивид имеет право на осуществление своих прав как человека, где бы он не проживал [2, с. 15–18].

Например, права человека включают надлежащее медицинское обслуживание и наличия продовольствия для всех. Возможно, ресурсы отдельной страны недостаточны для обеспечения этих потребностей жизнедеятельности, и не все получают надлежащий уход и достаточное количество еды. Основной ценностью государства являются его граждане и поэтому правительства, страны обязаны реализовать их права, даже если где-нибудь власти на местах полагают, что обеспечение индивида товарами первой необходимости является делом отдельного человека. Можно отметить, что правительство действительно прилагает определенные усилия для обеспечения того, чтобы каждому гражданину США было доступно адекватное пропитание (для чего введены «продовольственные талоны» или карточки «Link») и простейшее медицинское обслуживание (с помощью Medicaid), но подобные права не рассматриваются как универсальные права человека. Таким образом, даже в такой позиционирующей себя как высокоразвитая стране многие граждане лишены возможности реализовывать основные универсальные права человека.

Универсализм не лишен критики. Некоторые эксперты утверждают, что данный принцип увековечивает колониалистские практики, жалуясь на то, что одна группа претендует на превосходство над другой, формируя ценности, навязывая этику, власть, исходя из собственных предположений [3, с. 130–152].

Обратимся к позиции исследователя в области прав человека М. Игнатьева [4, с. 102–116], отмечающего, что критики фокусируются на «империалистическом» характере прав человека: «Доктрина прав человека сейчас настолько могущественна, но в то же время настолько бездумно империалистична в своих претензиях на универсальность, что постоянно подвергается серьезной интеллектуальной атаке. Эти вызовы подняли важные вопросы о том, заслуживают ли

нормы в области прав человека того авторитета, который они приобрели в последнее время: оправданы ли их претензии на универсальность, или же они являются просто еще одним хитрым упражнением западного морального империализма» [4, с. 102].

В то время как критика универсализма представляет собой обоснованный вызов на пути реализации прав человека, эти самые права не возникают без действительного вклада различных стран.

Права человека – это согласованные на международном уровне ценности, стандарты или правила, регулирующие поведение государств по отношению к своим собственным гражданам и негражданам. Они, по тексту преамбулы Всеобщей декларации прав человека, являются «общим стандартом достижения для всех народов и всех наций» (Организация Объединенных Наций, 1948). Эти правила, которые нации создали сами для себя, служат ограничению свободы государств действовать по отношению ко всему своему населению: гражданам и негражданам, мужчинам и женщинам, белым и небелым, верующим и неверующим, женатым и неженатым, гетеросексуалам, а также гомосексуалистам. Данный подход в корне отличается от прошлого, когда государства, или, скорее, их правители, были абсолютными суверенами, которые могли обращаться со своими подданными так, как им заблагорассудится. В настоящее время у людей есть права – права человека [5].

Хотя универсализм подразумевает, что некоторые моральные требования одинаковы для всех, это не означает, что у всех есть необходимость быть одинаковыми, или что у людей есть какие-либо моральные требования, которые препятствуют культурному разнообразию [6].

С этой точки зрения универсальная концепция прав человека сразу же сталкивается с законным препятствием – местными культурными, религиозными и правовыми нормами. Почему какая-либо страна должна принимать правила, разработанные международной структурой, включающей членов, имеющих мало общего с другими представителями мирового сообщества? Ответ следует искать в предыстории, приведшей к созданию Организации Объединенных Наций и ее Всеобщей декларации прав человека. Геноцид, нищета, безработица, колонизация и другие бедствия – все это привело к поиску лучшего пути, который, по крайней мере, смог бы предотвратить или облегчить эти бедствия. Ни одна нация не смогла бы этого сделать в одиночку. Только работая сообща и согласовывая универсальный набор принципов, все государства смогли добиться определенного успеха в создании лучше устроенного мира.

Универсальные принципы налагают на страны ответственность за их соблюдение. Именно она часто становится камнем преткновения, когда местные культурные нормы и традиции противоречат уже устоявшимся принципам прав человека.

Рассмотрим следующий принцип прав человека, относящийся к современным вызовам, существующим в этой области, – это культурный релятивизм, который получил наибольшую известность как средство противодействия колониализму [7].

Основной тенденцией, существовавшей во время колониализма в 1800-х гг., было превосходство одной культуры над другими. Однако в 1900-х гг. антропологи поставили под сомнение такое культурное неравенство и обосновали положения о том, что любая культура несет ценность сама по себе. В те времена эта точка зрения казалась новаторской и весьма прогрессивной.

В рамках культурного релятивизма все точки зрения считаются одинаково справедливыми, а любая истина относительной. Она принадлежит индивиду или его культуре. Все этические, религиозные и политические убеждения – это атрибуты, связанные с культурной самобытностью индивида или общества.

Многие эксперты отмечают, что культурный релятивизм уместен в определенных контекстах. Язык, еда, одежда, искусство и архитектура отличаются в рамках разных культур, и критически важно, чтобы эти относительные различия сохранялись [8].

Кроме того, «культурный релятивизм утверждает, что существует непреодолимое разнообразие между культурами потому, что каждая культура представляет собой уникальное целое со структурными элементами, настолько переплетенными между собой, что ни один из них не может быть понят или оценен без ссылки на другие компоненты культурного целого, так называемого паттерна культуры» [9].

Очевидно, что культурный релятивизм, означающий, что одна страна / культура может определять свои собственные ценности, независимо от опыта всего человечества, человеческого достоинства и жизни, может иметь ужасающие последствия [1].

Нацистская Германия, безусловно, является одним из самых известных таких примеров, иллюстрирующих все зло культурного релятивизма. В гораздо более меньшем масштабе, но очевидным примером может служить и ситуация, произошедшая с 41-летним афганцем, которого судили в Афганистане за обращение в христианство [10].

Из-за давления со стороны США, Европы, Ватикана и других стран афганское правительство в данной ситуации объявляло афганца невменяемым и непригодным для судебного разбирательства. Этот поступок, спасающий лицо, и позволил афганскому правительству обойти весь комплекс проблем, не в последнюю очередь связанных со смертной казнью [11].

Злая ирония состоит в том, что Конституция Афганистана содержит Всеобщую декларацию прав человека, конкретно допускающую свободу вероисповедания.

Словосочетание «культурный релятивизм» часто создает путаницу при обсуждении прав человека. Что же на самом деле означает этот феномен? Проще говоря, культурный релятивизм означает, что все культуры равны, а универсальные ценности отходят на второй план при сравнении культурных норм. Никакая внешняя ценность не превосходит ценность местной культуры. Если местная культура допускает проведение калечащих операций на женщинах, то право человека, запрещающее жестокое или унижающее достоинство обращение,

не должно препятствовать генитальному увечью. Если культура допускает подобные бесчеловечные деяния, то никакой внешний принцип не должен отменять подобную культурную норму?

Когда незастрахованный американец не получает надлежащего медицинского лечения от болезни из-за недостаточного дохода, местная культура и правовая система принимают этот результат – даже несмотря на то, что Всеобщая декларация прав человека гласит, что каждый имеет право на требуемую адекватную медицинскую помощь.

Проблема некритического принятия культурного релятивизма заключается возникновении нежелания изучать социальную структуру, которая и создает культурную норму. Кто определяет культуру? Как и во многих проявлениях культурного релятивизма в контексте прав человека именно национальное правительство страны определяет культурные, религиозные и правовые нормы. По этой причине и необходимо избегать некритического признания культуры выше универсальных принципов прав человека.

Наличие универсализма и культурного релятивизма обуславливают постоянную борьбу вокруг проблемы прав человека. До тех пор, пока местная культура не признает и не поймет важность универсальных принципов прав человека, реализация этих прав в обществе застопорится.

Признавая, что каждый индивид должен пользоваться базовыми правами, общества могут разрабатывать государственную политику и структуры, способствующие повышению благосостояния каждого. Права человека не обещают равенства для всех, а лишь дают право на основной базовый уровень существования. Тем не менее, установив его, следовало бы позаботиться об искоренении или хотя бы смягчении многих угроз и лишений современного мира. Так, например, в США по-прежнему сохраняется разрыв между имущими и неимущими, а постоянные опасности природных катастроф, подобным урагану «Катрина», и не всегда быстрое устранение их последствий со всей очевидностью свидетельствуют о природе этих пробелов. Можно ли действительно сказать, что эта страна добилась соблюдения прав человека для всех, когда у тысяч людей даже отсутствуют средства укрытия от разрушительного воздействия урагана?

Проблема обеспечения и соблюдения прав человека требует гораздо более глубокого, масштабного и вдумчивого взгляда на ее решение.

Таким образом, разнообразие мнений, различие культур, целей и традиций зачастую приводят к столкновению позиций на местном, национальном и международном уровнях. Подобное разногласие в подходах делает продвижение прав человека весьма трудным делом.

Список литературы

1. Morsink J. The universal declaration of human rights: Origins, drafting, and intent. Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 1999.
2. Ife J. Human rights and social work: Towards rights based practice. Cambridge : Cambridge University Press, 2001.

3. Reichert E. Social work and human rights: A foundation for policy and practice. New York : Columbia University Press, 2003 ; Reichert E. Move from social justice to human rights provides new perspective. Professional Development: the International Journal of Continuing Social Work Education. 2001. № 4 (1). Pp. 5–13.
4. Reichert E., McCormick R. J. U.S. welfare law violates human rights of immigrants // Migration World. 1998. № XXVI (3).
5. Reichert E. Social work and human rights: A foundation for policy and practice. New York : Columbia University Press, 2003.
6. Tilley J. Cultural relativism // Human Rights Quarterly. 2000. № 22 (2). Pp. 501–549.
7. Roth, Pierpont, C. The measure of America. How a rebel anthropologist waged war on racism // New Yorker. 2004, March 8. Pp. 48–63.
8. Pasamonik B. The paradoxes of tolerance // Social Studies. 2004. № 95 (5). Pp. 206–211.
9. Lawson S. Democracy and the problem of cultural relativism: Normative issues for international politics // Global Society: Journal of Interdisciplinary International Relations. 1998. № 12 (2). Pp. 251–271.
10. Perkins T. Religious freedom Afghan-style is no freedom // The Christian Science Monitor. 2006. March 24. P. 9.
11. Morarjee R, Murphy D. Apostasy: Conversion a thorny issue in Muslim world // The Christian Science Monitor. 2006. March 27. Pp. 1, 10.

Симонова А. Е.¹,

*доцент кафедры прав человека и международного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент*

Левкина Е. С.²,

*преподаватель кафедры гражданского и трудового права,
гражданского процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ РАСПРОСТРАНЕНИЯ БИОЛОГИЧЕСКИ ОПАСНЫХ ВЕЩЕСТВ (НА ПРИМЕРЕ COVID-19)

По прошествии более двух лет с момента выявления первого случая заражения человека биологически опасными веществами в ноябре 2019 г. стало понятно, что человечество в XXI в. не было готово к такого рода ситуации. Несмотря на панику и даже массовую истерию в разных частях света по этому поводу, все же стоит согласиться с мнением, что «угрозу представляет собой вирус, а не люди» [5]. По некоторым неофициальным данным, что всячески скрываются, доказано, что появление вируса под названием «COVID-19» не является природным. Следовательно, есть вероятность того, что биологически опасное вещество (-а), которое вызывает такой вирус было предметом изучения или даже использования специалистами в этой области. Степень опасности подобных «экспериментов» раскрывается в других работах автора [7]. С какой целью и каким образом эти мероприятия проводились специалистами остается загадкой. Однако, анализ событий, произошедших с тех пор показывает, что последствия COVID-19 отразились не только на экономических, политических, социальных и иных сферах жизни государства, но и на реализации отдельных прав человека, что также очевидно оказало влияние и на международное сотрудничество субъектов международного права в этой сфере.

События 2020 г. показали, что отдельные права человека не могут быть осуществлены в полной мере. Особое опасение в области благополучия государства и социума вызывает механизм регулирования и защиты прав человека [6], реализуемого не только в рамках одного государства, но и в результате обеспечения международной деятельности.

Права человека играют ключевую роль в формировании подхода к борьбе с распространением любых биологических опасных веществ, включая их последствия в виде пандемии. Государства и международные организации, такие как Организация Объединенных Наций (далее – ООН), Совет Европы и целый ряд

¹ © Симонова А. Е., 2023.

² © Левкина Е. С., 2023.

других международных площадок сразу начали принимать необходимые меры для борьбы с распространением вируса COVID-19. Хотя согласно Уставу ООН [1], Всеобщей декларации прав человека и гражданина 1948 г. [3], Уставу Всемирной организации здравоохранения 1946 г. [2] и Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. [4], международное право в достаточной степени способно регулировать и обеспечивать необходимые права человека. Но, исходя из того, что стремительное распространение коронавирусной инфекции вызывает опасения в области безопасности существования общества и здоровья человека, государствам важно в такой ситуации продолжать принимать все меры, которые вынуждают ограничивать права и основные свободы для сохранения жизни человека, общества и государства. В связи с чем, не умаляя огромного значения таких международных игроков и той действующей и созданной вновь международно-правовой базы, следует отметить, что ограничения целого ряда прав человека, вводимые государствами в благих целях локализации распространения вируса, привели к кризисным явлениям в области экономики, социального обеспечения, политики к которым можно отнести:

1. Проблема изоляции, неравенства и насилия. Во время распространения инфекции, вызванной вирусом возникают обстоятельства, в результате которых уязвимые группы населения находятся в большей опасности, например, лица старше 60 лет. Как показала практика, именно данная группа людей тяжелее остальных переносила симптомы новой коронавирусной инфекции. Если обращать внимание только на людей в преклонном возрасте, государства вряд ли смогут предотвратить распространение COVID-19. Изоляция таких групп населения не защитит всех от вируса, соответственно применение данных мер недопустимо. Если же обратиться к проблеме изоляции людей в целом, а именно введения режима самоизоляции, когда все члены семьи находятся в тесном взаимодействии друг с другом на протяжении долгого периода времени, то, как показывает практика, в результате семейно-бытовых ссор, домашнего террора и т. п. возникает проблема непонимания, агрессии и насилия. Очевидно, что такой режим возможно уменьшает шансы заражения вирусом, однако возрастает вероятность произвола и тирании. Кроме того, данная проблема наиболее остро стоит перед лицами, которые не имеют определенного места жительства или проживают в коммунальных квартирах, общежитиях – недостаточный уровень жизни, отсутствие возможности дистанцирования, антисанитария (отсутствие чистой воды, возможности принять меры собственной гигиены) вызывают усиление распространения инфекции.

2. Проблема в реализации права на свободу передвижения связана в большей части с предыдущей и выражается фактически в запрете на беспрепятственное перемещение всех лиц, законно находящихся на территории конкретного государства и не только.

3. Проблема реализации права на образование. По официальным данным по состоянию на апрель 2020 г. 191 страна закрыла школы в масштабах всего государства, затронув около 1,6 млрд учащихся, что составляет 91,3 % от общего числа учащихся, охваченных образованием [5]. Попытки государств все же обес-

печить реализацию права граждан на образование привели к переходу на дистанционное обучение с заметным ухудшением качества получаемых знаний. Оценить результаты произошедшего государствам еще только предстоит.

4. Проблема массовых беспорядков. Население того или иного государства, осознавая возможность заражения коронавирусной инфекцией, которая может привести к летальному исходу начинают беспокоиться за собственное здоровье, но иногда настолько сильно, что определенные человеческие поступки или решения властей вызывают агрессию, которая может проявиться в массовых беспорядках.

5. Проблема осуществления предпринимательской и иной экономической деятельности, а также проблема безработицы и экономического положения людей. Введение всеобщего режима самоизоляции серьезно сказывается на экономике в целом. Индивидуальные предприниматели и юридические лица из-за отсутствия спроса остаются без доходов, а обязанность по уплате налогов и иных сборов вводит их в состояние разорения. Физические лица в результате закрытия индивидуальных предприятий и иных организаций остаются без места работы, соответственно доход не сохраняется. Государства пытаются ликвидировать данную проблему принимали такие решения, как освобождение от уплаты налогов и иных сборов на определенный период времени для индивидуальных предпринимателей и юридических лиц малого и среднего бизнеса, принятие экономических мер по сохранению места работы и заработной платы, а также предоставление оплачиваемого отпуска или пособий по безработице.

Кроме указанных проблем сюда можно отнести проблемы в области прав человека, касающиеся участия гражданского общества и пространства для его деятельности, а также мира, безопасности и верховенства права и др.

Не останавливаясь подробно на этих и других проблемах, очевидно, что пандемия COVID-19 создала кризисные условия, в результате которых появились непознанные ранее серьезные проблемы по обеспечению нормальной жизнедеятельности общества и государства. Такие проблемы остро стояли и стоят перед властями государств и требуют срочных и неотложных мер по их урегулированию. Опыт, полученный практически во всех сферах жизнедеятельности общества и государства, должен дать законодательные, практические и эмпирические инструменты для недопущения ограничений и ущемлений прав человека впредь.

Список литературы

1. Устав ООН 1945 г. // НПП «Гарант-сервис». URL: <http://base.garant.ru>.
2. Устав Всемирной организации здравоохранения 1946 г. // НПП «Гарант-сервис». URL: <http://base.garant.ru>.
3. Всеобщая декларация прав человека 1948 г. // Российская газета. 1998. 10 дек. С. 4.
4. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. // НПП «Гарант-сервис». URL: <http://base.garant.ru>.
5. Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/human_rights_and_covid19_russian.pdf.

6. Официальный сайт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. URL: https://ombudsmanrf.org/storage/74a0484f-7d5a-4fe4-883d-a1b5-ba1dd5f8/documents/tematicheskie_specialnye_doklady/docs/doc1.pdf.

7. Симонова А. Е. Международно-правовое и человеческое измерение проблемы распространения оружия массового поражения // Актуальные проблемы современного международного права : сборник статей. М. : Р университет дружбы народов, 2019. С. 107–111.

Серебрякова О. М.¹,
доцент кафедры иностранных языков
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат филологических наук

Слепов Д. Н.²,
курсант 317 учебного взвода
Института подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

СОБЛЮДЕНИЕ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В ОБЛАСТИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА: КОНЦЕПЦИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ, ПРОБЛЕМЫ

Международные стандарты, касающиеся прав человека, являются одними из основополагающих принципов международного права. Основная причина этого заключается в том, что права человека, которые отражены в различных международных договорах, соглашениях, правовых нормах и традициях, в отличие от большинства других норм международного права, направлены на формирование политики поведения государств на международной арене. Данный факт создает обязательства для государств по обеспечению прав, сформулированных в нормах, касающихся прав человека, которые должны быть обеспечены всеми необходимыми средствами, включая законодательные, исполнительные и судебные действия. Другими словами, соблюдение прав человека в рамках международного права находится не на стыке международного права и международной политики, а на стыке международного права и политики отдельного государства.

Для контроля за соблюдением государствами обязательств в договорах по правам человека регулярно создаются специальные органы и ведомства, которым предоставляется мандат на мониторинг, надзор и, в некоторых случаях, санкции за поведение государства, противоречащее этим договорным обязательствам. Такие структуры бывают самых разных типов и взглядов, например, к данным организациям относится Совет по правам человека Организации Объединенных Наций (далее – ООН), которому поручено следить за соблюдением требований ООН в области прав человека с помощью процедуры, сочетающей в себе отдельное рассмотрение национальных докладов наряду с применением более актуальных и разовых механизмов надзора. К аналогичным методам относятся коллегиальный надзор и оказание давления, осуществляемые специализированными контрольными органами в соответствии с различными договорами ООН по правам человека.

¹ © Серебрякова О. М., 2023.

² © Слепов Д. Н., 2023.

Мотивированное разрушениями, вызванными Второй мировой войной, международное сообщество создало режим прав, призванный защищать основные права человека. Международными договорами, лежащими в основе этого режима, выступают Международные пакты о гражданских и политических правах и об экономических, социальных и культурных правах, вступившие в силу в 1976 г. [1]. Затем последовали дополнительные международные договоры по правам человека, и режим в настоящее время может представить 6 основных договоров (табл.), участниками которых является подавляющее большинство государств [2, с. 705].

Таблица

Договор	Год	Защищаемые права	Страны, ратифицировавшие договор
Международный пакт о гражданских и политических правах	1966	Жизнь, свобода, защита от пыток и рабства	166
Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах	1966	Экономические, социальные и культурные права	160
Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации	1966	Основные права и свободы человека для лиц всех рас	173
Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин	1980	Основные права и свободы человека для женщин	185
Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания	1984	Свобода от пыток и других форм наказания	147
Конвенция о правах ребенка	1989	Основные права и свободы человека для детей	193

Однако наличие данных международно-правовых актов не говорит о том, что именно на них опирается большинство развитых стран мира для установления режима прав и свобод человека.

Отнюдь не ограничиваясь рассмотрением отдельных случаев нарушения прав, региональные органы также начали решать общие и системные проблемы в области защиты прав человека, начиная с технических вопросов, таких как недостатки в реализации права на справедливое и быстрое судебное разбирательство, и заканчивая политически чувствительными проблемами, касающимися несоблюдения определенных прав.

В результате таких процессов соблюдение норм международного права в области прав человека стало парадигмой глубокой трансформации международного порядка, от системы норм и практики, в первую очередь предназначенных для учета интересов государств, к международной правовой системе, основанной на ряде фундаментальных ценностей, уважении достоинства и основных прав человека.

В настоящее время наиболее актуальным становится вопрос влияния международного права на поведение и правовые действия государств.

Дистанция между соблюдением и эффективностью соблюдения прав человека в области международного права демонстрирует тенденцию к исчезновению, когда на карту поставлено исполнение судебного решения по данному вопросу. Кроме того, взаимосвязь между интерпретацией и соблюдением требований в области международного права оказывается очень своеобразной. Наблюдается неопределенность норм, защищающих широко сформулированные права и свободы человека, как правило, даже больше, чем в других областях международного права. Специфической особенностью региональных систем защиты прав человека является создание судов, на которые возложена задача толкования этих бессрочных положений о правах человека таким образом, чтобы обязательства, возлагаемые на государства, стали результатом такого толкования региональными судами по правам человека.

В нынешнем международном праве отсутствует универсализм. То, что в настоящее время существует, – это просто «универсальность прав человека», т. е. всеобщее согласие относительно необходимости наличия концепции, известной как права человека, вместо «универсализма» в области прав человека, т. е. полного единодушного согласия относительно точного понимания и сферы применения прав человека. Это связано с тем, что две кардинальные концепции, которые сегодня составляют основу международного права в области прав человека, а именно «права человека» и «универсализм», страдают серьезными концептуальными недостатками. Фактическая концепция «универсализм» – слишком утопический ориентир, чтобы его можно было достичь на международном уровне, в то время как «права человека» – слишком двусмысленная концепция, чтобы двигаться к достижению указанного ориентира. Неопределенность концепции прав человека и ее неспособность быть по-настоящему универсальной привели к тому, что западные страны манипулируют ею для продвижения своих интересов и ценностей. Исторические свидетельства, связанные с процессом разра-

ботки Всемирной декларации прав человека, демонстрируют доминирование западных стран и США в большинстве ключевых решений, принятых в ходе вышеуказанного процесса.

Устранение универсализма серьезно сказывается на глобальных усилиях по обеспечению соблюдения законодательства в области прав человека в целом. Находясь в рамках международного права, осуществление норм в области прав человека в значительной степени зависит от политической воли и добровольного согласия государств с внесением необходимых изменений в свою внутреннюю систему в целях соблюдения международных стандартов в области прав человека.

Согласно конструктивистской теории, государство будет подчиняться международному праву только в том случае, если оно действительно верит в его «правильность и уместность». Однако государства не могут доверять ему, когда утверждение о том, что оно не является действительно универсальным, подрывает легитимность и верховенство норм и ценностей, которые в межкультурном плане выходят за рамки всех национальных границ.

В данном тезисе заключается нерешенный вопрос универсализма с точки зрения того, что сегодня он является основной причиной проблемы международных нарушений прав человека. Руководствуясь междисциплинарным подходом, этот не доктринальный тезис исследует в совокупности три обычно обособленные направления исследований в области прав человека под одной крышей, а именно философское понимание концепций, связанных с проблемой универсализма прав человека, исторический анализ происхождения прав человека и прагматический обзор на основе тематических исследований соблюдения государствами обязательств по международным договорам в области прав человека.

Обязательные международные договоры составляют основу и принципиальную сущность международного режима прав человека, идея которого заключается в том, что обязывающий характер деятельности этих международных институтов может сделать их сильным и эффективным инструментом поощрения и защиты всеобщих прав человека.

Международные договоры по правам человека обычно содержат некий правоприменительный механизм, якобы предназначенный для привлечения государств к ответственности за выполнение договорных обязательств. В международном контексте прав человека этот правоприменительный механизм, как правило, находится под контролем комитета экспертов, учрежденного в соответствии с текстом договора. Хотя термины различаются, большинство договоров предусматривают создание комитета для контроля за соблюдением государствами положений путем изучения докладов, которые государства обязаны представлять с комментариями своей собственной практики в области прав человека. Комитеты, рассматривающие эти доклады, обычно могут задавать государствам вопросы по их содержанию, а также принимать комментарии об уровне соблюдения государством договора. Однако комитеты не обладают полномочиями по предписанию санкций или иным образом наказывать государства за их невыполнение условий договора.

Некоторые договоры и протоколы позволяют государствам брать на себя обязательства по дополнительному надзору комитета за их практикой.

Государства могут договориться о компетенции комитета рассматривать жалобы других государств, утверждающих, что они не выполняют свои обязательства по договору [3]. Часть договоров также позволяют государствам договариваться о полномочиях комитета рассматривать обращения отдельных лиц о допущении нарушений их прав по договору – если лица, среди прочего, исчерпали доступные внутренние средства правовой защиты. Наконец, некоторые из них предусматривают, что государства могут признавать право комитета посещать их территорию и предоставлять комитету доступ к соответствующей информации о потенциальных нарушениях прав, охраняемых договором [4].

Кроме того, если государство не удается убедить выполнить рекомендации комитета в отношении жалоб или других нарушений, выявленных в ходе любого рода расследований, комитет может опубликовать отчеты о несоблюдении государством требований и, возможно, также сделать публичное заявление по этому вопросу. Однако они «не уполномочены действовать карательно в отношении государства-нарушителя или налагать какие-либо санкции» за несоблюдение [5].

В последние годы масштабы международного правозащитного режима прав расширились. До 90-х гг. основной упор в большинстве договоров делался на то, чтобы правительства, в отличие от частных лиц, несли ответственность за обеспечение защиты прав человека в своих государствах не только путем поощрения надлежащих стандартов в области прав человека, но и путем наказания тех, кто нарушал установленные стандарты [2, с. 717–720]. Признавая, что некоторые правительства либо являются нарушителями прав, либо по существу бессильны защитить своих граждан от злоупотреблений, совершаемых некоторыми группами или преступными организациями, международное сообщество обратилось к созданию института, который содействовал бы искоренению безнаказанности за совершаемые деяния там, где сами государства либо не желают, либо неспособны этого сделать.

Список литературы

1. Bouandel Y. Human rights and comparative politics – Aldershot; Brookfield, Vt., USA : Dartmouth Publishing, 1997.
2. Buergenthal T. The Normative and Institutional Evolution of International Human Rights. 1997.
3. Convention Against Freedom from Torture and and Other Forms of Other Cruel, Inhuman or Punishment Degrading Treatment or Punishment art. 21. 1984.
4. Optional Protocol to Convention Against Torture and Other Cruel, Inhuman or Degrading Treatment or Punishment, arts. 4, 11. 2002. Dec. 18. 2375 U.N.T.S 237.
5. Steiner, Henry J. Individual Claims in a World of Massive Violations: What Role for the Human Rights Committee? // The future of un human rights treaty monitoring / Ed. Philip Alston & James Crawford eds. 2000. № 15. Pp. 36–37.

*Донская М. В.¹,
доцент кафедры конституционного
и муниципального права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент*

*Долженкова А. А.²,
курсант 512 учебного взвода
Международно-правового факультета
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ СТАТУС ОБЩЕСТВЕННОЙ ПАЛАТЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Идея создания Общественной палаты Российской Федерации (далее – Общественная палата) получила, как известно, активную поддержку со стороны государства и прежде всего Президента Российской Федерации, который назвал ее «площадкой для широкого диалога, где могли бы быть представлены и подробно обсуждены гражданские инициативы», а также «местом проведения общественной экспертизы тех ключевых государственных решений и прежде всего законопроектов, которые касаются перспектив развития всей страны, которые имеют общенациональное значение» [3].

На основе осуществленного анализа доктринальных разработок и конституционно-правовых норм, касающихся понятия и места Общественной палаты в системе структур различной природы (юридической и социальной), отметим ее функции как института гражданского общества в сфере защиты прав и свобод человека:

1) информационно-воспитательная, которая выражена в восполнении знаний о защите прав и свобод человека и гражданина и формировании установки на их уважение и соблюдение в контексте ч. 3 ст. 17 Конституции Российской Федерации;

2) правозащитно-ориентирующая, которая выражена в выработке рекомендаций по улучшению системы защиты и самозащиты прав и свобод человека и гражданина в контексте ст. 45 Конституции Российской Федерации;

3) правозащитно-восстановительная, которая реализуется в конкретных действиях, опосредованных нарушением прав и свобод человека и гражданина и направленных на их восстановление в судебном и несудебном порядках в совокупном значении ст.ст. 33, 45 и 46 Конституции Российской Федерации;

4) консультативно-совещательная реализуется через привлечение граждан и общественных объединений к реализации государственной политики, через выдвижение и поддержку гражданских инициатив, имеющих общероссийское

¹ © Донская М. В., 2023.

² © Долженкова А. А., 2023.

значение и направленных на реализацию конституционных прав, свобод и законных интересов граждан и общественных объединений;

5) функция общественного контроля за деятельностью Правительства Российской Федерации, федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, а также за соблюдением свободы слова в средствах массовой информации;

6) экспертная предполагает проведение общественной экспертизы проектов федеральных законов и проектов законов субъектов Российской Федерации, а также проектов нормативных правовых актов органов исполнительной власти Российской Федерации и проектов правовых актов органов местного самоуправления;

7) информационно-методическая реализуется:

– посредством выработки рекомендаций органам государственной власти Российской Федерации при определении приоритетов в области государственной поддержки общественных объединений и иных объединений граждан Российской Федерации, деятельность которых направлена на развитие гражданского общества;

– через оказание информационной, методической и иной поддержки общественным палатам, созданным в субъектах Российской Федерации;

8) внешняя означает осуществление международного сотрудничества в соответствии с целями и задачами Общественной палаты, участие в работе международных организаций, а также в работе международных конференций, совещаний и других мероприятиях.

В целях реализации указанных функций Общественная палата согласно п. 3 ст. 16 данного Федерального закона вправе:

1) проводить гражданские форумы, слушания и иные мероприятия по общественно важным проблемам;

2) давать заключения о нарушениях законодательства Российской Федерации государственными органами и органами местного самоуправления, а также о нарушениях свободы слова в средствах массовой информации и направлять указанные заключения в компетентные государственные органы или должностным лицам;

3) проводить экспертизу законопроектов и проектов подзаконных нормативных правовых актов;

4) приглашать руководителей органов государственной власти и органов местного самоуправления на пленарные заседания Общественной палаты;

5) направлять членов Общественной палаты, уполномоченных советом Общественной палаты, для участия в работе комитетов и комиссий Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, а также в заседаниях коллегий федеральных органов исполнительной власти в порядке, определяемом Правительством Российской Федерации;

6) направлять запросы Общественной палаты;

7) вступать в международные организации, заключать с ними соглашения о сотрудничестве, направлять членов Общественной палаты для участия в работе международных конференций, совещаний и в других мероприятиях в порядке, установленном законодательством Российской Федерации;

8) участвовать в работе общественных палат субъектов Российской Федерации, а также направлять членов Общественной палаты для участия в мероприятиях, проводимых общероссийскими, межрегиональными и региональными общественными объединениями;

9) участвовать в соответствии с законодательством Российской Федерации в формировании общественных наблюдательных комиссий, приостановлении и прекращении деятельности состава общественной наблюдательной комиссии, наделении полномочиями и прекращении полномочий членов общественной наблюдательной комиссии;

10) оказывать общественным палатам субъектов Российской Федерации и общественным объединениям, деятельность которых направлена на развитие гражданского общества в Российской Федерации, содействие в обеспечении их методическими материалами, предоставлять документы и материалы, находящиеся в распоряжении Общественной палаты, а также проводить семинары в целях совершенствования деятельности указанных общественных палат и общественных объединений.

Стоит отметить, что Общественная палата способна стать ведущим субъектом развития гражданского общества в России, для чего ему необходимо претерпеть ряд качественных изменений. Сегодня данный институт является весьма важным демократическим инструментом, выполняющим, помимо прочих, функцию по доведению проблем, с которыми сталкиваются граждане, и предложений по их разрешению до сведения государственных и муниципальных органов и должностных лиц, служа в этом случае информационной площадкой, имеющей наилучшую возможность среди многих других институтов обратить внимание на исходящую от них информацию. Этим данный институт представляет собой уникальный симбиоз государственного и общественного начала, что, в свою очередь, дает «гражданским институтам возможность усиливать влияние на принятие решений органами государственной власти, а государству получать в их лице серьезного и равноправного партнера».

Общество всегда нуждается в том, чтобы его основные группы и социальные слои как в отношении власти, так и между собой находились в согласии, даже в непростых ситуациях решения жизненно важных проблем искали приемлемые компромиссы. Сама собой эта проблема не может быть решена. Принципиально важной в этой связи является выдвинутая идея Общественной палаты, реализация которой способна солидаризировать общество и наладить в нем партнерские отношения между основными социальными силами, между работниками и работодателями, властвующими и подвластными, между личностью и государством [4]. Прагматизм и социальная направленность данной концепции созвучны конституционной модели социального правового государства. С точки зрения данной концепции право по самой своей сущности есть нормативно признанный согласованный интерес, легализация которого является социально необходимой.

Общественная палата в этой связи выступает одним из важнейших институтов гражданского общества, призванных содействовать тому, чтобы общесоциальные требования, цели или общие интересы были признаны государственной властью и посредством парламента и его законодательной деятельности были воплощены в Федеральном законе № 32-ФЗ.

Правовое положение Общественной палаты определяется Федеральным законом от 4 апреля 2005 г. № 32-ФЗ «Об общественной палате Российской Федерации» и Регламентом, которым устанавливаются порядок участия членов Общественной палаты в ее деятельности, очередность и порядок проведения пленарных заседаний Общественной палаты [5]. Согласно российскому законодательству Общественная палата обеспечивает взаимодействие граждан и их объединений профессиональных и творческих союзов, объединений работодателей и их ассоциаций, профессиональных объединений, а также иных некоммерческих организаций, созданных для представления и защиты интересов профессиональных и социальных групп с органами публичной власти в целях учета потребностей и интересов граждан, защиты их прав и свобод граждан при формировании и реализации государственной политики, а также осуществления общественного контроля за деятельностью публичных органов власти (ч. 1 ст. 2 в ред. Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 439-03).

Обращает на себя внимание существенное уточнение новой редакцией Закона назначения Общественной палаты.

Как известно, основной замысел учреждения данного института заключался в том, что Общественная палата, формируемая из представителей общественных объединений, призвана была «обеспечить согласование интересов граждан, общественных объединений и государственных органов для решения наиболее важных для населения России вопросов экономического и социального развития страны. С этой точки зрения она действительно мыслилась как конституционно значимая форма взаимодействия граждан и органов государственной власти для выработки социально обоснованных правовых решений и их реализации с позиции общих интересов.

Общественная палата по первоначальному замыслу должна была выполнять функцию «параллельного парламента», таким образом, усиливая действие институтов общенационального народного представительства [6]. Для осуществления функции согласования интересов Общественная палата наделялась правом давать заключения на законопроекты, обсуждаемые в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации. По истечении определенного времени стало очевидным, что функция согласованного выражения интересов в законодательстве и правоприменительной практике в силу разных причин оказалась для Общественной палаты нереализуемой. Действующей редакцией Закона на нее возлагается выполнение ряда задач [7]:

- 1) привлечения граждан и общественных объединений к реализации государственной политики;
- 2) выдвижения и поддержки гражданских инициатив, имеющих общероссийское значение и направленных на реализацию конституционных прав, свобод и законных интересов граждан и общественных объединений;

3) проведения общественной экспертизы проектов федеральных законов и проектов законов субъектов Российской Федерации, а также проектов нормативных правовых актов органов исполнительной власти и проектов правовых актов органов местного самоуправления;

4) осуществления общественного контроля за деятельностью Правительства Российской Федерации, федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, а также за соблюдением свободы слова в средствах массовой информации;

5) выработки рекомендаций органам государственной власти при определении приоритетов в области государственной поддержки общественных объединений и иных объединений граждан, деятельность которых направлена на развитие гражданского общества;

6) оказания информационной, методической и иной поддержки общественным палатам, созданным в субъектах Российской Федерации, и общественным объединениям, деятельность которых направлена на развитие гражданского общества;

7) привлечения граждан, общественных объединений и представителей средств массовой информации к обсуждению вопросов, касающихся соблюдения свободы слова в средствах массовой информации.

Стоит отметить, что в настоящее время актуальной в научном и практическом аспектах остается проблема взаимоотношений Общественной палаты с органами государственной власти и местного самоуправления, в целях достижения цели и решения задач стоящих перед Общественной палатой выделяются следующие формы этих взаимоотношений.

Смысл контроля, исходя из цели Общественной палаты – способствовать разрешению назревших проблем и противоречий, согласованию общественно значимых интересов, сбору надлежащей информации, обосновывать необходимость реагирования на нее и продвигать эту информацию в инстанции, которые по своему статусу обязаны принимать соответствующие решения. Общественный контроль над деятельностью органов исполнительной власти и местного самоуправления обуславливает разные механизмы его реализации.

Конституционно-правовой статус Общественной палаты имеет сложную юридическую структуру, имеет общие черты с конституционно-правовым статусом общественных объединений:

- добровольность;
- осуществление взаимодействия гражданского общества и государства.

По сроку полномочий Общественная палата характеризуется как действующее добровольное общественное объединение.

По характеру принимаемых решений Общественная палата – совещательный орган. Вместе с тем, в ее статусе присутствуют элементы государственной структуры:

- финансирование из государственного бюджета;

- аппарат создан в форме государственного учреждения, руководитель которого назначается и освобождается от должности Правительством Российской Федерации по представлению совета Общественной палаты;
- участие Президента Российской Федерации в формировании состава Общественной палаты.

Понятие Общественной палаты следует определить как постоянно действующего, основанного на членстве общественного объединения, формируемого на основе добровольного участия в ее деятельности граждан, общественных объединений и объединений некоммерческих организаций [7]. Специфика ее деятельности проявляется в обеспечении взаимодействия граждан Российской Федерации с федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления в целях учета потребностей и интересов граждан Российской Федерации, защиты их прав и свобод при формировании и реализации государственной политики, а также в целях осуществления общественного контроля за деятельностью федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (ред. от 21.07.2014) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Всеобщая декларация прав человека : принята 10 декабря 1948 г. Генеральной Ассамблеей ООН // Международная защита прав и свобод человека : сборник документов. М., 1990.
3. Садовникова Г. Д. Общественная палата РФ и ее роль в развитии институтов народного представительства в России // Конституционное и муниципальное право. 2006. № 1. С. 17–20.
4. Коломытцева О. Н., Коломытцева Л. Н. Деятельность Общественной палаты РФ по ограничению государственной власти // Вестник Владимирского юридического института. 2008. № 3 (8). С. 148–151.
5. Федеральный закон от 4 апреля 2005 г. №32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52651/.
6. Постановление Правительства Российской Федерации от 2 августа 2005 г. № 479 «О порядке направления членов Общественной палаты Российской Федерации для участия в заседаниях коллегий федеральных органов исполнительной власти» // НПП «Гарант-сервис». URL: <https://base.garant.ru/188461/>.
7. Тахоева С. С. Конституционно-правовой статус Общественной палаты Российской Федерации: вопросы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02. М., 2009.

Ронин В. С.¹,
доцент кафедры конституционного
и муниципального права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

Вельянинова М. Т.²,
курсант 512 взвода
Международно-правового факультета
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ СТАТУС ЛИЧНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Конституционное право представляет собой одну из отраслей системы российского права. Как и любая отрасль права, оно представляет собой совокупность правовых норм, иными словами, общеобязательных правил поведения людей, правил, соблюдение которых обеспечивается при необходимости применением государственного принуждения в разнообразных формах. Каждому гражданину рано или поздно приходится участвовать в общественных отношениях, где одной из сторон выступает государство или его представители (государственные органы). В этих отношениях обе стороны должны обладать взаимными правами и обязанностями друг к другу.

Правовой статус личности представлен положением личности в обществе, закрепленным государством при помощи юридических норм в текстах разнообразных нормативных правовых актов [2]. Таким образом, конституционно-правовой статус личности в Российской Федерации – это положение личности в обществе, регулируемое источниками конституционного права, и прежде всего Конституцией Российской Федерации [1].

Под правами гражданина понимается коллективная воля общества, которую призвано обеспечить государство. Права человека не могут быть ликвидированы, тем не менее, в исключительных случаях, они могут быть ограничены по решению суда.

Под свободами понимают возможность человека осуществлять свой выбор и действовать исходя из собственных целей. Представляется, что государство, предоставляя свободы, акцент делает именно на свободном и самостоятельном самоопределении человека в различных сферах общественной жизни.

Конституционно-правовой статус личности играет важную роль в определении места человека в социуме, чему служат принадлежащие ему объема права и обязанности. Представляется справедливым утверждать, что правовые нормы,

¹ © Ронин В. С., 2023.

² © Вельянинова М. Т., 2023.

как и правосубъектность лица, являются предпосылками для получения человеком определенного круга обязанностей и прав и, следовательно, не способны одновременно быть элементом правового статуса. Можно также подчеркнуть, что предпосылкой приобретения определенного правового статуса также целесообразно считать и гражданство, ведь именно оно влечет наличие у человека комплекса обязанностей и прав, присущих лишь лицам, имеющим устойчивую правовую связь с конкретным государством. Представляется, что гражданство, не будучи ни правами, ни совокупностью прав, является средством, создающим возможность для физического лица (или других субъектов по отношению к нему) применять определенные правовые нормы.

Именно Конституция Российской Федерации является гарантом целого ряда прав личности. Рассмотрим основные из них:

1. Право принимать участие в управлении делами государства. Любой человек вправе участвовать в управлении своим государством непосредственно или посредством свободно избранных представителей (ст. 32). Одной из форм привлечения граждан к решению государственных дел выступает участие их в отправлении правосудия. Конституцией Российской Федерации предусматривается открытое судебное разбирательство дел во всех судах, тем самым предполагается возможность присутствия граждан при отправлении правосудия (ст. 123).

2. Право на образование в Российской Федерации. Гарантируются общедоступность и бесплатность дошкольного, основного общего и среднего профессионального образования в государственных или муниципальных образовательных учреждениях и на предприятиях, каждый вправе на конкурсной основе бесплатно получить высшее образование в государственном или муниципальном образовательном учреждении и на предприятии (ст. 43).

3. Каждый обладает правом на благоприятную окружающую среду, достоверные сведения относительно ее состояния и на возмещение ущерба, причиненного экологическим правонарушением его имуществу или здоровью (ст. 42).

4. Каждый имеет право на охрану здоровья, в том числе на медицинскую помощь (ст. 41). Любой гражданин вправе получить бесплатную медицинскую помощь в соответствии государственными программами, а также платные медицинские услуги.

5. Право на отдых (ст. 37). Время отдыха представляет собой время, на протяжении которого работник свободен от исполнения трудовых обязанностей и которое он может использовать по своему усмотрению. Работающему гражданину по трудовому договору гарантируется, установленная законодательством, продолжительность рабочего времени, выходные и праздничные дни, оплачиваемый ежегодный отпуск. Основные положения законодательства о праве на отдых сосредоточены в Трудовом кодексе Российской Федерации.

6. Право на социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потере кормильца, для воспитания детей и других случаях, установленных законом (ст. 39). Социальное обеспечение предусматривает право на помощь со стороны государства в виде пенсий и пособий по старости, по случаю

потери кормильца, безработице, бедности. При этом размер и условия такой помощи к определяются законом. К иным случаям социальной помощи, которые устанавливаются законом, относят пребывание в отпусках по беременности и родам, по уходу за ребенком в возрасте до полутора лет, приобретение статуса безработного.

7. Право на жилище (ст. 40) предполагает гарантированную законом возможность для каждого быть обеспеченным постоянным жильем, возможность стабильного пользования имеющимся жильем, неприкосновенность жилища, право на улучшение жилищных условий. Предусматривается, что политика, которую реализуют органы государственной власти и местного самоуправления, должна быть направлена на поощрение жилищного строительства, создание условий для осуществления права на жилище.

Конституционные нормы о защите материнства, детства и семьи (ст. 38) составляют конституционную основу государственной поддержки семьи в Российской Федерации и являются обязательным условием реализуемой государственной политики. Конкретные направления поддержки материнства, детства и семьи определяются семейным законодательством.

Конституция Российской Федерации предусматривает также другие права и свободы граждан:

- экономические;
- культурные;
- на свободу передвижения;
- выбора места пребывания и жительства и др.

Представляется, что личность, которая владеет информацией о своих конституционных правах, может себя реализовывать, выбирать подходящие убеждения, профессии, религии. Законодательство России защищает права человека как личности, не ущемляя их. Они обеспечивают продуктивное взаимодействие между отдельными группами. При этом сложно провести между правами и свободами грань, т. к. данные понятия находятся в тесной взаимной связи.

Обязанность является необходимостью любого лица соблюдать или исполнять правовые нормы, воздерживаться от запрещенных законом действий, иными словами – это должное поведение человека. Конституционные обязанности граждан подразделяются:

- на абсолютные, которые возлагаются на каждого и не зависят от конкретных обстоятельств (среди них, к примеру, соблюдение законов, уплата налогов и т. д.);
- относительные, которые возникают из правомерных действий, направленных на приобретение прав и пользование ими (в качестве примера можно привести обязанность собственника автомобиля уплачивать транспортный налог).

Обязанности граждан [1]:

- соблюдение Конституции Российской Федерации и законов (ст. 15);
- уважение прав и свобод других граждан (ст. 17);
- платить налоги и сборы (ст. 57);
- сохранять природу и окружающую среду, бережно относиться к природным богатствам (ст. 58);
- защищать Отечество (ст. 59) и т. д.

Следует отметить, что данные права, свободы и обязанности являются общими для всех граждан страны, при этом существуют также специальные права и обязанности, установленные гражданским, налоговым, земельным и др. законодательствами, зависящие от вступления гражданина в те или иные правоотношения.

К списку элементов правового статуса зачастую относят, помимо прав и обязанностей, также и ответственность. Тем не менее, юридическая ответственность по целевому ее назначению является одним из средств предотвращения (по факту ее установления), превенции противоправного поведения и стимулирования общественно полезного поведения, иными словами, она является средством обеспечения правового статуса, но никак не его элементом. Следовательно, в состав конституционно-правового статуса личности, как это представляется, юридическая ответственность не входит и не должна входить.

Таким образом, представляется, что права, свободы и обязанности, составляющие конституционно-правовой статус личности в Российской Федерации, можно считать одним из основных элементов правового положения граждан Российской Федерации. Они касаются взаимоотношений индивида и государства. Этими же нормами государство гарантирует соблюдение прав и обязанностей граждан в области публичного управления, за нарушение которых предусматривается ответственность. Важно отметить, что конституционно-правовой статус личности – это только часть ее правового статуса, ведь он базируется исключительно на конституционно-правовых положениях.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020г. // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru>.
2. Почепко К. И., Тимошенко И. В. Конституционно-правовой статус личности в России: понятие, состав, структура и особенности // Вестник Таганрогского института управления и экономики. 2018. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionno-pravovoy-status-lichnosti-v-rossii-ponyatie-sostav-struktura-i-osobennosti>.

Асеева М. А.¹,
курсант 512 учебного взвода
Международно-правового факультета
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: **Донская М. В.**,
доцент кафедры конституционного
и муниципального права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

КОНСТИТУЦИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМА ПЕРЕСМОТРА И ПОПРАВOK

Конституция Российской Федерации считается основополагающим элементом каждого общества и государства, залогом их стабильности. Изменение норм, а также ее пересмотр влияет на жизнь всего населения. Процедура реформирования данного закона является сложной и не менее важной.

В ст. 134 Конституции Российской Федерации предусмотрен перечень субъектов, которые могут вносить предложения о поправках и ее пересмотре:

- Президент Российской Федерации;
- Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации;
- Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации;
- Правительство Российской Федерации;
- законодательные (представительные) органы субъектов Российской Федерации;
- группа, численностью не менее одной пятой членов Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации или депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации.

В положениях гл. 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации, четко сказано, что осуществлять их пересмотр Федеральным Собранием Российской Федерации запрещено. Это связано с тем, что Закон принят путем всенародного голосования, и именно народ определил основы конституционного строя, которые заключены в гл. 1. Что касается гл. 2, то он также выразил свою волю относительно прав и свобод личности, которые ей закреплены. Нормы гл. 9 не могут пересматриваться в упрощенном порядке, поскольку они устанавливают порядок пересмотра Конституции Российской Федерации.

Важно отметить, что в ст. 135 гл. 9 закреплены положения, вследствие чего может произойти принятие новой Конституции Российской Федерации. «2. Если предложение о пересмотре положений глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Фе-

¹ © Асеева М. А., 2023.

дерации будет поддержано тремя пятыми голосов от общего числа членов Совета Федерации и депутатов Государственной Думы, то в соответствии с федеральным конституционным законом созывается Конституционное Собрание.

3. Конституционное Собрание либо подтверждает неизменность Конституции Российской Федерации, либо разрабатывает проект новой Конституции Российской Федерации, который принимается Конституционным Собранием двумя третями голосов от общего числа его членов или выносится на всенародное голосование. При проведении всенародного голосования Конституция Российской Федерации считается принятой, если за нее проголосовало более половины избирателей, принявших участие в голосовании, при условии, что в нем приняло участие более половины избирателей» [1].

Отличительной чертой порядка пересмотра гл. 1, 2, 9 и 3–8 является то, что принятие поправок к гл. 3–8 не влечет за собой пересмотр Конституции Российской Федерации в целом. Рассматривая порядок внесения поправок к гл. 3–8, следует отметить ст. 136, в которой указано, что поправки принимаются в порядке, установленном для федеральных конституционных законов, и вступают в силу после их одобрения законодательными органами власти не менее чем две трети субъектов Российской Федерации.

Однако, процедура принятия федерального конституционного закона существенно отличается от процедуры внесения поправок к гл. 3–8. Принятие федерального конституционного закона определено ч. 2 ст. 108: «2. Федеральный конституционный закон считается принятым, если он одобрен большинством не менее трех четвертей голосов от общего числа сенаторов Российской Федерации и не менее двух третей голосов от общего числа депутатов Государственной Думы. Принятый федеральный конституционный закон в течение четырнадцати дней подлежит подписанию Президентом Российской Федерации и обнародованию» [1].

Первое, что необходимо отметить, – это круг субъектов. Субъекты, наделенные правом внесения предложений поправок к Закону, закрепленные в ст. 134, отличаются от круга субъектов права законодательной инициативы, изложенные в ст. 104.

Второе – положения ст. 136 указывают на порядок вступления поправок в силу. Необходимо их одобрение органами законодательной власти не менее чем две трети субъектов Российской Федерации. Исходя из ч. 1 ст. 176 по предметам ведения Российской Федерации принимаются федеральные конституционные законы и федеральные законы.

Что касается изменений ст. 65, которая определяет субъектный состав Российской Федерации, то можно сказать, что она отличается по своей юридической природе от других поправок. Такие поправки вносятся в упрощенном порядке.

В ч. 2 ст. 137 устанавливается порядок внесения изменений в ст. 65, которая закрепляет наименования республик, краев, городов федерального значения, областей, автономных областей, автономных округов и включение в состав Российской Федерации новых субъектов. Однако, изменение статьи в упрощенном порядке происходит только в ч. 1 ст. 65, а также распространяется на изменения,

следующие из изменений субъектного состава Российской Федерации. Иные изменения в данную статью вносятся в форме конституционных поправок.

Обновление и соблюдение Конституции Российской Федерации является двумя сторонами конституционного процесса, которые не могут существовать в разрыве друг от друга. Однако, следует учитывать, что, бесконечно внося изменения, подрывается авторитет Основного закона в обществе. Конечно, современное общество никогда не стоит на месте, оно очень быстро развивается, а за ним должно реконструироваться право. Для того, чтобы изменения Конституции Российской Федерации не потрясли общество реформирование должно сопровождаться следующими факторами.

Толкование поправок Конституции Российской Федерации. Современное общество, как показывает практика, имеет очень низкий уровень правосознания, что губительно влияет на его развитие. Закон является основой правового государства, она создает условия для наиболее полного обеспечения прав и свобод граждан, но не понимая и не разбираясь в ней, индивиды не осознают своего долга перед обществом.

Если население России хочет иметь демократическую и стабильную Конституцию Российской Федерации, оно должно взять конституционный процесс в свои руки, ведь на данный момент право разрабатывать и принимать новый Закон имеет только Конституционное Собрание Российской Федерации. Народ должен потребовать от власти принятия закона «О конституционном Собрании Российской Федерации» и не отдавать власть по принятию новой Конституции Российской Федерации в руки государственной власти или ее представителям.

Главное, что должен содержать данный закон – это то, что участников Собрания будет избирать народ и запрет на участие в Конституционном Собрании Российской Федерации лиц, замещающих должности в органах государственной власти либо местного самоуправления.

Многие ученые и практики в свете развития Конституции Российской Федерации видят выход из сложившейся в законодательстве ситуации в укрупнении законодательного массива Российской Федерации. При всей необходимости проведения данной работы следует помнить, что систематизация поможет устранить последствия бессистемного законотворчества, но не его причины.

Подводя итог всему вышесказанному, стоит отметить, что внесение поправок в Конституцию Российской Федерации, а также принятие новой, является очень сложным и долгим процессом. В данной работе совершена попытка рассмотреть основные проблемы, которые заключаются в том, что изменение Основного закона достаточно сложно и влечет за собой споры относительно того, нужно ли реформирование или необходимо сохранить его как основу всего современного законодательства. Я считаю, что изменение Конституции Российской Федерации необходимо в современном обществе, этот процесс является неотъемлемым в любом государстве. Вслед за развитием общества должно изменяться законодательство, которое будет в полной мере регулировать правовые отношения между гражданами.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (ред. от 21.07.2014) // Российская газета. 1993. № 237. 25 дек.
2. Федеральный конституционный закон от 17 декабря 2001 г. № 6-ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (ч. I).
3. Постановление Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 30 января 2002 г. № 33-СФ «О Регламенте Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 7.

Шкатова К. А.¹,
курсант 512 учебного взвода
Международно-правового факультета
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: **Донская М. В.,**
доцент кафедры конституционного
и муниципального права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ПРОЦЕДУРА ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Принятые Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации федеральные законы направляются на имя Председателя Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации вместе со стенограммой заседания палаты и материалами, которые были представлены при внесении законопроекта в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации. Как правило, рассмотрение федерального закона на заседании Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации начинается с оглашения заключения ответственного Комитета (комитетов) и проекта постановления, внесенного Комитетом. На заседании подлежит обязательному рассмотрению поступившее заключение Общественной палаты Российской Федерации по результатам общественной экспертизы по рассматриваемому федеральному закону. Затем большинством голосов от общего числа сенаторов принимает решение об одобрении или отклонении федерального закона без обсуждения либо с обсуждением его на заседании палаты.

По результатам обсуждения принимается одно из следующих решений: одобрить либо отклонить, принятый Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации, федеральный закон. Постановление об одобрении принимается большинством голосов от общего числа сенаторов. Принятый закон вместе с текстом постановления в пятидневный срок направляется Президенту Российской Федерации для подписания и обнародования.

Принятый Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации федеральный закон, не подлежащий обязательному рассмотрению в Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации или не рассмотренный палатой в 14-дневный срок, на 15-й день со дня поступления из Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации направляется Председателем Совета Федерации Федерального Собрания Рос-

¹ © Шкатова К. А., 2023.

сийской Федерации Президенту Российской Федерации для подписания и обнародования, о чем уведомляется Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации.

Рассмотрение Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации федеральных конституционных законов проходит по следующей схеме.

Рассмотренный и одобренный Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации проект федерального конституционного закона передается на рассмотрение Совету Федерации Федерального Собрания Российской Федерации с приложением стенограмм заседания и документами, которые были представлены при внесении проекта федерального конституционного закона в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации. Если проект федерального конституционного закона содержит нормы, предусматривающие расходы, покрываемые за счет федерального бюджета, он должен быть направлен в Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации с заключением Правительства Российской Федерации [8].

Проект федерального конституционного закона считается одобренным Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, если за него проголосовало не менее трех четвертей от общего числа сенаторов. В случае одобрения он вместе с постановлением Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации в течение пяти дней со дня одобрения направляется Президенту Российской Федерации для подписания и обнародования. При отклонении федерального конституционного закона может приниматься постановление, содержащее предложение Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации согласовать процедуру преодоления возникших разногласий. Постановление об отклонении федерального конституционного закона может содержать предлагаемую Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации редакцию отдельных разделов, глав, статей, а также частей и пунктов статей данного проекта.

Отклоненный Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации федеральный закон передается Советом Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации на заключение ответственного Комитета, который по итогам рассмотрения может рекомендовать Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации [9]:

- создать согласительную комиссию для преодоления возникших разногласий;
- принять федеральный закон в ранее принятой редакции;
- снять проект федерального закона с повторного рассмотрения.

Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации может принять участие в создании согласительной комиссии из числа депутатов и сенаторов на паритетных началах. Решение о создании согласительной комиссии и избрании в ее состав депутатов от Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации в лице сопредседателя и членов комиссии оформляется соответствующим постановлением, которое направляется в Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, а также Президенту

Российской Федерации и Правительству Российской Федерации, если постановление предусматривает приглашение их представителей. Депутаты, не входящие в состав согласительной комиссии, вправе присутствовать на ее заседаниях и участвовать в обсуждении проекта федерального закона с правом совещательного голоса. Согласительная комиссия рассматривает каждое возражение Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации в отдельности, вправе принимать решение об изменении редакции его отдельных статей (в отношении которых не имелось возражений Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации), если такое изменение обусловлено новой редакцией статей федерального закона, выработанной на основе предложений Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, поддержанных согласительной комиссией.

Решения согласительной комиссии принимаются отдельным голосованием депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации и Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. Решение считается принятым, если за него проголосовало большинство членов каждой палаты. Решение принимается открытым голосованием, если иной порядок не установлен согласительной комиссией. По итогам каждого заседания и по результатам своей работы она составляет протокол и сопоставительную таблицу статей закона, в которые были внесены изменения.

При повторном рассмотрении федерального закона обсуждаются только предложения, содержащиеся в протоколе согласительной комиссии. Никакие другие дополнительные поправки не рассматриваются. Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации принимает решение по предложениям согласительной комиссии большинством голосов от общего числа депутатов палаты. В случае отклонения хотя бы одного предложения согласительной комиссии Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации может предложить ей продолжить работу с учетом поправок, одобренных палатой, для представления новых предложений.

В случае, если Президент Российской Федерации в течение 14 дней с момента поступления федерального закона отклонит его, Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации и Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации обязаны вновь рассмотреть данный закон (п. 3 ст. 107 Конституции Российской Федерации). Так называемое отлагательное вето Президента Российской Федерации представляет собой в мировой законодательной практике право главы государства на возвращение переданного ему на подпись закона для повторного рассмотрения в Парламенте [10]. Отклоняя федеральный закон, Президент Российской Федерации предлагает свою редакцию закона в целом или отдельных его разделов, глав, статей, их частей и пунктов либо сообщает в своем послании о нецелесообразности принятия данного закона. Отклоненный им закон передается Советом Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации на заключение в ответственный комитет, который рассматривает в течение 10 дней мотивы такого решения Пре-

зидента Российской Федерации. По итогам рассмотрения ответственный комитет вносит проект постановления, в котором может рекомендовать следующие варианты решения:

- согласиться с решением Президента Российской Федерации об отклонении федерального закона и снять его с дальнейшего рассмотрения;
- принять федеральный закон в редакции Президента Российской Федерации;
- создать по предложению либо с предварительного согласия Президента Российской Федерации специальную комиссию для выработки согласованного текста федерального закона по отклоненному федеральному закону с учетом предложений Президента Российской Федерации;
- одобрить федеральный закон в ранее принятой редакции.

В случае принятия Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации постановления о создании специальной комиссии федеральный закон передается в нее для выработки согласованной редакции. По окончании работы она представляет закон на повторное рассмотрение палаты в согласованной редакции с протоколом и сопоставительной таблицей. Федеральный закон считается принятым, если за него проголосовало большинство от общего числа депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации [11]. По предложению ответственного комитета на голосование палаты может ставиться вопрос о принятии федерального закона в ранее принятой Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации редакции. В этом случае для принятия решения требуется не менее двух третей голосов от общего числа депутатов. Принятый в ранее принятой редакции федеральный закон в течение пяти дней направляется Председателем Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации в Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации для одобрения.

Что касается федеральных конституционных законов, то они принимаются по вопросам, предусмотренным Конституцией Российской Федерации, о чем мы говорили немного выше. Федеральный конституционный закон считается принятым, если он одобрен большинством не менее трех четвертей голосов от общего числа сенаторов и не менее двух третей голосов от общего числа депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. В течение 14 дней он подлежит подписанию Президентом Российской Федерации и обнародованию. Если Президент Российской Федерации в течение указанного срока обратится в Конституционный Суд Российской Федерации с запросом о проверке конституционности федерального конституционного закона [10], срок для подписания такого закона приостанавливается на время рассмотрения запроса Конституционным Судом Российской Федерации. Если Конституционный Суд Российской Федерации подтвердит конституционность федерального конституционного закона, Президент Российской Федерации подписывает его в трехдневный срок с момента вынесения Конституционным Судом Российской Федерации соответствующего решения.

Если Конституционный Суд Российской Федерации не подтвердит конституционности федерального конституционного закона, Президент Российской Федерации возвращает его в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации без подписания.

Список литературы

1. Всеобщая декларация прав человека : принята 10 декабря 1948 г. Генеральной Ассамблеей ООН // Международная защита прав и свобод человека : сборник документов. М., 1990.
2. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (ред. от 21.07.2014) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.
3. Федеральный закон от 4 апреля 2005 г. № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации» (ред. от 30.12.2012) // СПС «Консультант-Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52651/.
4. Федеральный закон от 14 июня 1994 г. № 5-ФЗ «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания» (с изменениями и дополнениями) // СПС «Консультант-Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3859/.
5. Федеральный закон от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях» (ред. от 02.12.2019) // СПС «Консультант-Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32459/.
6. Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (ред. от 29.05.2019) // СПС «Консультант-Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37119/.
7. Постановление Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 30 января 2002 г. № 33-СФ «О Регламенте Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // НПП «Гарант-сервис». URL: <https://base.garant.ru/12125778/>.
8. Иванец Г. И., Калининский И. В., Червонюк В. И. Законодательный процесс // Конституционное право России : энциклопедический словарь / под общ. ред. В. И. Червонюка. М. : Юридическая литература, 2002.
9. Конституционно-правовой статус Президента Российской Федерации / [Д. В. Артамонов и др.]. М., 2018.
10. Колесников Е. В., Пажетных Д. В. Участие Совета Федерации в законодательном процессе // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 10.

Кукушкина Е. А.¹,
курсант 512 взвода
Международно-правового факультета
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: **Донская М. В.,**
доцент кафедры конституционного
и муниципального права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ОЦЕНКА ГАНСА КЕЛЬЗЕНА КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА КАК «НЕГАТИВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЯ»

В пределах данной работы мы развернуто рассмотрим и проанализируем мнение Г. Кельзена о создании Конституционного Суда как законодательного органа, который априори не может иметь такого статуса.

Г. Кельзен имеет австрийские корни и является первым основателем нормативистской теории права, которую в юриспруденции до сих пор называют теорией чистого права.

Другими словами, институт судебного конституционного контроля был впервые стандартизирован Конституцией Австрии, датируемой 1920 г., а некоторые законопроекты были подготовлены непосредственно профессором Г. Кельзенем, являющимся наиболее важным представителем нормативизма или теории чистого права. Он составляет членство этого первого в мире Конституционного Суда.

Чтобы выяснить суть актов Конституционного Суда, мы попытаемся разобраться в природе самого этого органа. Нас особенно интересует, почему для защиты Конституции Г. Кельзен выбрал судебную форму и какое содержание ученый вложил в нее, ведь защита Конституции судом была выбрана профессором не случайно.

Из всех гарантий защиты, предусмотренных Конституцией, судебная система, по его мнению, является наиболее исключительной и эффективной. В своей работе ученый выносит перед судом ряд требований:

1. Автономность судебной власти.

Только суд является институтом, независимым от исполнительной и законодательной властей. При выполнении своих функций он не связан никакими решениями других органов, этих органов или вышестоящих ведомств, или принадлежит к какой-либо другой группе властей. Суд связан только законом и действиями административных органов, т. е. руководящими директивами.

2. Свобода от внешнего мнения.

¹ © Кукушкина Е. А., 2023.

Законность или незаконность процесса государственного органа должна определяться субъектом права, и эти действия не распространяются на него. Это может быть государственный орган, опубликовавший законопроект, или другой орган, который может принять решение с помощью той или иной процедуры.

Г. Кельзен возражал против возможности аннулирования акта агентством, сформулировавшим его, и указал, что автор обжаловал проверку акта, так что агентство могло только начать процесс проверки, но не было обязательным удовлетворение требования о завершении процесса.

Отмена создателем своего противоправного поведения зависит исключительно от его собственного усмотрения. Симбиотическая взаимосвязь между этими двумя ситуациями, когда решение о незаконности принимается одним агентством, а решение об отмене принимается другим, не рассматривается Г. Кельзеном как достаточная гарантия. Надлежащие гарантии могут быть предоставлены только в том случае, если независимое агентство может проверить и отменить поведение на основе результатов этой проверки.

3. Централизация.

Центральный орган должен быть уполномочен пресекать незаконные действия. В этом смысле передача власти обычным судебным институтам сопряжена с недостатками единства судебных решений и непредсказуемостью закона. Иными словами, один суд отказывается применять незаконные законы в конкретном случае, в то время как другой суд применяет их в аналогичном случае. Г. Кельзен считает, что отмена общих норм судами общей юрисдикции должна ограничиваться конкретными делами. Суд может отказать в применении этого правила только в особых случаях.

В остальном спецификация все еще действительна и должна применяться к иным ситуациям. Если учреждение является централизованным, его право аннулировать акт не может ограничиваться его аннулированием при определенных обстоятельствах. В этом случае может быть установлена полная отмена, т. е. во всех случаях, когда могут применяться такие правила. Этот тип власти может принадлежать только высшей центральной власти.

Таким образом, эти аргументы привели Г. Кельзена к выводу о специальном судебном органе как лучшей гарантии Конституции, а точнее о Конституционном Суде. Касаясь вопроса о решении Конституционного Суда или о его характере в нашем понимании, то сам Г. Кельзен прямого ответа не дал, он лишь высказал противоречивые представления о статусе Конституционного Суда в системе разделения властей. Автор утверждает, что отмена законов является установлением общих правил, следовательно, эта функция имеет тот же общий характер, что и ее создание, она отличается только своим отрицательным значением, т. е. это также законодательная функция. Таким образом, суд, обладающий полномочиями отменять закон, является законодательным органом.

Итак, Конституционный Суд Российской Федерации разрабатывает правовые позиции в рамках толкования норм права. Довольно опасно переходить от прямого толкования норм Основного закона российского государства к реализации изначально заложенного смысла латинского понятия «interpretatio» – посредничество, при котором предполагается заинтересованность посредника.

Следовательно, нельзя допустить, чтобы функция Конституционного Суда Российской Федерации сводилась к установлению стандартов, поскольку это не в полной мере соответствует основным функциям этого судебного органа – толкованию правовых норм, а не их непосредственному созданию.

Таким образом, сущность судебных актов Конституционного Суда Российской Федерации свидетельствует об их общеобязательном характере для всех нижестоящих судов российской судебной системы, а также об их окончательном характере, поскольку впоследствии такое решение не подлежит пересмотру. Кроме того, положения этих постановлений служат основой для принятия решений должностными лицами по поддержанию правопорядка.

Фактически, решения Конституционного Суда Российской Федерации всегда могут служить источником права.

В настоящее время в научной среде существуют две точки зрения на признание таких решений источниками права: одна сторона склонна признавать их таковыми, а другая – их не признает. Среди сторонников признания решений Конституционного Суда Российской Федерации источниками права являются следующие аргументы, согласно которым данные решения обладают характерным набором свойств, которые могут принадлежать только нормам права:

- обязательный характер о принятии решения;
- юридическая сила Основного закона российского государства приравнивается к юридической силе принятого решения;
- решения Конституционного Суда Российской Федерации обладают признаками конституционно-правовой нормы, но такой не являются;
- определенные решения в судебной практике выступают как прецедентное право;
- решения, содержащиеся в нормах, выступают как самостоятельные источники права.

Приверженцы противоположной точки зрения утверждали об обратном, указывая, что в связи с тем, что данный орган осуществляет правоприменительную функцию, а не правотворческую.

Сторонники противоположного мнения утверждали обратное, говоря, что этот орган отвечает за применение закона, а не за правотворчество.

Подробно рассмотрев обе точки зрения, исходя из мнения автора, можно сделать вывод, что первая представляется наиболее подходящей. Это положение подтверждается тем фактом, что именно Конституционный Суд Российской Федерации первым реагирует на устранение недостатков и разрешение правовых коллизий, принимая соответствующие решения.

Следовательно, решения Конституционного Суда Российской Федерации до принятия изменений в российское законодательство имеют нормативное значение. Сейчас в России сложилась довольно парадоксальная ситуация, поскольку он имеет больше возможностей для реализации разработки конституционных норм, чем законодательный орган.

Очень часто Конституционный Суд Российской Федерации в средствах массовой информации отмечает, что он не имеет права заменять законодателя и создавать новые правовые нормы. Бывают случаи, когда он не решает вопрос

по существу, потому что в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации уже есть законопроект, который решит проблему без его решения. Бывают также ситуации, когда суд вообще не принимает апелляции, поскольку он не является законодательным органом и не может устанавливать новые нормы права, вынося решения спора, по существу.

В России действует принцип разделения властей и Конституционный Суд Российской Федерации не может нарушать данный принцип и издавать нормы права. Ни одна континентальная система права не наделяет судебный орган законодательной функцией.

Сейчас в России Конституционный Суд Российской Федерации именуют как «негативного законодателя».

Подводя к заключению, хотела бы сказать, что только общий анализ взглядов Г. Кельзена может дать нам пищу для размышлений. Необходимо понять некоторые концепции теории чистого права ученого, чтобы лучше представить себе объект исследования.

Список литературы

1. Нешвара Х. Кельзен – судья Конституционного суда. Его роль в спорных вопросах о браках, заключенных с особого разрешения // Журнал конституционного правосудия. 2008. № 6.
2. Кельзен Г. Судебная гарантия конституции (конституционная юстиция) // Право и политика. 2006. № 8, 9.
3. Дидикин А. Б. Философское и правовое наследие Ганса Кельзена : сборник статей и материалов // Издательские решения. 2018.
4. Котов О. Ю. Влияние решений Конституционного Суда России на гражданское судопроизводство. М. : Городец, 2002. С. 19–47.
5. Кельзен Г. Судебная гарантия конституции. С. 15, 23.
6. Самостоятельность и независимость судебной власти Российской Федерации / под ред. В. В. Ершова. М., 2020. С. 176.
7. Зорькин В. Д. Конституционно-правовое развитие России. М., 2019. С. 92.

Малихова П. О.¹,
курсант 512 взвода
Международно-правового факультета
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: **Донская М.В.,**
доцент кафедры конституционного
и муниципального права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ПРАВО НА ЖИЗНЬ И НА СМЕРТЬ В СОВРЕМЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Сейчас трудно представить человека без прав, рабство давно ушло в историю. В большинстве конституционных стран закреплено законодательно право на жизнь, а в некоторых и на смерть.

Каждому человеку, в силу факта его рождения, или даже с момента зачатия, как прописано в Американской конвенции о правах человека (Пакт Сан-Хосе 1969 г.), дается право на жизнь. Это закреплено на государственном уровне в ст. 20 Конституции Российской Федерации [1]. Данная норма позволяет существовать в этом мире или она запрещает иным лицам прерывать жизнь человека? В Российской Федерации введен мораторий на смертную казнь, т. к. Россия вошла в Совет Европы в 1997 г., подписав протокол № 6 Конвенции о защите прав человека от 4 ноября 1950 г., но при этом ст. 59 УК РФ предусматривает данный вид наказания [2].

В современном мире ведутся споры по поводу моратория на смертную казнь. С одной стороны, высшая мера наказания может предполагать убийство невиновного человека. Судьи и присяжные не являются провидцами, которым известна правда, свои решения они основывают на законах, доказательствах и собственных убеждениях (ст. 17 УПК РФ) [3]. Поэтому возможны варианты вынесения обвинительного приговора невиновному лицу. История хранит такие случаи, например, в 1978 г. в г. Шахты Ростовской области было обнаружено тело погибшей девятилетней девочки. Под подозрения попал А. Кравченко, который проживал неподалеку. После долгого расследования в 1983 году его расстреляли. Спустя время в данном преступлении сознался серийный убийца А. Чикатило. Следствие так и не выяснило, кто на самом деле убил девочку, но можем предположить, что в 1983 г. был лишен жизни невиновный человек. В то время действовала Конституция РСФСР 1978 г., которая тоже закрепляла основные права каждого гражданина. Поэтому, является ли справедливым, что

¹ © Малихова П. О., 2023.

судьбу человека решает небольшая группа людей, до сих пор остается спорным вопросом.

Хочется отметить, что целью уголовного наказания является исправление, а не уничтожение лица, совершившего преступление. Жизнь в местах заключения тоже жизнь, после которой человек может вернуться к нормальной среде. Его права будут ограничены, но главного права на жизнь он не лишится.

С другой стороны, кто дает преступнику право на лишение жизни другого человека. Этой позиции придерживаются противники моратория. Сторонники применения высшей меры наказания приводят в пример Китай. В этом государстве удалось почти полностью искоренить такое преступление как коррупция. Люди под страхом смерти не совершают многие преступления. Можно ли считать гуманным и правильным бороться с преступностью страхом, вопрос спорный. В правовом государстве лучше обеспечивать высокий уровень жизни граждан, это реализовать намного сложнее.

Если обратиться к ст. 21 Конституции Российской Федерации, можно увидеть строки, которые закреплены в нашей стране, а именно: «Никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию» [1]. В связи с тем, что такое наказание как смертная казнь пришло к нам из древности, оно априори носит жестокий, бесчеловечный характер, который противоречит статье, приведенной выше. Естественно, в современном мире не применяются такие формы высшего наказания как сжигание на костре, сажание на кол, разрывание деревьями и т. д. Сама казнь носит мучительный характер. Американский писатель Ч. Паланик говорил: «Ожидание смерти, хуже самой смерти». Что только не происходит с людьми в период этого ожидания. Неимоверно много случаев, когда осужденные накладывают сами на себя руки, лишь бы прекратить эти мучения.

Права человека – это то, что ему предоставляет государство. Каждый гражданин может пользоваться своими правами, может и нет. Например, никто не обязан создавать брак, семью, но государство предоставляет это право. Можно ли сравнивать в данном случае право на жизнь? Человек в праве отказаться от мучений при смертельной болезни в некоторых странах мира. Это называется эвтаназия – прекращение жизни человека по его просьбе. Российская Федерация не предусматривает данную процедуру, и не планируется законодательное закрепление этого по нескольким причинам:

1) нет «запроса» от населения. В нашей стране многие законопроекты принимаются после обращений граждан, как реализация демократии. Если нет просьб о подобном, то незачем это внедрять, об этом сообщила в 2020 г. Министр здравоохранения Российской Федерации В. И. Скворцова;

2) плохое развитие паллиативной помощи. Прежде чем убивать человека, хоть и гуманным способом, стоит опробовать множественные способы лечения и обезболивания, что в нашем государстве развито не на должном уровне. Присутствует опасность злоупотребления, родственники могут начать в корыстных целях давить на больных близких, например, из-за наследства. Поэтому говорить о легальном самоубийстве, ухода из жизни, прерывания права на жизнь в России пока не имеет смысла.

В ст. 4 Американской конвенции о правах человека от 22 ноября 1969 г. указано, что жизнь охраняется законом с момента зачатия. Возникает еще один спорный момент: аборт считается убийством, или же нет? С рождения ребенок защищен государственной силой как полноценный гражданин, в утробе матери, хотя эмбрион живой, он растет, питается, он не защищен. С другой стороны, мы живем в правовом государстве, где подтверждение индивида являются документы, которых, естественно, у эмбриона нет. Мыслительный процесс у малыша в утробе матери отсутствует. Считать эмбриона полноценным человеком с правом на жизнь нельзя, но и называть его вещью, принадлежащую родителям – грубо. В нашей стране существуют периоды отмены и возврата аборт. Это следовало за необходимостью увеличения численности страны, или роста подпольных организаций аборт, после которых многие женщины умирали или теряли возможность иметь детей в будущем. На данный момент в Российской Федерации разрешены аборты, что позволяет женщинам прервать беременность на ранней стадии, и это их право.

Граждане обладают правом на жизнь. По сути, имея возможность прервать жизнь самостоятельно без помощи врачей и эвтаназии, или с ними, они имеют право и на смерть. Конституционно-правовые закрепления от том, что основные права личности неотъемлемы, никогда не исчезнут со страниц Конституций стран нашего мира.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (ред. от 21.07.2014) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 29.12.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.01.2023) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/.

Опанасенко В. А.¹,
курсант 512 учебного взвода
Международно-правового факультета
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: **Донская М. В.,**
доцент кафедры конституционного
и муниципального права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ КАК ВЫЗОВ СОВРЕМЕННОСТИ

В настоящее время трудно отрицать важность проблемы миграции. С каждым годом уровень миграции растет, о чем свидетельствуют данные официальной статистики, приводимой в отчетах международных организаций. Согласно данным Отдела народонаселения Департамента по экономическим и социальным вопросам Организации Объединенных Наций в 2020 г. количество международных мигрантов достигло 281 млн чел. [5]. Стоит обратить внимание на то, что число международных мигрантов с каждым годом увеличивается. Это подтверждается данными, опубликованными Международной организации по миграции, согласно которым число международных мигрантов в 2010 г. составило 214 млн чел. [6]. Таким образом, учитывая данные о населении земного шара и о количестве международных мигрантов, можно констатировать, что доля мигрантов увеличивается и составляет на данный момент 3,6 %, в то время как в 2010 г. было 3,2 %.

Множество социальных, экономических и политических и иных факторов влияет на уровень миграции в том или ином регионе. Так, например, пандемия коронавирусной инфекции COVID-19 на определенный период времени замедлила рост миграции, поскольку передвижение как между государствами, так и в рамках одной страны было практически невозможно. Очевидно, что с улучшением эпидемиологической обстановки в мире она начнет снова расти.

Многие государства создают правовые механизмы для решения проблем, связанных с миграцией. Стоит отметить, что проблема появилась в Европе как следствие Второй мировой войны. Это привело к тому, что для регулирования потоков мигрантов в 1951 г. была создана Международная организация по миграции, основной целью которой является защита прав и интересов мигрантов. Для достижения указанной цели она сотрудничает с правительственными структурами и другими международными организациями. В настоящее время 173 государства являются ее членами.

¹ © Опанасенко В. А., 2023.

Среди международных актов, направленных на регулирование вопросов миграции, в первую очередь стоит выделить Конвенцию о статусе беженцев, которая была принята 28 июля 1951 г. Конференцией полномочных представителей по вопросу о статусе беженцев и апатридов, созданной в соответствии с резолюцией 429 (V) Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1950 г. Соответственно, она посвящена не миграции в целом, а только беженцам, т. е. лицам, которые были вынуждены покинуть страну постоянного проживания в силу чрезвычайных обстоятельств. При этом международный акт, направленный на общее регулирование миграции отсутствует.

Миграционные потоки, как правило, направлены в развитые страны с устойчивой экономикой и стабильной политической ситуацией. Это явление порождает множество социальных и иных проблем в государствах, принимающих мигрантов. Поскольку в США проживает наибольшее их количество (49,8 млн чел.), проблеме уделяется особое внимание. Об этом свидетельствует даже факт того, что кандидаты в президенты в своих предвыборных компаниях обязательно используют тезисы по данному вопросу, некоторые из которых кажутся абсурдными. В качестве примера неординарного предложения решения проблемы миграционных потоков из Мексики можно привести заявления Д. Трампа о необходимости построения стены между США и Мексикой. Реакцией на подобные действия может быть международный конфликт, которым мексиканское правительство неоднократно угрожало США.

Описание этой ситуации показывает, что для решения миграционных проблем необходимо обращаться к правовым средствам, которые позволят создать механизм регулирования, направленный на защиту интересов как мигрантов, так и принимающих их государства. Если продолжить рассмотрение миграционной политики бывшего президента США Д. Трампа, то стоит обратить внимание на правовые механизмы, принятые в этот период. Были приняты нормативные акты, предусматривающие ответственность лиц, самовольно пересекающих границу государства в форме заключения. При этом несовершеннолетних детей отправляли в особые детские центры. Таким образом, очевидно, что политика Д. Трампа была направлена на снижение уровня миграции в стране, а не на создание условий для адаптации мигрантов.

Рассмотрение миграционной политики США в период правления Д. Трампа представляет интерес не только с точки зрения создания жестких правовых средств, направленных на снижение количества мигрантов, но и с точки зрения внутреннего социального конфликта в стране. Так, с его позицией согласна часть населения США, придерживающаяся консервативных взглядов, но при этом другая часть, которая либерально настроена, выражает свое отрицательное мнение, участвуя в митингах и иных общественных мероприятиях. Самый яркий тезис, используемый оппозиционерами, – «Мы все мигранты» отсылает к истории становления США как государства, так называемой «страны мигрантов». Таким образом, на протяжении всего существования государства миграция была неотъемлемой частью развития страны.

В Европе вопрос миграции также является одним из ключевых в политической повестке и порождает множество дебатов и споров: одни политические авторы видят в мигрантах угрозу безопасности в сложившейся социально-экономической и культурной жизни, другие – предполагают, что это миграция несет в себе больше плюсов чем минусов, в частности способствует экономическому росту [4, с. 57]. Однако никто не отрицает, что сложившееся ситуация крайне сложная и требует многостороннего рассмотрения. Принятие всех беженцев на территорию Европейского союза (далее – ЕС) невозможно, в противном случае, это грозит полной дестабилизацией общества, отмиранию европейской культуры [1, с. 104].

В странах ЕС нормативное регулирование миграции предусмотрено не только в национальных актах, но и на наднациональном уровне. Так, основным актом по вопросам беженцев является Дублинское соглашение, подписанное в 1990 г. и вступившее в силу 1 сентября 1997 г.

Стоит отметить, что в Европе проблемы в социальной и культурных сферах более ярко выражены чем в США.

Проблема заключается в том, что миграционный кризис, вызванный эскалацией политической нестабильности в арабских странах Азии, массовые протесты и военные действия в Северной Африке, гражданская война в Сирии привели к тому, что в 2015–2017 гг. миллионы людей мигрировали в Европу. Если обратиться к официальной статистике, то можно увидеть, что в 2015 г. более 1,2 млн чел. было зарегистрировано как впервые ищущих убежища на территории ЕС [2].

Далее стоит рассмотреть проблему миграции в Российской Федерации. Важно отметить, что в отличие от США и Европы проблема внешней миграции возникла позднее. Однако в СССР существовала внутренняя миграция, которая была связана с использованием трудовых ресурсов в тех или иных регионах. После его распада она превратилась во внешнюю, требующую выработки новой миграционной политики и разработки соответствующего правового регулирования. В первую очередь, среди мер организационно-правового характера было ужесточение правил въездного контроля. В связи с этим 16 декабря 1993 г. был издан Указ Президента Российской Федерации «О мерах по введению иммиграционного контроля», 8 сентября 1994 г. приняты постановления Правительства Российской Федерации «Об утверждении Положения об иммиграционном контроле», «О мерах по предупреждению и сокращению неконтролируемой внешней миграции». В настоящее время в Российской Федерации существует обширная нормативная база, направленная на регулирование миграции. Так, с 2010 по 2019 г. количество нормативных правовых актов увеличилось более чем в 7,7 раз [3, с. 219]. Можно констатировать, что организационно-правовое регулирование в рассматриваемой сфере с каждым годом совершенствуется.

Несовершенная миграционная политика может привести к значительным негативным последствиям [1]:

- значительному увеличению количества нелегальных мигрантов на территории принимающего государства;

- усилению социальной напряженности, связанной с риском возникновения конфликтов на почве национальности, расы, религии и др.;
- ухудшению криминогенной ситуации;
- росту преступности.

В завершении рассмотрения миграционных процессов как вызова современности можно констатировать, что проблема миграции безусловно является актуальной и требует особого внимания со стороны государств и международных организаций. Она сложна и многогранна, предлагается множество кардинально разных путей для ее решения от полного ограничения путем возведения стен, до создания максимально лояльного режима.

Представляется, что при разработке любых стратегий, программ, нормативных актов, направленных на урегулирование вопроса миграции, необходимо соблюдение интересов всех сторон. Приоритетом должна выступать защита прав человека и гражданина, не должно создаваться условий, предполагающих ущемление прав и интересов как мигрантов, так и граждан принимающих стран.

Список литературы

1. Ахкамова Л. Н. Проблемы правового регулирования миграционного процесса в Европе // Юридическая наука. 2020. № 4. С. 101–105.
2. Евростат. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Main_Page.
3. Кудин О. В. Проблемы миграции и совершенствование миграционного законодательства в Российской Федерации // Государственная служба и кадры. 2021. № 3. С. 211–222.
4. Степанов С. А., Иванова Е. А. Миграционные процессы как вызов современности // PolitBook. 2018. № 4. С. 53–63.
5. Основные показатели международной миграции на 2020 год. URL: https://www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org.development.desa.pd/files/imr20-20_10_key_messages_ru_1.pdf.
6. The International Organization for Migration. URL: <https://www.iom.int/requested-page-discontinued>.

Перегудова А. П.¹,
курсант 512 взвода
Международно-правового факультета
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: **Донская М. В.,**
доцент кафедры конституционного
и муниципального права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

СУЩНОСТЬ ОСОБЫХ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫХ РЕЖИМОВ

Современный мир – действительность, регулярно бросающая различные вызовы как всему человечеству, так и отдельным социальным общностям, в результате чего они, будучи динамическими и изменчивыми единицами, обладают имманентным для любой системы свойством – адаптивностью. Государство, будучи одной из наиболее влиятельных систем в повседневной жизни человека, подвержено этим метаморфозам, в виду своей социальной природы. Подобные требования времени вызывают изменения в первую очередь в политической среде, как наиболее чувственной к подобным изменениям, и в праве как механизме воздействия государства. Право и правовая система – априори изменчивые элементы, в виду тесной взаимосвязи с историческим контекстом, а также с окружающей действительностью. Право – механизм государственного воздействия на общество.

В настоящее время мир продолжает подвергаться большому числу ситуаций экстремального и атипичного характера, как, например, недавняя пандемия COVID-19, военные столкновения, террористические акты, чрезвычайные ситуации техногенного характера, природные катаклизмы и др. Подобные обстоятельства провоцируют формирование крайне нестабильной и опасной обстановки как в мировом сообществе, так и внутри государств. В национальном масштабе они чреваты ростом криминогенной обстановки, уничтожением объектов культуры, жертвам из числа гражданского населения, становлением под угрозу существования самой государственности страны, а также иные негативные последствия, приносящие моральный и физический ущерб различного размера и масштаба.

С целью минимизации или недопущения в принципе результатов и вреда, наносимых ранее обозначенными чрезвычайными ситуациями, государство использует свой обширный инструментарий, обусловленный ресурсами, которые находятся в его распоряжении. В первую очередь речь идет о правотворческой

¹ © Перегудова А. П., 2023.

и правоприменительной деятельности, задающей вектор движения и дальнейшего функционирования как органов государственной власти, так и непосредственно гражданского населения страны. Одной из основных характеристик преобразования правового поля в подобных условиях является установление особого правового режима (далее – ОПР).

Прежде чем переходить к сущностному содержанию ОПР необходимо определить их место в системе правовых режимов, под которыми понимается «особый порядок правового регулирования, который вводится в действие по специфическим мотивам, с учетом самобытности социальной ситуации и не применим в том же виде в каких-либо других сферах» [1]. Данное понятие не в полной мере охватывает содержание правового режима как явления, поскольку учитывает лишь объективную ситуативную составляющую (как, в частности, в случаях природоохранного режима [2] или режима государственной границы [3]), не касаясь тех видов режимов, которые вводятся из-за специфики объекта правовой охраны. Например, режим закрытого административно-территориального образования (ЗАТО), учреждающийся в целях обеспечения безопасности «организаций, осуществляющих разработку, изготовление, хранение и утилизацию оружия массового поражения, переработку радиоактивных и других представляющих повышенную опасность техногенного характера материалов, военных и иных объектов».

Вместе с тем причинный фактор не является единственным смысловым водоразделом в вопросе классификации правовых режимов. Помимо дифференциации на отрасли и уровни применения, являющейся типичной для любого правового явления, дополнительно стоит отметить не менее значимую для понимания феномена правового режима категорию, а именно правоограничивающие режимы, содержание которых представляет собой временное (т. е. на период действия режима) уменьшение объема дееспособности субъектов, на которых распространяется юрисдикция установленного правового порядка. Это могут быть ограничения как для всех граждан (например, сокращение времени пребывания на улице, локализация движения граждан внутри территории со специальным режимом и иные меры при военном положении), так и для отдельных групп или круга лиц. Причина их установления – наличие обстоятельств, подрывающих их нормальное функционирование или ставящих под угрозу жизнедеятельность общественной жизни, из-за чего возрастает ценность безопасности данных объектов или правоотношений.

ОПР – отдельная, но тем не менее обладающая особой значимостью, категория в системе правовых режимов. В отличие от тех правовых порядков, которые могут устанавливаться в повседневной жизни (специальные налоговые режимы, режим государственных границ и др.) они вводятся только в случае появления каких-либо экстраординарных ситуаций, когда базовое правовое регулирование и стандартный инструментарий государства не могут частично или полностью удерживать стабильное состояние как внутри страны, так и на ее границах. ОПР как режимы – крайне ситуативны и носят главным образом правоограничительный характер.

Можно выделить ряд черт ОНР:

1. Нормативный характер. Как любая производная государственного права, особые правовые режимы устанавливаются государством посредством принятия определенных нормативных актов высшим органом (должностным лицом) в виду большого уровня угрозы, провоцируемой возникшей ситуацией.

2. Специфическое регулирование. Особые режимы подразумевают использование правового инструментария, а также того уровня правоограничения, обязывания и принуждения человека и гражданина, которое не свойственно в повседневной обыденной жизни.

3. Обеспечивающий характер. Введение подобных правовых режимов обуславливается чрезвычайными обстоятельствами, в связи с чем для обеспечения стабилизации внутренних процессов происходит наделение особыми правами отдельных органов и должностных лиц и, напротив, лишение части прав гражданского населения, объединений и т. п. В таком случае правовой режим выступает средством в руках государства, способным преодолеть сложившиеся кризисы внутри общества.

4. Срочность. ОНР – мера исключительного характера, целесообразная исключительно в случаях, когда иные средства государственного воздействия исчерпываются сами. В условиях стандартного и типичного течения жизни их применение неоправданно и не соотносится со своим назначением, в связи с чем они не имеют той эффективности, которую подразумевает их использование. Чрезвычайное положение или иная нестандартная ситуация не носит постоянный или перманентный характер, в виду чего и неограниченное использование особых режимов также не является целесообразным.

5. Специфические правоотношения. Благодаря появлению у отдельных субъектов особых полномочий и проведению новых несвойственных повседневной жизни мероприятий (например, введение комендантского часа) имеет место быть становление новых, не возникавших до чрезвычайных обстоятельств отношений в правовом поле.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что ОНР выступают в качестве срочной меры оперативного государственного реагирования с целью обеспечения устойчивого функционирования государства и общества с дополнительной мобилизацией основных резервов страны для подавления негативного ситуативного обстоятельства или последствий этого явления.

Таким образом, можно заключить, что ОНР – это особое правовое регулирование деятельности элементов общества и государства, вводящееся для всестороннего обеспечения государственных и общественных элементов, направляющихся для преодоления чрезвычайных ситуаций и (или) их последствий, при котором «перераспределяются полномочия органов власти и управления, ограничиваются права и свободы граждан, возлагаются дополнительные обязанности на юридических и физических лиц» [4].

Список литературы

1. Беляева Г. С. Правовой режим: общетеоретическое исследование : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01. Курск, 2013. С. 12.

2. Статья 59 Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (ред. от 26.03.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2022) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823/.

3. Статья 7 Закона Российской Федерации от 1 апреля 1993 г. № 4730-1 «О Государственной границе Российской Федерации» (ред. от 30.12.2021) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3140/.

4. Дьяченко И. Л. Конституционный режим военного положения в России (по реализации права на индивидуальную и коллективную самооборону) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02. Ростов-на-Дону, 2000. С. 15–16.

Филиппова В. А.¹,
курсант 512 взвода
Международно-правового факультета
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: **Донская М. В.,**
доцент кафедры конституционного
и муниципального права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ПОЛОЖЕНИЯ

Анализируя научную и юридическую литературу можно выделить различные интерпретации и подходы к определению чрезвычайного положения (далее – ЧП) в разные исторические периоды. Во все времена введение особого положения влекло за собой расширение полномочий государственных органов по применению ограничительных мер не зависимо от политического режима. Предназначение института ЧП заключается в эскалации возникающих в государстве чрезвычайных ситуаций (далее – ЧС), поэтому имеет важное значение для поддержания национальной безопасности в государстве.

В широком смысле ЧП представляет собой специальный административно-правовой режим управленческих органов, органов местной власти и иных организаций, который вводится Президентом Российской Федерации после утверждения Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. Предназначение чрезвычайного режима заключается в ликвидации обстоятельств, создающих угрозу жизни и здоровья граждан, а также нормального функционирования окружающей среды.

Российская Федерация как демократическое государство ставит перед собой задачу по обеспечению безопасности населения. Экологические, техногенные катастрофы, а также конфликты, возникающие в обществе, являются факторами, усложняющими эту задачу, а также могут послужить неожиданному возникновению ЧС. Органы государственной власти с целью обеспечения безопасности и ликвидации угрозы населению принимают временные, не всегда соответствующие законодательству меры, применение которых в повседневной жизни недопустимо. Это происходит в случаях, когда государство прекращает ввиду ряда причин выполнять должным образом возложенные на него задачи и функции, которые закреплены в Конституции Российской Федерации как Основном законе государства. ЧП является самой распространенной мерой, применяемой при ЧС.

Институт ЧП – это сложная правовая система, которая является гарантией устранения и ликвидации угроз безопасности населения в кратчайшие сроки.

¹ © Филиппова В. А., 2023.

Характер содержания ЧП является весьма противоречивым, поскольку ЧС всегда происходят неожиданно для общества и власти, предугадать данное явление практически невозможно, однако необходимо быстро и решительно реагировать на появившиеся угрозы.

Институт ЧП является широким предметом для изучения, поэтому имеет целое многообразие подходов к его определению. Непрерывное, постоянное развитие общества изменяют его цель, задачи и сущность, поэтому толкование понятия в большей степени зависит от исторического периода.

В Конституции Российской Федерации 1936 г. был закреплён особый режим, который заменил понятие ЧП, – военное положение. Органы государственной власти не признавали режим ЧП, поскольку считали, что посредством его введения и применения происходит угнетение трудящихся, ограничение прав и свобод всех граждан, а также борьба с антикоммунистическим движением. В 1956 г. появляется понятие «чрезвычайные меры охраны государственного порядка», закреплённое в Юридическом словаре. Законодатель посчитал данное понятие аналогичным ЧП, поскольку были сходства в применении ограничительных мер, характерных для последнего. Такая система мер была установлена уполномоченными органами власти в условиях, которые могли нарушать установленный законом государственный порядок. Таким образом субъекты власти были наделены дополнительными полномочиями. Если говорить о нарушителях, установленного законодателем, особого порядка, то, нарушая государственную и общественную безопасность, они подвергались повышенной ответственности [6].

ЧП представляет собой специальный временный режим, введение которого допустимо исключительно при возникновении ЧС в стране или в отдельной ее местности. Во время перехода государства на особый режим происходит передача полномочий органов государственной власти военным или чрезвычайным органам, осуществляется расширение полномочий субъектов управления, однако права и свободы населения ограничиваются и находятся под охраной государства в лице его должностных лиц. Данное определение ЧП закреплялось в Юридическом словнике 1974 г. Появление в юридической литературе данного понятия было связано с частным возникновением на территории страны ЧС. Де-факто применение отдельных ограничительных мер означало введение особого режима на территории возникновения ЧС.

Определение ЧП как особого режима, входящего в круг компетенции органов государственной власти, местного самоуправления и иных организаций и должностных лиц, закреплено в Юридической энциклопедии 1998 г. [7]. Современная справочная юридическая литература не содержит конкретной научной позиции к пониманию данного термина, однако появляется необходимость выделить определенные сходства в трактовках различных ученых. А. П. Коренев, А. Б. Агапов и В. В. Гущин дают толкование ЧП как особого правового режима, относящегося к деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений, учреждений и иных организаций и должностных лиц, который наделяет их дополнительными полномочиями, заключающимися в законном ограничении прав и свобод населения, в т. ч. иностранных граждан и лиц без гражданства.

Рассмотренные научные подходы позволяют определить признаки ЧП:

1) временный характер. Закон определяет временные рамки введения ЧП:

а) на территории всей страны – до 30 суток;

б) в отдельных местностях – до 60 суток.

Однако в законе содержатся основания для продления режима;

2) основания и условия введения (в нормативных актах содержится исчерпывающий перечень условий введения ЧП;

3) порядок введения ЧП. Законом определяется специальная процедура, т. е. кто имеет право ввести – Президент Российской Федерации, каким актом – Указом Президента Российской Федерации, кем и как утверждается данный акт – Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации;

4) расширение круга полномочий органов государственной власти, местного самоуправления, учреждений и организаций, а также должностных лиц по ограничению правового статуса физических и юридических лиц;

5) обоснованность и целесообразность. Введение ЧП должно быть обоснованным, т. к. законом установлено, что недостаточно возникновения ЧС, должна быть непосредственная реальная угроза населению и государству.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что явление ЧП обеспечивает национальную безопасность и общественную безопасность государства, поскольку с одной стороны, оно является инструментом насилия, а с другой – его предназначение заключается в эскалации ЧС, а также защите конституционных (основных, неотъемлемых) прав и свобод граждан. Рассмотрение юридических литературных источников и анализ научных подходов, позволяет сделать вывод о том, что юридическая категория ЧП является вопросом для дискуссии. В современных политико-правовых условиях оно вводится на определенный промежуток времени с целью ликвидации ЧС и возможных последствий и угроз для общества, а также является административно-правовым режимом деятельности субъектов государственного управления, органов местного самоуправления и иных организаций и должностных лиц.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (ред. от 21.07.2014) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Федеральный конституционный закон от 30 мая 2001 г. №3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» (ред. от 03.07.2016) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31866/.
3. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. №3-ФЗ «О полиции» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/.
4. Грязнов А. В. Концепция и конституционные основы института чрезвычайного положения // Государство и право. 1994. № 6. С. 33–34.
5. Кутафин О. Е. Конституционное право России. М., 2013.
6. Юридический словарь / глав. ред. П. И. Кудрявцев. М., 1956. Т. 2. С. 614.
7. Тихомирова Л. В., Тихомиров М. Ю. Юридическая энциклопедия / под ред. М. Ю. Тихомирова. М., 1998. С. 494.

Смирнов Р. В.¹,
курсант 317 учебного взвода
Института подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: **Серебрякова О. М.,**
доцент кафедры иностранных языков
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат филологических наук

СОЦИАЛЬНОЕ ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО КАК КОНСТИТУЦИОННАЯ ЦЕННОСТЬ

Социальное государство как государственно-правовая форма – одна из важнейших элементов государственного развития [1]. Тем не менее существует достаточно большое количество противоречивых точек зрения относительно определения природы такого государства. Прежде всего разногласия касаются дефиниций с позиций конституционного значения [3], также среди ученых нет единого мнения по поводу социальной ценности современного правового государства.

Согласно некоторым авторам, главной задачей в развитии каждой нации является определение ее социального статуса [7]. Чтобы стать социально-правовым, государство должно пройти долгий путь, придя в конечном итоге к результату, когда высшей его ценностью становятся интересы граждан.

Правовое государство активно осуществляет социальное регулирование, направленное на поддержание общественного порядка, организацию и развитие справедливых общественных отношений, минимизацию неравенства и обеспечение социальных прав и свобод граждан.

Большинство исследователей определяют социально-правовое государство как страну с демократической формой правления, верховенством права, закреплением приоритетных, общественно значимых гражданских прав и справедливым распределением общественной ответственности [5].

В таком государстве официальные ведомства финансируются за счет средств государственного бюджета, при этом конкретным категориям граждан предоставляются определенные блага и привилегии [4].

Главным образом современные социально-правовые государства отличаются от своих более ранних форм универсальностью, всеобъемлющим характером и конституционностью, что определяется закреплением в Основном законе равноправия граждан в социальных, политических и гражданских правах.

Основным критерием степени конституционности является закрепление основных прав и свобод и их гарантий. Однако конституционность декларации –

¹ © Смирнов Р. В., 2023.

это еще не ее реализация. Социальный статус государства зависит от того, насколько оно выполняет свои социальные обязательства перед населением.

В частности, в проекте закона «О бюджете города Москвы на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 годов» были определены основные приоритетные направления (здравоохранение, образование, социальная помощь) – все то, что закреплено и имеет приоритетное значение. Это подтверждает приоритет конституционной ценности в социально-правовом государстве, которым является Россия.

Таким образом, конституционность социального правового государства определяется закреплением основных социальных прав и свобод его граждан. Поэтому социальное государство, в функции которого входит создание достойных условий жизни человека, реализация прав и свобод, закрепленных в Конституции Российской Федерации и иных законодательных актах, воплощение интересов и потребностей граждан в соответствии с принципами гуманизма и взаимной ответственности, является наивысшей конституционной ценностью.

Из этого определения вытекает закономерный вопрос: что такое «конституционное значение» и в каком контексте может употребляться прилагательное «конституционный» [2], т. е. эквивалентно ли оно всему, что содержится в Конституции Российской Федерации, декларирующей государство социально-правовым [6].

Такое употребление слова «конституционный» предполагает возможность повышения значения конституционных ценностей. С другой стороны, могут ли быть ограничения на то, что принято называть «конституционными ценностями»? Можно ли ограничить их объем?

Конституция Российской Федерации объединяет граждан, принадлежащих к разным обществам, возрастам, профессиям, религиям и другим группам, формируя такую общность людей как население, проживающее на определенной территории.

Основной закон государства является не только правовым актом, но и важнейшим политическим документом. Независимо от уровня социально-экономического развития страны, этот фактор сам по себе не может создать общность людей. Общие ценности определяют сплоченность людей.

Некоторые исследователи считают, что «конституционная ценность – это реальный объект, а ее закреплением и гарантией является использование, реализация и защита Конституции Российской Федерации» [9, с. 270] самих граждан, социальной сферы и их жизнедеятельности.

В ряде случаев конституционные ценности напрямую не закреплены в тексте Закона из-за даты их утверждения их авторами или в силу каких-либо причин изъятия из предыдущей редакции. Конституция Российской Федерации не определяет общепринятые общечеловеческие ценности, на которых строится безопасная внешняя политика, поскольку закон определяет Россию как часть международного сообщества. Однако подобный подход на основе вышеотмеченного конституционного значения не всегда равнозначен. Так, лишь несколько стран поддержали признание Россией Южной Осетии и Абхазии в качестве субъекта международного права.

США провозгласили ценности безопасности, дружбы, расширения международного сотрудничества и разоружения между народами, а Конституция Российской Федерации, текст которой, по мнению некоторых авторов, перестал быть идеологизированным, содержит «жизненно важные социальные обязательства» [8, с. 840].

Таким образом, если национальное законодательство и действующая Конституция Российской Федерации частично пересекаются, определения «основных конституционных ценностей» и «основных ценностей общества и государства» также можно назвать тождественными. Однако, при этом фундаментальные конституционные ценности выступают краеугольным камнем пирамиды всех остальных ценностей.

Фундаментальные конституционные ценности должны быть устойчивыми, понятными и разделяемыми большинством граждан. Их можно разделить на следующие виды:

- духовно-нравственные (любовь и уважение к семье, историческому и культурному наследию, справедливость, доброта);
- политические (суверенитет, гражданство, национальное развитие, мир, гражданское согласие, безопасность);
- правовые (законность конституционных принципов);
- имущественные (земля), окружающая среда и ее экологическая сохранность.

Одной из ярко выраженных конституционных ценностей, требующих особого внимания со стороны государства, является российское многонациональное общество. Поэтому ее необходимо рассматривать в контексте многонационального, индивидуального общества. Известно, что индивидуальные права человека являются конституционной ценностью. Гармоничное развитие личности означает ее полную дееспособность и возможность пользоваться всеми правами, присущими цивилизованным гражданам.

Слет подчеркнуть, что основные конституционные ценности тесно связаны. К ним не относят принципы конституционного строя. Полагая, что нет альтернативы демократии, нельзя забывать о том, что ее модель не идеальна, кроме того сама по себе она не может быть ценной. Таким образом, система ценностей важна только в обществе, достигшем должного уровня стабильности и свободы, обеспечивших установление принципов демократии и уничтожение тоталитаризма.

Хотя многие демократические принципы формально существуют в российской действительности, они еще не стали ценностью жизни. Страна лишь осуществляет большую работу по реализации социально-экономических требований поступательного развития. Также многие авторы считают, что федерализм является конституционной ценностью. Хотя существуют и мнения, что унитарная система больше подходит для России, поскольку она обладает правом предоставлять достаточную автономию своим субъектам. Одной из послевоенных европейских ценностей, также закрепленной Конституцией Российской Федерации (ст. 7), является провозглашение России социальным государством. Сегодня может оказаться непрактичным выделять социальные характеристики

страны как частной единицы. Сложность заключается не в признании конституционных обязательств перед теми, кто нуждается в социальной защите, а в экономическом потенциале страны, способном обеспечить уровень гарантий. Например, все европейские страны гарантируют пенсии, однако сумма выплат разная, т. е. социально-правовое государство в контексте конституционного права – это проблема не только правовая, но и экономическая.

Анализ показал, что, несмотря на многолетние достижения многими государствами статуса «социально-правовое государство как конституционная ценность», на сегодняшний день до сих пор не существует единой модели построения и деятельности такого государства. Это, безусловно, связано с автономией каждого государства, его индивидуальным видением социального государства.

Несмотря на различия в понимании сущности государства данного типа, безусловную роль играют такие факторы, как уровень экономики страны, политический режим, степень развития социально-экономических отношений, содержание правовой политики, существование определенных норм поведения и традиций, конкретная направленность формирования социально-правового государства как конституционной ценности.

Список литературы

1. Абрамов П. В. К оценке реализации социально-правовой политики российского государства // Закон и право. 2013. № 2. С. 51–53.
2. Афанасьева А. А. К вопросу о понятии конституционных ограничений прав человека в Российской Федерации и странах Евросоюза // Вестник СГЮА. 2016. № 2 (109). С. 121–124.
3. Атагимова Э. И. Формирование социально развитой личности как необходимая предпосылка развития правового государства // Юридическая наука и развитие российского законодательства в условиях модернизации : сборник статей. М. : Российская правовая академия Минюста России, 2013. С. 17–22.
4. Бычков Д. Г., Феоктистова О. А., Андреева Е. И. Социальная защита и статистика: сопоставительный анализ Российской и международной практики учета в попытке оценить эффективность бюджетных мер // Международный бухгалтерский учет. 2016. № 4 (394). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-zaschita-i-statistika-sopostavitelnyy-analiz-rossiyskoy-i-mezhdunarodnoy-praktiki-ucheta-v-popytke-otsenit-effektivnost-1>.
5. Marshall, Thomas Humphrey Citizenship and Social Class: And Other Essays. Cambridge : University Press, 1950.
6. Плешаков А. П. Конституционные императивы российской социально-правовой государственности // Конституция Российской Федерации и современное законодательство: проблемы реализации и тенденции развития (к10-летию Конституции Российской Федерации) : сборник статей. Саратов : Саратовский юридический институт МВД России, 2004. С. 4–6.
7. Родионова О. В. Проблемы развития теории и практики современного социального государства // Lex Russica. 2015. С. 28–40.

8. Rumyantsev O. G. New Constitution for Russia: our approaches // From the history of the creation of the Constitution of the Russian Federation. Constitutional Commission: transcripts, materials, documents (1990–1993): vol. T. 1: 1990 / under the general. ed. O.G. Rumyantsev. M., 2007.

9. Витрук Н. В. Конституция Российской Федерации как ценность и конституционные ценности: вопросы теории и практики // Конституционные ценности: содержание и проблемы реализации : сборник статей. В 2 т. Т. 1. М. : РАП, 2010. С. 9–20.

Спасская К. Н.¹,
курсант 404 учебного взвода
Института подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: **Алексич Е. В.,**
доцент кафедры иностранных языков
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат педагогических наук, доцент

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СОБЛЮДЕНИЯ И ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ГЕРМАНИИ

Согласно Конституции Российской Федерации признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина являются обязанностью государства, и ее гарантом является Президент Российской Федерации.

Органы власти реализуют свою роль по осуществлению конституционной защиты прав человека в ходе законотворческой деятельности, выражающейся в принятии законов, других регулирующих правовых актов, внесении поправок в действующее законодательство направленных на обеспечение конституционных гарантий прав и свобод человека и гражданина.

Органы исполнительной власти, выполняя свои полномочия, а также местные органы власти и органы управления, в т. ч. в сфере правоохранения, должны создавать для лиц, находящихся под юрисдикцией Российской Федерации, правовые, организационные и материальные условия для осуществления их конституционных прав и свобод.

Особая роль в системе защиты прав человека Российской Федерации принадлежит судебной системе, осуществляющей правоприменительную функцию в рамках конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства. Судебные органы являются важнейшим звеном конституционной системы защиты прав человека, осуществляя деятельность, направленную на противодействие и предотвращение нарушений и ограничений прав и основных свобод человека, а также их противоправных ограничений.

Дополнительной законодательной гарантией защиты прав и свобод не только граждан России, но и всех лиц, находящихся под российской юрисдикцией, является деятельность Конституционного Суда Российской Федерации.

Одним из элементов системы защиты прав и свобод граждан в Российской Федерации является Генеральная прокуратура Российской Федерации, которая от имени государства осуществляет надзор за соблюдением и исполнением законности.

¹ © Спасская К. Н., 2023.

Например, закрепление в Конституции Российской Федерации права личности на соответствующую защиту, определяемую в УК РФ как право на самооборону, расширило правовое поле возможностей граждан на защиту своих прав.

Следует также отметить активную деятельность уполномоченного по правам человека по содействию, восстановлению нарушаемых прав граждан, совершенствованию действующего российского законодательства в области прав человека и гражданина; упрочению международного сотрудничества в данной области. Так, Президент Российской Федерации, законодательные и исполнительные органы государственной власти, органы местного самоуправления, судебные и административные органы, другие государственные ведомства и организации, а также институты гражданского общества совместно трудятся над обеспечением конституционных гарантий в области защиты прав и свобод российских граждан.

Рассмотрим правовые средства защиты прав граждан Германии.

Обязательства государства по защите прав человека закреплены в ст. 1 Основного закона, где достоинство человека, его неприкосновенные и неотъемлемые права являются одной из приоритетных задач любого сообщества.

Особенно важным для защиты прав человека является активная роль общественности, выступающая за то, чтобы эти права не нарушались. В диалоге с неправительственными организациями, религиозными группами, представителями интеллектуального сообщества и социально активными гражданами Германия вносит свой вклад в решение проблем развития гражданского общества во всем мире, т. к. возможность для граждан объединяться в группы и участвовать в общественных форумах независимо от государства является лучшей защитой от нарушений прав человека.

Конституция Федеративной Республики Германия, как Основной закон, содержит положение о равенстве всех людей. Далее отмечается, что «никто не должен страдать и получать содействия и не нуждается в помощи по признаку пола, происхождения, расы, языка, места рождения и родства, вероисповедания, религиозных или политических убеждений». Особое внимание уделяется правам человека. Первая фраза «Достоинство человека неприкосновенно» интерпретируется как защита всей совокупности прав человека.

Конституция Федеративной Республики Германия гарантирует все права, вытекающие из Всеобщей декларации прав человека, за исключением полного права на убежище.

Ратификация Европейской конвенции о правах человека, позволяет немецким гражданам обращаться в Европейский Суд по правам человека.

Сравнивая существующие механизмы защиты прав в Российской Федерации с опытом Федеративной Республики Германия, мы приходим к следующим выводам:

1. В государствах аналогичный механизм защиты прав человека сложился и функционирует по наиболее общим направлениям.

2. Как и в России, в Германии функционирует институт защиты прав и интересов граждан – уполномоченный по правам человека (омбудсмен).

3. Соответствие национального механизма защиты прав и свобод человека и гражданина Международному стандарту вытекает из международных подписанных обязательств государствами, закрепляющих приоритет общепризнанных принципов в данной области.

4. Россия и Германия являются странами – участниками Основных документов по защите прав человека (Всеобщей декларации прав человека Объединенных Наций и Европейской конвенции о правах человека). Действующее национальное законодательство этих стран соответствует этим законам. Таким образом, закрепление этих прав в национальном законодательстве отвечает международным стандартам: Конституция Российской Федерации и Основной закон Федеративной Республики Германия гарантируют основополагающие, неотъемлемые права человека.

5. Эффективность механизмов защиты прав человека в Германии обусловлена наличием в этой стране сформированного, активно действующего гражданского общества. Неправительственные организации, занимающиеся защитой прав человека, оказывающих реальное влияние на принятие решений в сфере деятельности государственных органов по защите прав человека. Очень печально, однако, что это общество «не замечает» многолетних страданий людей Донбасса, уничтожаемых украинской хунтой.

Список литературы

1. Лазуренко О. Н. Система защиты прав человека и юридическая ответственность за нарушение прав человека в Российской Федерации и Федеративной Республике Германии: сравнительный анализ. URL: <https://moluch.ru/young/archive/35/2050/>.

2. Шпилев Д. А. Социальные гарантии в правовых системах России и Германии. Нижний Новгород : НИСОЦ, 2009.

3. Сазин С. Т. Конституционные права и свободы человека и гражданина в Конституции РФ и в основном законе ФРГ (сравнительно-правовой анализ). URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/83426-konstitucionnye-prava-svobody-cheloveka-grazhdanina-konstitucii-osnovnom>.

4. Фадеева Е. С. Конституционно-правовой статус человека и гражданина (личности) в России и Германии (сравнительно-правовой анализ). Пенза : ПГУ. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionno-pravovoy-status-cheloveka-i-grazhdanina-lichnosti-v-rossii-i-germanii-sravnitelno-pravovoy-analiz>.

Зинченко Е. Ю.¹,

*профессор кафедры конституционного
и муниципального права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, профессор*

Воробьев В. Ф.²,

*профессор кафедры конституционного
и муниципального права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент*

Хазов Е. Н.³,

*профессор кафедры конституционного
и муниципального права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор*

ОХРАНА И ЗАЩИТА ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫМИ ОРГАНАМИ В УСЛОВИЯХ СПЕЦИАЛЬНЫХ ПРАВОВЫХ РЕЖИМОВ

Проблема обеспечения прав и свобод человека и гражданина в подобных условиях представляется актуальной и достаточно сложной ввиду того, что сам характер сложившейся в обществе обстановки предполагает смещение акцента правоохранительных органов на решение вопросов обороны и защиты территориальной целостности государства [1].

Неизбежность искоренения и оперативного пресечения, возникающих в обществе конфликтов, в т. ч. носящих международный характер, обуславливает важность охраны прав и свобод человека в условиях военных конфликтов и социальной напряженности военного времени [2].

Масштабность подобного рода действий влечет нарушение законных прав и интересов мирного гражданского населения [3]. Кроме того, А. В. Хвостовой верно отмечается, что в условиях военной обстановки правоохранительные органы привлекаются к выполнению не свойственным им функций [4, с. 273].

Значимость прав и свобод человека и гражданина обозначена на самом высоком уровне. Необходимость такой защиты продиктована общепризнанными нормами и принципами международного права, а также подчеркнуто конституционными нормами. Однако, необходимость принятия мер по защите прав и свобод в условиях специальной военной операции не рассматривается в подобных актах.

¹ © Зинченко Е. Ю., 2023.

² © Воробьев В. Ф., 2023.

³ © Хазов Е. Н., 2023.

В Консультативном заключении [5], международный суд ООН справедливо отмечает, что защита, обеспечиваемая Международным пактом о гражданских и политических правах, не прекращается во время военных действий. Однако, применение подобных регулятором происходит в рамках международного гуманитарного права, которое обуславливает наличие открытого военного конфликта и призвано защищать жертв войны [6].

Анализ действующего законодательства и научных исследований в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина в период проведения специальной военной операции позволяет сделать вывод о том, что специфика подобной обстановки не учитывается и вопросы охраны и защиты прав и свобод не приобретают высокого значения ввиду новых обстоятельств [7].

В юридической литературе, в рамках заявленной темы исследования, как правило, касаются вопросов установления и реализации запретов и ограничений для граждан в военных условиях, либо социальной поддержки отдельных категорий граждан [8; 5].

Приходится констатировать, что защита прав и свобод человека и гражданина в период проведения специальной военной операции остается не решенным вопросом, как в рамках российского законодательства, так и на международном уровне. Для полноценного исследования и выявления механизмов надлежащей защиты прав и свобод человека и гражданина представляет необходимым выявить сущность обстоятельств, при которых ставится вопрос о таковых [9].

Произведенный анализ норм действующего законодательства показывает отсутствие понятия и упоминание о «специальной военной операции», что позволяет сделать вывод о том, что решение о ее проведении на территории Украины, обозначенное в обращении Президента Российской Федерации В. В. Путина 24 февраля 2022 г. является точечным решением, принятым при взаимодействии с исполнительной и законодательной властями [10].

На основе имеющихся в научной литературе мнений и происходящих в современном обществе событий можно говорить о том, что целью проведения подобного рода операций является решение военных или политических задач, недостижимых или не требующих достижения военными методами [11]. Однако, решение данного вопроса не представляет самостоятельный аспект в нашем исследовании.

Вопросы содержания механизма защиты прав и свобод человека и гражданина являются довольно распространенными среди научного сообщества. Тем не менее, особенности данной защиты в условиях специальной военной операции являются малоизученными.

Достаточно распространенной является точка зрения, согласно которой «механизм защиты прав и свобод человека и гражданина представляет собой установленную и гарантированную законом систему обеспечения правового статуса личности, предполагающую упорядоченную деятельность органов власти, негосударственных правозащитных организаций и самостоятельную реализацию субъективных прав и свобод, направленную на предупреждение, пресечение и восстановление нарушенных прав и свобод при соблюдении надлежащего баланса публичных и частных интересов» [12].

В целом соглашаясь с предложенным понятием попутно следует отметить его противоречивый характер. Он не совсем соответствует обсуждаемой теме. Во-первых, говоря о защите прав и свобод представляет некорректным говорить о правовом статусе личности, поскольку таковой представляя собой совокупность прав, свобод, обязанностей и ответственности, является более широким понятием, чем обозначенные объекты защиты. Кроме того, защита предполагает не обязательно нарушение прав, а их признание в случае оспаривания. Вместе с тем, представляется не обоснованным в контексте обеспечения защиты прав и свобод вести речь о балансе публичных и частных интересов, поскольку на конституционном уровне признан приоритет прав и свобод и приоритет общепризнанным интересов является обязательным. Вопросы защиты частных интересов в данной связи не имеют особой роли [13].

В рамках данной статьи предлагается под механизмом защиты прав и свобод человека и гражданина понимать обусловленную проведением военной специальной операции совокупность мер обеспечения, представляющих высшую конституционную ценность категорий, реализуемых органами власти и иными правозащитными институтами, а также самими гражданами, направленных на обеспечение бесперебойной и полноценной реализации прав и свобод человека и гражданина [14].

Исходя из сказанного можно сделать ряд выводов:

1. Механизм защиты прав и свобод человека и гражданина в рассматриваемых условиях представляет совокупность мер, которые реализуются исчерпывающим кругом субъектов, к числу которых относятся: органы власти и иные правозащитные институты, а также сами гражданами [15]. Следует подчеркнуть правозащитную компетенцию институтов и международных организаций, которые обязаны реализовать меры по защите прав и свобод. Органы и организации, в полномочия которых не входит выполнение данных мер, не несут ответственность за качество реализации прав и свобод [16]. Подобное возможно только в возложении на них обязанности в установленном порядке. Вместе с тем необходимо отметить направленность этих мер на обеспечение бесперебойной и полноценной реализации прав и свобод человека и гражданина [17].

2. Важность учета данных мер в условиях специальной военной операции свидетельствует о наличии агрессии со стороны других государств и возможности посягательства на права и свободы граждан России. Учитывая современные реалии, можно говорить о нарушении таких конституционных прав граждан России военнослужащими Украины:

- право на жизнь;
- благоприятную окружающую среду;
- охрану здоровья;
- образование и ряд др. [18].

3. Оценка действия органов власти в сложившейся ситуации позволяет сделать вывод о достаточно высоком уровне работы рассматриваемого механизма [19].

Подводя итог изложенному, необходимо сделать вывод о том, что защита прав и свобод приобретает весомую роль в чрезвычайных условиях, к числу которых следует относить режим специальной военной операции. В рамках таких условий необходимо обеспечить совокупный характер защитных действий всех субъектов, на территории которой проводится специальная военная операция [20]. Полноценное обеспечение прав и свобод в ее условиях возможно только при осознании важности таковой и принятие оперативных мер по защите конституционного правопорядка и охраняемых объектов.

Список литературы

1. Конституционное право России: историко-теоретические вопросы : учебное пособие / [Р. Б. Булатов и др.]. Новосибирск, 2022.
2. Основы национальной безопасности / [П. А. Бышков и др.]. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2022.
3. Нурисламов А. Ф., Кадикова А. А. Обеспечение и защита прав человека в условиях вооруженных конфликтов // Международный журнал гуманитарных и массовых наук. 2021. № 12-4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obespechenie-i-zaschita-prav-cheloveka-v-usloviyah-vooruzhennykh-konfliktov>.
4. Хвостова А. В. Роль органов внутренних дел в реализации продовольственной стратегии на различных этапах развития российского государства // Вопросы государства и права : сборник научных статей. Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2021. С. 271–276.
5. Всеобщее и полное разоружение. Консультативное заключение Международного суда относительно законности угрозы ядерным оружием или его применения. Записка Генерального секретаря. Организация Объединенных Наций. Distr. GENERALA/51/218 19 July 1996.
6. Конституционное право зарубежных стран : учебник / [Е. Н. Хазов и др.]. М., 2013.
7. Зинченко Е. Ю., Хазов Е. Н. Проблемы реализации конституционных норм в современной России в свете новых конституционных поправок // Конституционализм и правоохранительная деятельность : сборник статей. СПб., 2020. С. 76–81.
8. Потапов Ю. А. Ограничение прав человека в период действия особых правовых режимов // Образование и право. 2019. № 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ogranichenie-prav-cheloveka-v-period-deystviya-osobyh-pravovyh-rezhimov>.
9. Организация деятельности полиции зарубежных стран : учебно-методическое пособие / [Е. Н. Хазов и др.]. М., 2017.
10. Национальная безопасность / [Н. Д. Эриашвили и др.]. М., 2022.
11. Государственные органы власти в Российской Федерации (конституционно-правовые основы в таблицах и схемах) : учебное пособие / [А. В. Богданов и др.]. Новосибирск, 2019.
12. Гончарова Н. В. Механизм защиты прав и свобод человека и гражданина в субъектах Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02. Белгород, 2011.

13. Хазов Е. Н. Понятие и сущность конституционных гарантий прав и свобод человека и гражданина // Образование. Наука. Научные кадры. 2011. № 3. С. 17–21.

14. Соблюдение конституционных прав и свобод человека и гражданина в оперативно-розыскной деятельности : учебно-методическое пособие / [В. К. Пауков и др.]. М., 2020.

15. Местное самоуправление в единой системе публичной власти. Вектор и последствия конституционной реформы в Российской Федерации : монография / [О. А. Кожевников и др.]. М., 2020.

16. Зинченко Е. Ю., Исаков В. М., Хазов Е. Н. Место и роль общепризнанных принципов и норм международного права в системе национального законодательства России // Международный журнал конституционного и государственного права. 2022. № 1. С. 12–18.

17. Хазов Е. Н., Хазова В. Е. Совет Европы, ООН, международные организации и их роль по соблюдению, охране и защите прав и свобод человека в мировом сообществе // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2016. № 1. С. 3–6.

18. Мананников Д. Ю. Социальная поддержка военнослужащих и членов семей погибших (умерших) участников боевых действий в условиях проведения российской федерацией специальной военной операции на территории Украины // Наука. Общество. Государство. 2022. № 2 (38). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-podderzhka-voennosluzhaschih-i-chlenov-semey-pogibshih-umershih-uchastnikov-boevyh-deystviy-v-usloviyah-provedeniya>.

19. Конституционное право России : учебно-методическое пособие / [Е. Н. Хазов и др.]. М., 2017.

20. Муниципальное право России : учебник / [К. К. Гасанов и др.]. 9-е изд., перераб. и доп. М., 2019.

Кузнецов М. С.¹,
*адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

ПОЗИЦИИ КС ПО ВОПРОСУ ПРИНЯТИЯ НОВЫХ СУБЪЕКТОВ В СОСТАВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Важный день для новейшей истории Российского государства был ознаменован принятием поправок в Основной закон Российской Федерации. В ходе недельного голосования, кульминацией которого стало 1 июля 2020 г., граждане Российской Федерации пришли на избирательные участки, чтобы подтвердить конституционные изменения, объявленные Президентом Российской Федерации В. В. Путиным в его послании Федеральному Собранию Российской Федерации в январе 2020 г. Это было первое общенациональное голосование вне стандартного цикла парламентских и президентских выборов после референдума в декабре 1993 г., на котором была ратифицирована Конституция постсоветской России.

Как и предыдущий референдум, его ключевое значение заключалось в его последствиях для будущего российского государства. Изменениям подверглись практически все сферы государственного управления. Исключением не стали положения, диктующие сроки полномочий Президента Российской Федерации. Иными словами, было отменено ограничение на два последовательных срока. Действующий Президент Российской Федерации законодательно может оставаться на своем посту до 2036 г., если таково волеизъявление граждан и собственное желание избираемого.

На сегодняшний день, отметим, что изменение срока было наиболее политически значимой реформой, одобренной на референдуме, и ярко фигурировавшей в числе многих предложений для внесения в Основной закон. В связи с последними развивающимися событиями, государству необходим сильный лидер, способный отстаивать интересы граждан в развитии механизма социальных гарантий и отстаивании консервативных ценностей.

Многие зарубежные политические деятели отмечают, что поддержка большинства политических лидеров со временем ослабевает, но даже после более чем 20 лет пребывания у власти (16 лет на посту Президента Российской Федерации и четыре с половиной года – Премьер-министра Российской Федерации) популярность Президента Российской Федерации оставалась исторически высокой в начале нового десятилетия, в начале 2020 г. две трети избирателей продолжали одобрять его действия.

Народная легитимность главы государства постоянно опиралась на три фактора:

- показатели экономики;
- сильная проекция российских интересов за рубежом;
- поддержание политической стабильности.

¹ © Кузнецов М. С., 2023.

Когда быстрый экономический рост 2000-х гг. начал замедляться, присоединение Крыма к Российской Федерации в 2014 г. обострило обстановку на мировой арене, и русскоязычное население на юго-востоке соседнего государства стало подвергаться гонениям по своим культурным и идеологическим соображениям.

В феврале 2022 г. Президент Российской Федерации выступил с обращением к гражданам и объявил начало специальной военной операции, главной задачей которой стала денацификация.

Исходя из сказанного, на территориях Донецкой, Луганской, Запорожской и Херсонской областях были проведены референдумы о вхождении в состав Российской Федерации. Данный процесс сопровождался деятельностью международных наблюдателей и освещался по всему миру в средствах массовой информации (СМИ). Последние же редко хвалят избирательный процесс, но их критика в 2022 г. была более громкой, чем в 2020 г., на федеральных выборах в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации 2016 г. и на пост Президента Российской Федерации в 2018 г. Однако, справедливость проведения референдума была не только жизненно важным конституционным процессом, но и сосредоточена на трех аспектах:

- сохранения контроля над процессом голосования;
- избежание какого-либо административном давлении на государственных служащих для голосования;
- обеспечение безопасности голосующих на территории всех четырех областей.

Часть 3 ст. 5 Конституции Российской Федерации закрепляет положение, согласно которому федеративное устройство России, в том числе, основано на равноправии и самоопределении народов. В соответствии с ч. 2 ст. 65 и ст. 137 Конституции Российской Федерации принятие в Российскую Федерацию и образование в ее составе нового субъекта осуществляется в порядке, установленном федеральным конституционным законом.

В соответствии со ст. 4 Федерального конституционного закона от 17 декабря 2001 г. № 6-ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации» предусмотрено, что принятие нового субъекта или его части в состав Российской Федерации осуществляется по взаимному согласию Российской Федерации и данного иностранного государства в соответствии с международным договором.

Следует пояснить, что данная норма не противоречит общепризнанным принципам международного права. Эффективная суверенная власть субъекта иностранного государства, а также историческая и культурная предопределенность являются гарантами на самоопределение и вхождение в состав Российской Федерации в качестве субъекта в упрощенном порядке.

Помимо этого, в соответствии с п. 2 ст. 1 Устава ООН от 26 июня 1945 г. закреплено право народов на самоопределение без каких-либо ограничений, допускающее провозглашение независимости отдельными группами или нациями внутри государства.

Рассмотрим Федеральный конституционный закон от 4 октября 2022 г. № 5-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Донецкой Народной Республики». Обобщая нормы законодательства, выделим следующее – со дня принятия регионов в состав России и до 1 января 2026 г. будет действовать переходный период.

Гражданам, проживающим на территориях Донецкой Народной Республики (далее – ДНР), Луганской Народной Республики (далее – ЛНР), Запорожской или Херсонской областей, будут обеспечены гарантии в осуществлении трудовой деятельности, а также будут признаны документы об образовании, подтверждающие гражданское состояние, стаж трудовой деятельности, право на получение пенсий, социальной и медицинской помощи и прочее, выданные в ДНР, ЛНР, а также на Украине.

Предусматриваются гарантии в сфере имущественных отношений. Устанавливаются особенности в сфере регулирования оборота недвижимости, земельных отношений, а также в сфере кадастровой деятельности и землеустройства. До 1 января 2028 г. государственная регистрация прав на недвижимое имущество будет возможна на основании документов, выданных органами государственной власти республик и Украины.

Лица, проживающие на новых российских территориях, а также те, кто ранее проживал на них, но выехал в Россию, приобретают гражданство Российской Федерации в результате признания при условии подачи заявления и принесения Присяги гражданина Российской Федерации.

До 1 июня 2023 г. в новых республиках и областях будут созданы территориальные подразделения федеральных органов исполнительной власти. В течение переходного периода также будут учреждены органы прокуратуры и обеспечено функционирование судебной системы. В течение шести месяцев предстоит образовать городские и муниципальные округа в регионах, определить границы муниципальных образований.

Бюджетное законодательство будет применяться в образуемых субъектах с 1 января 2023 г. Правительство Российской Федерации установит особенности составления проекта бюджета новых субъектов на 2023 г. (для республик – на плановый период 2024 и 2025 гг.), а также особенности исполнения бюджетов и формирования бюджетной отчетности.

Таким образом, можно сделать вывод, что вхождение в состав Российской Федерации Донецкой, Луганской, Запорожской и Херсонской областей является волеизъявлением населения, проживающего на данных территориях. В дальнейшем, на наш взгляд, гражданам одного общего государства предстоит с еще большим упорством защищать культурные и исторические ценности, не позволять кому-либо нарушать суверенитет государства.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (ред. от 21.07.2014) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.

2. Федеральный конституционный закон от 17 декабря 2001 г. № 6-ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации» (ред. от 31.10.2005) // СПС «Консультант-Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34452/.

3. Федеральный конституционный закон от 4 октября 2022 г. № 5-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Донецкой Народной Республики» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_428188/.

4. Ильин В. А., Морев М. В. Специальная военная операция выявляет новые черты гражданского общества // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. № 5. С. 9–32.

Суюнчалиева О. Т.¹,
*доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности
и специальной техники
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук*

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-СЫСКНОЙ РАБОТЫ ПО РЕГУЛИРОВАНИЮ МИГРАЦИОННЫМИ ПРОЦЕССАМИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Исследуя исторические особенности процессов регулирования миграционными потоками в Российской империи, следует отметить, что вторая половина XIX в. является началом централизованной миграционной политики и образования «миграционных» органов. Особо выделяется период правления Александра II (1855–1881), поскольку, в результате проведенных административных реформ, выстраивается система государственных органов, которые в т. ч. реализовывали функции контроля над миграционными процессами с использованием ограничительных и стимулирующих механизмов и дифференцированной политики по отношению к различным категориям населения.

Поэтапное изучение исторических процессов показало, что в период правления Петра I (1689–1725) было положено начало целенаправленной иммиграционной политики в России, которая заключалась:

- в принятии Манифеста от 1702 г. «О вызове иностранцев в Россию, с обещанием им свободы вероисповедания»;
- утверждении Тайной коллегии военного совета [16, с. 10];
- снятии запрета на свободный въезд иностранцев в черту города;
- во взаимовыгодном обмене по формуле «государству – новые знания, а иностранцам – капитал» [7, с. 548].

На основании Указа Петра I от 20 июня 1718 г. «О забираии под караул празднующихся людей, о не пускании таковых в дома по прибытии зори без явного свидетельства...» вводилась уголовная ответственность (с битьем кнутом и ссылкой на каторгу) за размещение лиц, не имеющих документов личности (пропускного письма), чтобы предотвратить проникновение иностранцев, прибывших в целях шпионажа (регулирование внешней миграции) или выявить сбежавших (помещичьих, монастырских и дворцовых) «дворовых лиц» (внутренняя миграция) [2, с. 264].

При императрицах Елизавете Петровне (1741–1761) и Екатерине II (1762–1796) осуществлялось интенсивное заселение крестьянами и иностранными подданными южных пустынных окраин России и «земель державы, добытых путем колонизации» [11, с. 18]. Эта необходимость была вызвана экономическими и оборонительными задачами, в т. ч. укреплением государственных границ.

¹ © Суюнчалиева О. Т., 2023.

В целях контроля перемещения иностранных граждан по территории империи на основании Манифеста Екатерины II от 1763 г. «О дозволении всем иностранцам, въезжающим в Россию, селиться в разных губерниях по их выбору, их права и льготы», утверждаются [16, с. 11]:

- Канцелярия опекунства иностранных;
- Приказ тайных дел;
- Поместный приказ и др.

Нововведением в системе государственных органов Российской империи по реализации миграционных задач стало создание в 1809 г. в Санкт-Петербурге и Москве Конторы адресов в составе городской полиции. 25 июня 1811 г. в Министерстве полиции формируется Особенная канцелярия, которая осуществляла секретное делопроизводство, выдачу паспортов, регистрацию иностранных поданных. Включала три отделения (стола):

- 1-й стол осуществлял наружное наблюдение и агентурную разработку населения пограничных губерний;
- 2-й стол исполнял «цензурные функции» в типографиях, книжных магазинах и лавках;
- 3-й стол надзирал за лицами без определенного места жительства и религиозными сектами.

Правовым источником осуществления паспортного режима являлся Устав о паспортах, о предупреждении преступлений, о цензуре, о содержащихся под стражей, и о ссыльных от 1833 г., согласно которого работающие по найму лица регистрировались в адресных конторах и получали «пресный билет» (печатные паспорта для купцов, мещан и крестьян (ст. 317 Устава), а домовладельцы обязаны сообщать о данных лицах, что может свидетельствовать о появлении основ современного регистрационного учета населения [1, с. 57].

Особенностью стало отделение основного населения Российской империи от категории лиц, которые имели судимость и находились под надзором полиции. Данной категории граждан выдавались «особые» паспорта, в которых делалась отметка об их судимости, и указывались места, в которых они не имели права появляться.

Заселение данной категории подданных империи осуществлялось в малонаселенные и сельские места, что объяснялось фактором «перевоспитания» судимых, поскольку в волостях отмечался низкий уровень преступности в связи с устойчивыми нравственно-религиозными принципами населения. Одновременно, государство преследовало экономическую цель, поскольку судимыми укреплялась производительная составляющая промышленных зон путем пополнения трудовыми ресурсами [8, с. 3].

С 1861 г., с целью заселения пустующих земель, интенсивно заселяются территории Дальнего Востока Российской империи как поданными государства, так и иностранцами с правом приобретения земли в собственность [14, с. 6].

Следует особо отметить, что к концу XIX в. в Российской империи стали осознавать тот факт, что миграция иностранных подданных и заселение ими территорий (в особенности в приграничной) может нанести урон государственности.

При осуществлении аграрной реформы П. А. Столыпина с 10 марта 1906 г., на основе Положения Совета министров «О порядке применения закона 1904 г. “О переселении”» [10, с. 14], из числа переселенцев (русских подданных) создавался «надежный русский оплот» на окраинах империи, чтобы воспрепятствовать заселению лицами из сопредельных азиатских стран и укрепить государственную целостность России [12, с. 289]. Основным направлением миграционной политики стал отказ от практики раздачи «повсеместной даровой земли» и вводилась продажа земли по заранее определяемой шкале расценок [6, с. 260].

Рассматривая истоки формирования оперативно-розыскной деятельности на Руси, отмечаем, что в 1649 г. принимается Соборное уложение, ставшее первым полным собранием законодательных актов, где нашли отражение формы (методы) розыскного процесса и система доказательств [3, с. 51]. Сыск начинался по анонимкам – «подметным письмам». Для розыска и задержания преступников широко использовалась рассылка на места «памятей» с указанием примет разыскиваемых (говоря современным языком, ориентировок).

В 1730 г. был создан Сыскной приказ, а в 1746 г. – Особая экспедиция по делам воров и разбойников. Деятельность сыщиков определялась рядом правовых актов:

- указом Сената «О беспрепятственном розыске, преследовании сыщиками воров, разбойников и их сообщников» (1711 г.);
- «Регламентом главного магистрата» (1721 г.);
- «Учреждением о губерниях» (1775 г.);
- «Уставом благочиния или полицейским» (1782 г.).

Однако борьба с общеуголовной преступностью не отличалась разнообразием методов сыска. Кроме уже перечисленных приемов дознания, они использовали обнаружение «воровской рухляди» (вещественных доказательств), анализ «язычной молки» – слухов.

В конце XVIII в. для раскрытия преступлений стали использоваться поисковые методы Э. Ф. Видока, такие как осведомительство (негласное наблюдение, организация притонов-ловушек и другие приемы), позволяющие обнаружить преступников, которые не могли быть изобличены обычными способами. Личный сыск использовался для получения информации случайных или постоянных осведомителей из местных жителей и дворников. Такие контакты были основаны на сугубо личных отношениях и документально не оформлялись [4].

Упоминание об использовании в сыске специальных «негласных» методов можно обнаружить в Инструкции следственной комиссии Третьего отделения, которая была создана на месте Особой канцелярии МВД в 1826 г. «Специальные средства» составляли «приемы Видока», а также для выявления и разоблачения преступников использовался специальный штат нижних полицейских чинов, которые производили поиск, искусно маскируясь под различные категории правонарушителей или обывателей [5, с. 17].

История уголовного сыска до 1866 г. интересна тем, что именно тогда были заложены основы будущей системы оперативно-розыскной деятельности. В правительстве окончательно сформировалось мнение о необходимости и целесообразности организации специальной полицейской службы – сыскной полиции.

В 1866 г. при канцелярии полицейского управления Санкт-Петербурга было создано первое сыскное отделение под руководством И. Д. Путилина, которое строилось на использование негласных методов. Так, Петербургская сыскная часть стала прообразом службы уголовного розыска в России [3, с. 50].

9 августа 1910 г. Министерство внутренних дел утвердило «Инструкцию чинам сыскных отделений», предусматривавшую в числе задач сыскных отделений негласное расследование преступлений общеуголовного характера. Одновременно устанавливалась структура отделений, отразившая основные методы их деятельности: использование наружного наблюдения и негласных сотрудников. Наружное наблюдение осуществляли штатные сотрудники – полицейские надзиратели и «филеры» (агентура наружного наблюдения) [17, с. 127].

Внутреннее наблюдение вели негласные сотрудники (негласная агентура), вербовавшаяся из представителей преступного мира, скупщиков краденого, хозяев воровских притонов, проституток. Кроме того, сыскная полиция пользовалась услугами лиц, которые по роду своих занятий имели возможность вести наблюдение за многими лицами: старьевщиками, разносчиками, посыльными, дворниками, извозчиками, железнодорожными служащими.

В основу работы сотрудников сыскных отделений был положен принцип специализации (линейный принцип). По данному принципу было установлено три вида специализации [9,12]:

- 1) убийства, разбои, грабежи и поджоги;
- 2) кражи и профессиональные воровские организации (конокрады, взломщики, карманные, магазинные, железнодорожные и т. п. шайки);
- 3) мошенничества, подлоги, обманы, фальшивомонетничество, подделка документов, шулеры, аферисты, контрабанда, продажа женщин в дома терпимости и за границу.

Думается (архивные документы этому подтверждение), что подготовка таких руководящих документов дореволюционной полиции, как «Положение об охранных отделениях» (1907 г.), «Инструкция по организации и ведению внутренней агентуры» (1908 г.), являются консолидированными правовыми актами, основанные на результатах обобщения и систематизации эмпирического опыта сыскной работы.

Совершенствовалась уголовная регистрация, увеличивалось количество ее объектов и их учетных признаков. Выделился специальный вид учета – негласный учет всех подозрительных лиц, профессиональных и непрофессиональных преступников, их организаций (шайки, банды), лиц, соприкасающихся с преступным миром, а также притонов и мест сборищ преступного элемента, проходящих по сообщениям осведомителей и донесениям разведчиков. Гласное добывание и проверка этих сведений (например, через участковых или в ходе облав), а также их открытая регистрация запрещались [13, с. 27].

Исследование основ формирования оперативно-розыскной деятельности в Российской империи, направленной в т. ч. и на борьбу с преступностью иностранных граждан, показало, что сложившейся формой стали разведывательно-поисковые методы, носящие преимущественно негласный характер. Правоохра-

нительными органами они взяты на вооружение вследствие особенностей постоянно мимикрирующей преступности (тайный характер подготовки и совершения преступлений, а также постпреступного поведения). Для получения оперативно-значимой информации о незаконных миграционных процессах привлекались негласному сотрудничеству дворовые, официанты, кучера, женщины «Домов терпимости», околоточные. Работали по заданию полиции и «филеры».

«Миграционные» преступления делились на три категории [3, с. 50]:

1. Преступления, связанные с нарушением миграционных правил:

- проживание без «адресного билета»;
- проживание в столице с просроченным паспортом;
- бродяжничество;
- несвоевременное предоставление свидетельства о праве поселения на территории империи иностранного подданного;
- не доведение полиции от содержателей гостиных домов сведений о лицах, прибывших на постой или житье.

2. Преступления по содействию лицам, нарушающим миграционные правила:

- укрывательство лиц без паспортов или вида на жительство;
- предоставление жилья без адресных билетов или с просроченными паспортами.

3. Преступления, связанные с подделкой документов:

- подделка паспорта, адресных билетов или видов на жительство;
- документов, необходимых для перехода границы;
- внесение изменений в документ о сроке или месте проживания;
- передача и использование другим лицом вида на жительство или паспорта;
- незаконная выдача паспортов.

Изучение процесса становления системы государственных органов, в т. ч. сыскных органов, позволило выявить особенности государственно-правового регулирования их деятельности в период Российской империи, которые заключаются:

- в осуществлении переселенческой политики, где акцент был сделан на внутреннюю миграцию и заселение малоосвоенных территорий;
- правоохранительной составляющей обеспечивающих мер по регулированию интеграционных потоков;
- осуществлении регистрационного контроля перемещения иностранных граждан по территории Российской империи, включая и проведение негласного (оперативного) контроля с привлечением агентурного аппарата;
- введении системы отбора переселенцев, где основными критериями выступали ремесленные навыки и отсутствие судимости.

Отмеченные аспекты позволяют определить систему государственных органов в сфере миграции в Российской империи как «совокупность специальных органов государственного управления, наделенных властными полномочиями по осуществлению функций: регулирования миграционных потоков, переселения иностранных граждан и подданных Российской империи на малонаселенные территории государства и подготовки статистических данных в сфере миграции,

в т. ч. с использованием негласных методов оперативно-разыскной деятельности» [15, с. 77].

Список литературы

1. Устав о паспортах, о предупреждении преступлений, о цензуре, о содержащихся под стражей, и о ссыльных от 1833 г. : свод законов Российской империи. СПб. : Типография II отделения собственной ЕИВ Канцелярии, 1857. С. 57.
2. Свод законов Российской империи. Свод учреждений и уставов таможенных. Т. 6. СПб., 1892. С. 264.
3. Борисов А. В., Малыгин А. Н., Мулукаев Р. С. Три века российской полиции. М., 2016. С. 50–51.
4. Буркова И. С. Подслушивать по закону // Областная газета. 2019. 3 апр.
5. Вакутин Ю. А. Способы маскировки преступного поведения. Омск : Высшая школа милиции МВД СССР, 1987.
6. Давыдов М. А. Очерки аграрной истории России в конце XIX – начале XX в. (по материалам транспортной статистики и статистики землеустройства) : монография. М., 2003. С. 260.
7. Ионцева Е. А. Опыт первой миграционной службы в России // Миграция и развитие (пятые Валентеевские чтения) : сборник статей. М. : Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 2017. С. 548.
8. Кабузан В. М. Эмиграция и реэмиграция в России в XVIII – начале XX в. : монография. М., 2018. С. 3.
9. Лапин Е. М. Об обязательном дактилоскопировании // Законность. 2016. № 9.
10. Пожигайло П. А. Столыпинская программа преобразования России (1906–1911) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. М., 2006. С. 14.
11. Рощин Ю. В. История развития государственного регулирования миграционных процессов в России // Миграционная политика. М., 2021. № 6. С. 18.
12. Столыпин П. А. Программа реформ. М., 2020. Т. 2. С. 288–289.
13. Смирнов М. П. Арсенал полиции – не свисток и дубинка // Юридический вестник. 1993. нояб.
14. Суслин Э. В. Правовое регулирование миграции и свободы передвижения в России в XIX–XX вв.: историко-правовое исследование : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01. М., 2019. С. 6, 13–14.
15. Суюнчалиева О. Т. Историко-правовые аспекты развития миграционных правоотношений // Труды Академии управления МВД России. 2013. № 1 (25). С. 74–77.
16. Хорева О. Б. Подходы к понятию миграции населения. Основы миграционной политики : учебно-методическое пособие / под общ. ред. И. Н. Барцица, В. К. Егорова, К. О. Ромодановского, М. Л. Тюркина. М., 2017. С. 10.
17. История полиции России : краткий исторический очерк и основные документы. М., 1998.

Трусов Н. А.¹,
*начальник кафедры конституционного
и международного права
Нижегородской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент*

ОТКАЗ ОТ РАВНОГО ГРАЖДАНСТВА КАК ПРАВОВОЕ ПОСЛЕДСТВИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО РЕФОРМИРОВАНИЯ И ОТЕЧЕСТВЕННОГО КОНСТИТУЦИОННОГО ОПЫТА

Тема гражданства в нашей стране до недавнего времени была условно актуальна потому, что исследования в этой области в основном актуализировались вопросами и проблематикой миграции, а собственно феномен и государственно-правовые закономерности, связанные с ним, оставались на обочине научного интереса. События в мировой и отечественной конституционных практик последних лет актуализировали научный интерес к рассматриваемому феномену, а сама проблематика гражданства, полагаем, требует сегодня пристального внимания исследователей.

Принцип равного гражданства воспринимается общественным мнением в нашей стране как само собой разумеющееся (справедливости ради отметим, что отечественная гуманитарная наука смотрит на это не так безапелляционно). Это и понятно, ведь не одно поколение россиян выросло на аксиоме о равенстве всех вне зависимости от пола, расы, национальности, религии... (далее по известному перечню), что вполне логично применялось и к институту гражданства. Суть принципа проста: все граждане Российской Федерации являются равными в правах (с одинаковым объемом прав и свобод) вне зависимости от оснований приобретения гражданства.

Принцип равного гражданства получил нормативное закрепление в ст. 6 Конституции Российской Федерации [1] и в ст. 4 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» (далее – Закон о гражданстве 2002 г.) [2]. До принятия указанных нормативных документов данный принцип был закреплен в ст. 2 Закона о гражданстве 1991 г. [3].

Однако кажущийся нам таким естественным принцип равного гражданства не является таким уж и естественным с точки зрения международной конституционной практики и исторического опыта – признание равного гражданства характерно для государств романо-германской правовой системы, где доминирующим принципом приобретения гражданства по рождению выступает принцип «права крови». Однако для стран англо-саксонской правовой системы, где доминирующим принципом приобретения гражданства по рождению выступает принцип «права почвы», гражданство (подданство) является не равным (это, конечно, общая закономерность, которая вследствие взаимовлияния правовых систем и обмена опытом имеет свои исключения).

¹ © Трусов Н. А., 2023.

Для иллюстрации возьмем «самую демократическую» страну современности – США: только рожденный в государстве может стать Президентом США, т. е. только те, кто приобрели гражданство США по рождению, могут претендовать на самую высшую должность (такое ограничение встречается и для ряда иных высших должностей). Значит, граждане США, которые были натурализованы, обладают меньшим объемом прав по сравнению с гражданами, которые стали таковыми вследствие рождения на территории страны. Налицо факт неравного гражданства. Повторимся, то, что нам кажется сегодня естественным, не означает, что и в других странах это также должно восприниматься.

В 2020 г. в России была реализована самая масштабная конституционная реформа за всю ее современную историю. Краеугольным результатом которой стало принятие пятого по счету Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» (далее – Закон о поправке 2020 г.) [4]. Согласно п. 15 ст. 1 данного Закона ст. 81 Конституции Российской Федерации была изложена в новой редакции. В частности были скорректированы требования к кандидатам в Президенты Российской Федерации. Теперь ч. 2 ст. 81 Конституции Российской Федерации закрепляет, что «Президентом Российской Федерации может быть избран гражданин Российской Федерации не моложе 35 лет, постоянно проживающий в Российской Федерации не менее 25 лет, не имеющий и не имевший ранее гражданства иностранного государства либо вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства» (выделено нами – Н.Т.). Можно, конечно, виртуализировать случаи, которые подпадают под указанную конституционную формулировку (не имеющий и не имевший ранее), однако логика подсказывает, что фактически речь идет о том, что теперь только рожденный в Российской Федерации может стать Президентом Российской Федерации, т. е. только те, кто приобрели гражданство Российской Федерации по рождению, могут претендовать на самую высшую должность. Повторимся, можно придумать исключение из данного умозаключения, но это будет исключение! Аналогия с США здесь напрашивается сама собой!

Нельзя не отметить, что речь идет только о начале процесса фактического отказа от принципа равного гражданства. Дело в том, что рассматриваемая норма Конституции Российской Федерации вступает в противоречие не только с положениями ст. 4 Закона о гражданстве 2002 г., но и с положениями ст.ст. 6, 19 и 32 Конституции Российской Федерации (табл.). Положения указанных статей не могут быть изменены иначе, как путем пересмотра всей Конституции Российской Федерации, поэтому в ближайшей перспективе процесс юридического оформления отказа от принципа равного гражданства пока будет заморожен.

**Закрепление принципа равного гражданства
в Конституции Российской Федерации и Законе о гражданстве 2002 г.**

	Статья	Норма статьи
Конституция Российской Федерации	ч. 1 ст. 6	Гражданство Российской Федерации ... является единым и равным независимо от оснований приобретения
	ч. 2 ст. 6	Каждый гражданин Российской Федерации обладает на ее территории всеми правами и свободами и несет равные обязанности, предусмотренные Конституцией Российской Федерации
	ч. 2 ст. 19	Государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, ..., а также других обстоятельств
	ч. 2 ст. 32	Граждане Российской Федерации имеют право избирать и быть избранными в органы государственной власти ...
	ч. 4 ст. 32	Граждане Российской Федерации имеют равный доступ к государственной службе
Закон о гражданстве 2002 г.	ч. 2 ст. 4	Гражданство Российской Федерации является единым и равным независимо от оснований его приобретения

Следует обратить внимание на тот факт, что фактическое неравенство гражданства стало закрепляться в отечественном законодательстве еще до конституционного реформирования 2020 г. за счет расширения оснований отмены решений о приобретении или восстановлении гражданства Российской Федерации. Так долгое время отечественное законодательство о гражданстве содержало, по сути, единственное основание для отмены решения о приобретении или прекращении гражданства Российской Федерации – «представление заявителем подложных документов или заведомо ложных сведений» (ст. 22 Закона о гражданстве 2002 г.). Федеральным законом от 29 июля 2017 г. № 243-ФЗ [5] содержание данного основания было существенно расширено. Теперь к представлению подложных документов или заведомо ложных сведений относится:

- приобретение российского гражданства с целью осуществления деятельности, представляющей угрозу основам конституционного строя Российской Федерации, а не намерение нести обязанности, установленные законодательством Российской Федерации для граждан Российской Федерации;

- установленный вступившим в законную силу приговором суда факт совершения лицом хотя бы одного из преступлений (приготовления к преступлению или покушения на преступление), предусмотренных ст.ст. 205, 205.1, ч. 2 ст. 205.2, ст.ст. 205.3–205.5, 206, 208, ч. 4 ст. 211, ст.ст. 281, 282.1–282.3 и 361

Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), либо хотя бы одного из преступлений (приготовления к преступлению или покушения на преступление), предусмотренных ст.ст. 277–279 и 360 УК РФ, если их совершение сопряжено с осуществлением террористической деятельности.

Другими словами, граждане Российской Федерации, которые приобрели гражданство по рождению, за свою деятельность по подрыву основ конституционного строя России, совершение преступлений террористического или экстремистского характера, российское гражданство потерять не могут, а граждане Российской Федерации, которые стали таковыми в результате натурализации, за те же самые деяния гражданство потеряют. Другой пример связан с текущей военно-политической обстановкой в России. Граждане Российской Федерации, которые приобрели гражданство по рождению, убежали от мобилизации за границу, не исполнили, по сути, единственную позитивную обязанность защиты Отечества, так и останутся российскими гражданами, а граждане Российской Федерации, которые стали таковыми в результате натурализации, за те же самые деяния российское гражданство потеряют (на практике эта норма закона пока не применяется). Вряд ли при таком подходе можно говорить о равном гражданстве!

В действительности отсутствие равного гражданства не является чуждым нашему отечественному историческому опыту. Так, в законодательстве царской России о подданстве принцип равенства не устанавливался. Это было обусловлено тем, что в России в то время глубоко укоренились сословные различия. Подданные подразделялись на следующие сословия [6, с. 200; 7, с. 26]:

- дворяне;
- духовенство;
- городские обыватели (в них входили: почетные граждане, купцы, мещане и цеховные);
- крестьяне;
- финляндские обыватели.

В. Б. Николаев отмечает, что в России XVIII в. натурализованные иностранцы не становились полноправными подданными, они образовывали в государстве особый слой «полуиностранцев-полуподданных» – класс неполноправных граждан или привилегированных иностранцев [8, с. 16–17]. Принадлежность к той или иной категории подданных была связана с различиями в правах и обязанностях. Основные привилегии в правах и обязанностях предоставлялись дворянам [9, с. 64].

Учитывая международную конституционную практику, а также имеющийся отечественный исторический опыт не видим ничего предрассудительного в том, что в перспективном будущем отечественная конституционная практика будет оперировать статусами граждан Российской Федерации с разными по объему правами, свободами и обязанностями.

В качестве ближайших перспектив по развитию условий и факторов, способствующих фактическому отказу от равного гражданства, можно прогнозировать предоставление привилегированного статуса участникам специальной военной операции на Украине (далее – СВО).

Своеобразным рубиконом в государственном строительстве России, да и всего мироустройства, стало начало 24 февраля 2022 г. СВО. Наше общество фактически разделилось на три группы:

1) поддерживающие СВО (готовые бороться с неофашизмом на Украине и защитить людей на Донбассе, оказывающие гуманитарную поддержку нашим подразделениям);

2) отрицающие СВО (считающие, что фашизма на Украине нет, не желающие помогать государству в его борьбе по демилитаризации и денацификации Украины и препятствующие этому «как словом, так и делом»);

3) «молчуны» (выбрали ожидательную позицию, официально никак не идентифицировали свое отношение к СВО «ни словом, ни делом»).

Патриотически настроенная часть российского общества (первая группа) решительно поддержала решение главы государства. В зоне СВО боевые действия ведутся как профессиональными военными Российской Федерации, так и сотрудниками Росгвардии, федеральных органов исполнительной власти правоохранительной направленности, мобилизованными гражданами Российской Федерации и добровольцами. Многие тысячи граждан уже никогда не вернуться домой, многие тысячи таких граждан навсегда останутся инвалидами, и их жизнь уже никогда не будет как прежде, она не будет полноценной в полном смысле этого слова. Значительная часть второй и третьей групп сбежала, покинула страну, лишь бы не воевать за «это» государство, за «эту» власть! По разным данным число таких граждан находится в пределах от 300 до 700 тыс. чел. При этом все эти граждане от «этого» государства и от «этой» власти получали (опосредовано, через родителей и пр.) социальные пособия и выплаты, бесплатное среднее и высшее образование, возможности трудоустройства и развития, иные «бонусы» социального государства (например, семейный капитал по рождению детей, землю под индивидуальное жилищное строительство и пр.). Но как только встал вопрос об исполнении по сути единственной позитивной обязанности – защиты Отечества, – они убежали! Оказывается, они вдруг стали ничего не должны этому государству!

На пространствах Интернета вспыхнули жаркие споры кто должен ехать на СВО, а кто не должен, почему надо ехать и какие причины отказа. Подобного рода суждения детерминировали общественную дискуссию о том, для кого «это» государство, и кто нужен ему? Кто готов отдать жизнь за Родину и что может сделать Родина для своих защитников? Вопрос о правовой и социальной защите своих подлинных защитников Россия начала решать. Сегодня мы уже можем говорить:

- о государственном страховании;
- жилищном обеспечении;
- гарантии трудовых прав;
- системе льгот по налогообложению, медицинскому обеспечению, компенсации жилищно-коммунальных расходов и прочим социально-экономическим привилегиям.

Однако сущностные изменения, как нам кажется, состоят в том, что государство стало осознавать, что ему нужна новая элита. Термин «элита» (франц. *élite* –

избранный, лучший) в разные исторические эпохи России был наполнен разными смыслами: от условно положительных до условно отрицательных. В общественном сознании коннотация термина на современном этапе после «отпечатка» социально-экономических событий 90-х гг. XX в. носит больше отрицательный оттенок, однако события февраля 2022 г. поставили вопрос о «смене полюсов» соответствующего восприятия.

Основу будущей новой формирующейся элиты нашего государства должны стать служилые люди, патриоты своей страны, своей Малой и Большой Родины, защитники ее народа и «русского мира». Кто эти люди? Это, прежде всего, те, кто сейчас находится в зоне СВО, кто несет военную службу в рядах Вооруженных Сил Российской Федерации, кто служит в правоохранительных органах. Русский офицер – должно вновь стать гордым званием!

Этим людям, как новой формирующейся элите нашего общества, должны быть предоставлены соответствующие привилегии. За примерами далеко ходить не надо, можно посмотреть и на имеющийся отечественный опыт, например, на основные привилегии в правах и обязанностях дворян Российской империи, которые заключались в следующем [9, с. 64–65]:

- в преобладании в земском самоуправлении;
- исключительном праве на занятие определенных государственных должностей и в преимуществе перед лицами других сословий при назначении на иные должности, например, земских начальников;
- льготах по землевладению;
- корпоративной организации, имеющей ряд прав общегосударственного значения;
- поступлении в привилегированные учебные заведения.

Безусловно, здесь может быть поставлен вопрос о разных статусах граждан Российской Федерации.

Таким образом, на примере дворян Российской империи у нас есть свой собственный опыт функционирования института гражданства с разными по объему правами и обязанностями.

Заметим, что отдельные кирпичики этого «большого пазла» уже есть. Так, ст. 16 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [10] содержит перечень ограничений, когда гражданин не может быть принят на гражданскую службу, а гражданский служащий не может находиться на гражданской службе. 2 июля 2013 г. Федеральным законом № 170-ФЗ данный перечень был дополнен самостоятельным п. 11 – признания гражданина не прошедшим военную службу по призыву, не имея на то законных оснований, в соответствии с заключением призывной комиссии (за исключением граждан, прошедших военную службу по контракту) [11].

Этим же законом и идентичным по содержанию положением была дополнена ст. 13 Федерального закона от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» [12], содержащая перечень ограничений, когда гражданин не может быть принят на муниципальную службу, а муниципальный служащий не может находиться на муниципальной службе.

В качестве заключения выскажем убеждение в том, что институт гражданства в своем развитии будет все больше политически окрашен, приобретая черты политико-правового института. Значимость политического контекста будет возрастать с развитием отечественной государственности.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 2020. 4 июля.
2. Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 22. Ст. 2031.
3. Закон Российской Федерации от 28 ноября 1991 г. № 1948-1 «О гражданстве Российской Федерации» // Российская газета. 1992. 6 февр.
4. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 11. Ст. 1416.
5. Федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 243-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О гражданстве Российской Федерации” и статьи 8 и 14 Федерального закона “О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации”» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 31 (ч. I). Ст. 4792.
6. Градовский А. Д. Начало русского государственного права. Т. 1. О государственном устройстве. СПб. : типография М.М. Стасюлевича, 1875.
7. Коркунов Н. М. Русское государственное право. Том 1. Введение и общая часть. 3-е изд., перераб. СПб. : типография М.М. Стасюлевича, 1899.
8. Николаев В. Б. Подданство Российской империи: его установление и прекращение: историко-правовой анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. Нижний Новгород, 2008.
9. Понизова Е. В. Институт гражданства в монархической России // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2011. № 3. С. 57–73.
10. Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 31. Ст. 3215.
11. Федеральный закон от 2 июля 2013 г. № 170-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части реализации мер по повышению престижа и привлекательности военной службы по призыву» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 27. Ст. 3462.
12. Федеральный закон от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 10. Ст. 1152.

Трусов Д. П.¹,
курсант 301 учебного взвода
Института подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: **Буравлева А. К.,**
заместитель заведующего
кафедрой иностранных языков
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ИХ ПРЕДЕЛЫ: ПРАВОВЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ КОНСТИТУЦИИ ДЛЯ ЕВРОПЫ

В Договоре 2004 г. о введении в действие Конституции Европы Европейский Союз (далее – ЕС) сделал смелый шаг к объединению всего континента. Ключевым документом этого события является ч. II Договора – Хартия основных прав человека, где впервые устанавливается подробная система правовой защиты граждан ЕС посредством осуществления деятельности различных профсоюзов. Независимо от того, рассматривается ли Европейская Конституция просто как «инструмент по наведению порядка» или как «проект европейского сверхгосударства», решать этот вопрос было весьма непросто [6]. Документ усиливает процесс интеграции, расширяя его за счет присоединения новых членов ЕС.

Ограничения права при определении его юридического содержания также важны, как и его объем [5], поскольку практически ни одно право не абсолютно в свете необходимости сбалансировать индивидуальные интересы и требования общественной жизни. С момента самых первых формулировок документов о правах человека и гражданина юристам приходилось толковать ограничения этих прав. Например, могут ли международные гарантии быть отменены внутренними мерами в случае права, гарантированного только национальным законодательством или в его рамках?

Таким образом, доктрина ограничений прав возникла в контексте общей доктрины основных прав. Конкретные гарантии прав привязаны к контексту и тексту конкретного документа, отражающего как права, так и ограничения. Тем не менее, различные национальные, региональные и универсальные гарантии взаимно дополняют друг друга.

Раздел 36 ст. 52 Хартии основных прав ЕС, ныне ст.ст. 11–112 Конституции Европы, отражает это наследие, пытаясь согласовать толкование прав, закрепленных в Хартии, с судебной практикой в области прав в рамках ЕСПЧ и общими национальными конституционными традициями. Раздел 1 этого общего положе-

¹ © Трусов Д. П., 2023.

ния об ограничении прав Хартией ссылается на категории ограничений, вытекающих как из национальных конституций, так и из текста ЕСПЧ и других каталогов прав, таких как Международный пакт Организации Объединенных Наций о Гражданских и политических правах (МПГПП).

Поэтому уместно сначала представить природу этой новой Европы, как она видится и определяется новой Конституцией. Конституционализация сообщества в целом характеризуется как «укрепление структур, определение интересов сообщества и создание прав для отдельных лиц и защита таких прав от нарушения Конституции». Традиционное понятие «Конституции» – это концепт «основного закона государства», «руководящего закона страны» или «основного закона общества», относящегося таким образом к основополагающему документу национального государства, стремящегося к самоуправлению и претендующего на высший уровень власти.

В настоящее время это притязание на «высшую власть» обычно требовало, чтобы она была легитимной, процесс конституционализации был добровольным актом, предполагающим непосредственное участие народа. Как правило, Конституция воплощена в письменном тексте, и большинство государств – членов ЕС действительно имеют письменную конституцию. Международные организации (такие как Международная организация труда или Всемирный почтовый союз) также могут быть созданы на основе Конституции. Следовательно, простое наличие базового документа, обозначенного как Конституция, мало что говорит о существующей или прогнозируемой природе ЕС.

Более широкое, функциональное определение Конституции, однако, позволило бы включить специальные правовые акты, формирующие политическое сообщество за пределами национального государства, посредством обозначенных выше интеграционных процессов. В Европе процесс конституционализации, по видимому, запущен.

Что касается интеграционных процессов осуществления законодательных полномочий и судебного контроля, доктрины «прямого действия» и «превосходства» европейского права над национальными законами, хотя иногда и оспариваемые национальными конституционными судами, были установлены с первых лет существования Сообщества. По мнению сторонников Договора, формализация Европейской Конституции не только упрощает и реорганизует существующие договоры, но и дает более четкое представление о природе Союза, делая его более прозрачным, эффективным и основанным на широком участии [3]. Проще говоря, Конституция для Европы радикально реформирует ее институты [2, с. 97–101]. Несмотря на различные изменения, документ в целом остается последовательным, а самое главное, что он ускоряет трансформацию преимущественно дипломатической европейской системы в мощную систему принятия политических решений.

Существуют и другие мнения, рассматривающие Конституцию Европы как просто еще один шаг в постепенном процессе европейской конституционализации, поскольку уже существует «материальная» Конституция, занимающая цен-

тральное место в правовой и институциональной структуре европейских сообществ и ЕС [1]. Итак, является ли эта новая Конституция для Европы реальной Конституцией?

Даже в рамках традиционной концепции как основополагающего документа государства практически всегда присутствует один элемент: каталог основных прав личности. Конституция ЕС не только укрепляет структуры Союза для принятия решений, но и формулирует систему ценностей ЕС. Интегрируя «старые порядки» в Хартию основных прав, Конституция ЕС делает эти общие ценности «более заметными» и доступными для судебного разбирательства [4, с. 1–5].

Это добавляет еще один пласт к многоуровневому конституционализму, который защищает права человека в Европе. В свете будущего расширения ЕС защита основных прав, вероятно, станет важной составляющей переговоров со странами-кандидатами. Кроме того, ст. 1-9 (2) Конституции предусматривает присоединение ЕС к Европейской конвенции по правам человека, что приведет к осуществлению внешнего контроля за руководством Союза.

Самое главное, что ограничения прав личности по отношению к властям Союза усилят восприятие европейскими гражданами того, насколько они связаны с процессом европейской интеграции.

Таким образом, можно обобщить все вышесказанное и прийти к общему выводу, что ограничения прав в Хартии основных прав Европейской Конституции представляют собой совокупность стандартов, разработанных в целях предписания и применения национальных конституционных законов, Европейской конвенции о правах человека и других международных документов.

Их общая формулировка в ст.ст. 11–112, возможно и не соответствует проблематике пределов, но она отражает озабоченность гражданского права по поводу ограничения государственной власти формальным и существенным, а также общим и абстрактным образом.

Суды, в частности Европейский Суд, призваны наполнить содержанием довольно туманные концепции формальных ограничений, таких как «предусмотренные законом», и существенных ограничений, таких как принцип пропорциональности, который является инструментом укрепления судов. Конкретные или контентные ограничения, применяются к конкретным гарантиям по всему документу, отражая уникальные исторические угрозы и отлаженный баланс прав с интересами общества и потребностями других.

Имеется богатый свод отечественной и международной судебной статистики, позволяющий придать смысл как содержанию, так и ограничениям в новой Хартии, поскольку многие термины, выбранные для определения и ограничения прав человека, являются знакомыми понятиями.

Кроме того, многоуровневому характеру правления в Европе противостоят многоуровневые каталоги прав, в которых рекомендуется проявлять сдержанность при осуществлении агрессивного переосмысления содержания и пределов прав. Хартия является важным новым элементом Конституции Европы. Она основана на мудрости веков, простирающейся далеко за пределы ее географических границ и черпающей силу, в частности, из богатого и глубокого источника

американского Билля о правах. Его толкование должно адекватно учитывать этот ценный запас унаследованных предписаний и толкований.

Список литературы

1. Castiglione, Dario Notes on the constitutional process in the EU 2-4 // Queen's Papers on Europeanisation. 2002. №. 5.
2. Franklin Dehousse, Wouter Coussens, The Enlargement of the European Union: Opportunities and Threats. Studia diplomatica. 2001.
3. Habermas, Jirgen, Why Europe Needs a Constitution, 11 NEW LEFT REV. 5, 8. 2001. Available at <http://newleftreview.net/PDFarticles/NLR24501>.
4. Henkin, Lons, The age of Rights. Columbia University Press, 1990. P. 1–5.
5. Klein, Eckart The Position under International Law \ Before reforms: Human rights in the Warsaw pact states, 1971–1988 / Ed. by Georg Brunner et al. New York : St. Martin's press, 1990. XXIV.
6. Simon Jeffery Q. A: The European Constitution, Guardian unlimited, at <http://www.guardian.co.uk/theissues/article/0,6512,1092917,00.html> (Nov. 25, 2003).

Усанов Д. О.¹,

заместитель начальника полиции

УМВД России по Василеостровскому району

г. Санкт-Петербурга

ВЛИЯНИЕ ИЗМЕНЕНИЙ В КОНСТИТУЦИОННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

В современных условиях мероприятия по обеспечению прав и свобод человека и гражданина остаются, по-прежнему приоритетным направлением в деятельности органов внутренних дел. Можно предположить, что успешной реализации способствует увеличение численности органов внутренних дел до 922 тыс. чел. в 2023 г. [1]. В тоже время количественные показатели не могут в полной мере предопределять эффективность правозащитной функции ОВД на современном этапе. Обязательным элементом в механизме обеспечения прав и свобод человека и гражданина являются нормы как российского, так и международного права, закрепляющие, с одной стороны, систему прав личности и пределы государственного вмешательства, а с другой – позволяющие сотрудникам правоохранительных органов осуществлять меры по защите прав личности. В рамках настоящего выступления обозначим некоторые особенности современной правовой ситуации, связанные с изменениями в конституционном законодательстве в сфере прав и свобод, а также полномочий органов исполнительной власти в данной области.

Очевидно, что фундаментом деятельности сотрудников ОВД по обеспечению прав и свобод являются положения гл. 2 Конституции Российской Федерации. Обладающие особой юридической силой, они не подверглись пересмотру, ревизиям и новациям последних лет, сохранив за собой характер императива для всех субъектов конституционно-правовых отношений. Некоторые нормы сохранили свое прямое действие (ст. 51). Большинство из них соответствуют нормам-принципам международного права, ратифицированным еще в советский период [2]. Однако многие положения настоящей главы конкретизируются в федеральном законодательстве, более подробно регламентирующем реализацию тех или иных прав и свобод населения Российской Федерации, а также допускающем возможность их обоснованного ограничения со стороны правоохранительной системы.

Приоритетом для подразделений органов внутренних дел, прежде всего полиции, остается обеспечение безопасности граждан, гарантом которой выступает современное российское государство [3]. Безопасность сегодня предусматривает защиту большинства личных прав, среди которых выделим:

- на жизнь;
- достоинство личности;
- неприкосновенность личности;
- неприкосновенность частной жизни.

¹ © Усанов Д. О., 2023.

В современных реалиях общественная и личная безопасности не являются пустым звуком, а выступают в качестве безусловного императива, что требует создания соответствующей правовой основы для сотрудников полиции.

Определенным шагом в этом направлении стало расширение полномочий российских правоохранителей путем внесения соответствующих поправок в Федеральный закон «О полиции» [4]. За сотрудниками полиции было закреплено право на проникновение в жилые и иные помещения, на земельные участки и территории для задержания лиц, застигнутых на месте совершения преступления или скрывающихся с него, а также лиц, на которых потерпевшие или очевидцы указывают как на совершивших преступление. С этой же целью допускается вскрытие транспортного средства. Данные положения корректирует правоприменение в сфере обеспечения права на неприкосновенность жилища, допуская его ограничение. Полицейские получили также право на досмотр граждан, их личных вещей и транспорта не только при возможном наличии оружия, наркотиков и других запрещенных веществ, но и при наличии оснований полагать, что они «скрывают предметы хищения».

В обеспечении прав и свобод человека и гражданина органами внутренних дел в настоящее время выделяется защита прав несовершеннолетних, становящихся жертвами как физического, так и психического насилия. Конституционное положение о детях как приоритете государственной политики (ст. 67.1 Конституции Российской Федерации) дополняется в настоящее время ответственностью за нарушение данной нормы, предусматривающей запрет на пропаганду среди несовершеннолетних нетрадиционных сексуальных ценностей [5]. В компетенцию полиции будет входить определение мер административной ответственности к правонарушителям.

Включение в Конституцию Российской Федерации положения о защите семьи, материнства, отцовства и детства (п. 1 ч. 1 ст. 72) имело важное значение в 2020 г., но во многом оказалось декларативной нормой [6]. В настоящее время проблема бытового (домашнего) насилия и необходимость защиты прав потенциальных жертв такого насилия, с которым часто сталкиваются сотрудники полиции в своей практической деятельности остается проблемой по причине отсутствия соответствующей законодательной базы на что обращали внимание как отечественные, так и межгосударственные судебные органы [7].

В современных условиях обеспечение органами внутренних дел некоторых конституционных прав и свобод имеет свою специфику. В частности, право каждого собираться мирно и без оружия (ст. 31 Конституции Российской Федерации), развиваемое в Федеральном законе № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях», предусматривает сегодня определенные ограничения со стороны государства [8]. В частности, новеллой от 5 декабря 2022 г. стало определение перечня мест, в которых не допускается проведение публичных мероприятий:

- здания и территории речных, морских, железнодорожных и автомобильных вокзалов и станций, аэропортов, морских, речных портов, пристаней;
- здания и территории образовательных, медицинских организаций, а также социальной защиты населения, детские и спортивные площадки;

- здания органов публичной власти;
- культовые помещения, места паломничества.

Сделаем вывод, что на современном этапе деятельность полиции по обеспечению прав личности исходит из существующего отраслевого законодательства. Нормы конституционного права являются вектором, определяющим взаимодействие органов внутренних дел и общества. В настоящее время законодатель пошел по пути включения в конституционное законодательство запретительных норм, что во многом предопределено политическими реалиями и может рассматриваться как вынужденная мера.

Список литературы

1. Указ Президента Российской Федерации от 5 декабря 2022 г. № 878 «Об установлении предельной штатной численности органов внутренних дел Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202212050104?index=0&rangeSize=1>.
2. Конвенция от 22 мая 1995 г. «О ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин» : принята ООН 18 декабря 1979 г. : ратифицирована СССР 19 декабря 1980 г. // Ведомости ВС СССР. 1982. № 25. Ст. 464.
3. Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>.
4. Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 424-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О полиции”» : принят Государственной Думой 8 декабря 2021 г. : одобрен Советом Федерации 15 декабря 2021 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>.
5. Федеральный закон от 5 декабря 2022 г. № 479-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» : принят Государственной Думой 24 ноября 2022 г. : одобрен Советом Федерации 30 ноября 2022 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>.
6. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» : принят Государственной Думой 11 марта 2020 г. : одобрен Советом Федерации 11 марта 2020 г. URL: <http://pravo.gov.ru>.
7. Федеральный закон от 19 июля 2004 г. № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» (ред. от 05.12.2022) : принят Государственной Думой 4 июня 2004 г. : одобрен Советом Федерации 9 июня 2004 г. // Российская газета. 2004. № 131. 23 июня.
8. Обзор практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека // подготовлен Верховным Судом Российской Федерации. 2020. № 6. URL: <http://www.vsrfr.ru/>.

Хазова В. Е.¹,

*доцент кафедры гражданского и трудового права,
гражданского процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук*

Куликов К. Ю.²,

*курсант 3207 учебного взвода
Института подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ПРИНЦИПЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ АДМИНИСТРАЦИИ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ С ОРГАНАМИ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Необходимые условия, развитие системы публично-властных отношений и организации органов публичной власти, ее функционирование и основные направления взаимодействия, отражены в Конституции Российской Федерации, как одни из основ конституционного строя современной России [1].

В литературе направления взаимодействия Администрации Президента Российской Федерации с органами государственной власти подразделяют на общие и специальные [4; 9; 11]. На общих принципах взаимодействия строится организация и функционирование всей системы государственной власти, т. к. данные принципы определяют деятельность Администрации главы государства и всех органов публичной власти. Они являются общеправовыми и содержатся во многих правовых актах, их реализация в практическом плане определяет общую характеристику российского государства, как демократических, правовых с республиканской формой правления, одна из целей которых направлена на развитие и защиту прав и свобод человека и граждан [17].

К общим принципам взаимодействия Администрации Президента Российской Федерации следует относить [18]:

- законности при осуществлении государственно-властных полномочий;
- гласности и открытости государственно-властных структур для общества и граждан;
- приоритета в реализации государственных полномочий прав и свобод человека и гражданина;
- разделения властей;
- единства системы государственной власти, ее вертикаль;
- федерализма.

¹ © Хазова В. Е., 2023.

² © Куликов К. Ю., 2023.

К специальным принципам, на которых строится именно взаимодействие Администрации Президента Российской Федерации относятся:

- единства государственной власти;
- разграничения подчиненности и четкой вертикали в принятии решений;
- ответственности;
- разграничения предметов ведения и полномочий;
- федерализма (сочетание централизации и децентрализации);
- плановости.

При этом возможно выделение и некоторые другие принципы, но т. к. основная задача данной статьи, заключается не в рассмотрении всех принципов деятельности Администрации Президента Российской Федерации, а в рассмотрении основ взаимодействия в системе публичной власти России.

Основным началом в реализации данных принципов выступает их системность реализации в практическом воплощении, а основная цель – обеспечение целостности и стабильности системы органов публичной власти при ее функционировании и взаимодействии внутри системы власти.

В отношении правового закрепления принципов взаимодействия и функционирования Администрации Президента Российской Федерации в литературе также нет единства мнений. Одни авторы считают, что такими принципами могут быть только те, которые закреплены в законе в специальной норме [8]. Такой подход следует считать «узким». Сторонники иного подхода – «широкого», утверждают, что принципы могут и должны закрепляться не только в специальных нормах, но и вытекать из «духа» права, конституционного или правового обычая, судебной практики сложившихся правоотношений, т. е. косвенно закреплены в нормах права [2; 12; 15].

Позиция юристов Администрации Президента Российской Федерации сводится к публичной защите не только принципов права, но и государственных (общественных) интересов в области функционирования электроэнергетики [10].

В этой работе задействовано большинство управлений Администрации Президента Российской Федерации [13]:

- Главное государственно-правовое управление;
- Главное управление по внутренней политике;
- Главное территориальное экономическое управление;
- управление кадров.

Стоит отметить, что основной массив работы выпадает на долю Главного государственно-правового управления. Во-первых, оно проводит экспертизу всех законопроектов, вносимых от имени Президента Российской Федерации в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации, указов и распоряжений Президента Российской Федерации и руководителя Администрации Российской Федерации, всех распоряжений, издаваемых в ней.

Вся законотворческая деятельность Президента Российской Федерации обычно рассматривается в качестве наиболее эффективного средства воздействия главы государства на законодательную деятельность обеих палат Федерального Собрания Российской Федерации.

По итогам заседаний Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации полномочным представителем направлялась оперативная информация Администрации Президента Российской Федерации, где указывались особенности прохождения федеральных законов, их одобрение или отклонение, сведения о результатах рассмотрения других вопросов.

Следующим важным направлением взаимодействия Администрации главы Российского государства является оперативный контроль деятельности федеральных органов исполнительной власти. Отчет об итогах его реализации ежегодно отражается и докладывается Президенту Российской Федерации. Результаты действий органов государственной власти и показатели социально-экономического развития страны в целом свидетельствуют об эффективности принятых мер по выполнению послания главы государства [14].

Обратимся к основным принципам взаимодействия Администрации Президента Российской Федерации. Система правовых принципов организации и деятельности государственных органов включает в себя производные принципы, которые базируются на системообразующих началах и закладывают правовую основу для организации и деятельности отдельных звеньев государственного аппарата, в том числе Администрации Президента Российской Федерации. Так, принцип выборности и назначаемости вытекает из принципа народовластия. К их числу относятся также принципы коллегиальности и единоначалия, составляющие основу функционирования государственных органов [3].

Применительно к вспомогательным государственным органам Б. С. Эбзеев выделяет также принцип единства, т. е. они не существуют отдельно от основного органа, деятельность которого они обеспечивают [6].

Подводя общий итог, отметим, что Администрация Президента Российской Федерации по основным конституционно-правовым характеристикам, а также принципам своей работы отвечает требованиям государственного органа.

По нашему мнению, требуется формирование четкого правового механизма и процедур взаимодействия Администрации Президента Российской Федерации с органами публичной власти (установление на уровне подзаконного регулирования процедур взаимодействия, субъектов, определения заинтересованных органов, механизма участия общественности и общественных институтов) в сфере функционирования системы власти [7]. Последовательная реализация выше рассмотренных принципов в деятельности федеральных органов исполнительной власти является важнейшим условием для стабильной и успешной работы [5]. Такая работа связана с осуществлением текущего управления государством в рамках практической реализации задач и функций Администрации Президента Российской Федерации как главы государства.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 2020. 4 июля.

2. Атаманчук Г. В. Теория государственного управления. М. : Юридическая литература, 2003.
3. Конституционное право России : учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / [Ю. Г. Бабаева и др.]. М. : Юнити-Дана, 2022.
4. Бахрах Д. Н. Важные вопросы науки административного права // Государство и право. 2009. № 2. С. 18.
5. Васильева Л. Н. Гармонизация сферы межэтнических отношений: концептуальные подходы // Государственная власть и местное самоуправление. 2014. № 2.
6. Конституционное право России : учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / [Г. А. Гаджиев и др.]. 12-е изд., перераб. и доп. М. : Юнити-Дана, 2022.
7. Трансформация публично-правового регулирования местного самоуправления в условиях конституционной реформы / [А. Н. Дементьев и др.]. М., 2023.
8. Дмитриев Ю., Журавлев А. Указы Президента в системе законодательства // Президент. Парламент. Правительство. 1998. № 1. С. 11–13 ; Кочергин Е. А. Основы государственного управленческого контроля. М, 2000. С. 73.
9. Пронина В. С. Правовое регулирование органов исполнительной власти // Журнал российского права. 2015. № 2. С. 32.
10. Полянский В. В. Состояние и перспективы развития науки административного права («Лазаревские чтения») // Государство и право. 2014. № 11. С. 46.
11. Сивакова И. Н. Федеральные органы исполнительной власти в России: конституционно-правовой аспект : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02. М., 2004. С. 36.
12. Сивакова И. Н. Место и роль федеральных органов исполнительной власти в механизме государства // Труды Камчатского филиала Дальневосточного государственного университета. 2004. Вып. 2. С. 114–120.
13. Указ Президента РФ от 25 марта 2004 г. № 400 «Об Администрации Президента Российской Федерации» (ред. 02.10.2018) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 13. Ст. 1188.
14. Указ Президента Российской Федерации от 6 апреля 2004 г. № 490 «Об утверждении Положения об Администрации Президента Российской Федерации» (ред. 25.04.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 15. Ст. 1395.
15. Умнова И. А. Как обеспечить единство законодательной и исполнительной власти в условиях Федерации // Журнал российского права. 1998. № 4/5.
16. Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (ред. от 14.03.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 52 (ч. I). Ст. 8973.
17. Хазов Е. Н. Конституционные гарантии прав и свобод человека и гражданина в России. Теоретические основы и проблемы реализации. М., 2013.
18. Конституционное право России : учебно-методическое пособие / [Е. Н. Хазов и др.]. М., 2017.

Цируль О. В.¹,
*преподаватель кафедры русского языка
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат педагогических наук*

ЯЗЫКОВАЯ АДАПТАЦИЯ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: ПРОБЛЕМЫ, ПУТИ РЕШЕНИЯ

Международная миграция – естественный процесс, движущим фактором которого является желание найти лучшие условия жизни, стабильную работу, получить образование в престижных вузах, устроиться на высокооплачиваемую работу. Миграция, в целом, носит положительный характер [6]:

- государство получает недорогую рабочую силу;
- заполняются рабочие места, от которых отказывается местное население;
- население омолаживается за счет притока молодых мигрантов и их детей.

Попадая в иную социокультурную среду, человек пытается приспособиться, адаптироваться к новым условиям жизни, ценностям, традициям. Важнейшую роль при этом играет языковая адаптация, которая предполагает, во-первых, приобретение коммуникативных умений и навыков, во-вторых, освоение языка принимающего государства как языка социально-культурной адаптации. Эти процессы регулируются и контролируются государственным миграционным законодательством.

В начале 90-х гг. XX в., когда Российскую Федерацию захлестнул миграционный поток граждан бывших союзных республик, не существовало серьезных проблем языковой адаптации, т. к. все прибывающие в той или иной степени владели русским языком. Позднее, когда миграция в России приняла ярко выраженный социально-экономический характер, органам местного самоуправления пришлось решать множество проблем в сфере социальной, культурной и, в первую очередь, языковой адаптации иностранных граждан.

Нельзя забывать, что существует незаконная миграция, и ежегодно ее процент в общем количестве увеличивается. Следствием становится создание достаточно замкнутых этнических сообществ со своей социально-культурной средой. Это самый неблагоприятный вариант языковой адаптации, т. к. коммуникативное взаимодействие иностранных граждан с российской действительностью происходит на уровне трудовой деятельности, которая требует минимального словарного запаса, в социально-бытовой сфере их общение происходит в своем замкнутом сообществе, на уровне национальных культурно-языковых традиций. Адаптация как целенаправленная деятельность различных государственных органов, негосударственных образований, общества в целом, направленная, в первую очередь, на оптимизацию взаимоотношений прибывшего трудового мигранта с принимающим обществом, максимальное его включение в жизнь

¹ © Цируль О. В., 2023.

этого общества с соблюдением интересов принимающего общества, требует активной позиции иностранного гражданина, его настроенности на социально-культурное взаимодействие [1]. Таким образом, полноценное изучение русского языка исключается, знакомство иностранного гражданина с российскими культурными традициями, законодательством также происходит на минимальном уровне.

Законодательно была закреплена первоочередная задача государства – создание инфраструктуры для интеграции и адаптации трудовых мигрантов, включая центры информационной и правовой поддержки, курсы изучения языка, истории и культуры Российской Федерации [1]. Затем были разработаны методические рекомендации для органов государственной власти субъектов Российской Федерации «О социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан в Российской Федерации» (приказ Федерального агентства по делам национальностей от 17 ноября 2020 г. № 142), которые направлены на обеспечение единых подходов к социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан, противодействию их социальной и территориальной изоляции и устранению способствующих этому условий.

Таким образом, в российском законодательстве было закреплено условие успешной адаптации иностранного гражданина – изучение русского языка, истории России и основ законодательства Российской Федерации. В настоящее время создано множество образовательных центров на платной и бесплатной основах для изучения, прохождения тестирования на знание русского языка иностранными гражданами, появилось значительное количество пособий для обучающихся с неродным русским языком, организованы курсы повышения квалификации для педагогов в области преподавания русского языка как иностранного / как неродного; действуют бесплатные центры по предоставлению информационно-консультационных услуг, регистрации, трудоустройству; в рамках различных культурно-образовательных проектов предоставляется возможность бесплатного или льготного посещения музеев, различных культурных мероприятий. Запущено множество «пилотных» проектов при поддержке УФМС России, созданы различные образовательные центры. Фондом «Русский мир» подписаны контракты с Таджикистаном, Узбекистаном, Киргизстаном по открытию центров обучения и сдачи тестов по русскому языку. Постоянно расширяется спектр предоставляемых иностранным гражданам медицинских, образовательных и других социальных услуг.

Особенностью языковой адаптации иностранных граждан, прибывающих в нашу страну из бывших «братских» республик, является низкий уровень владения русским языком или его незнание. Распад Советского Союза, стремление новых государств стать независимыми и избавиться от засилья всего русского – все это привело к тому, что русский язык стал ненужным, нежелательным. Он был исключен из образовательных программ, школы с преподаванием на русском языке стали большой редкостью. Сейчас, спустя 30 лет, в нашу страну с различными целями прибывают иностранные граждане 25–45 лет, жители бывших союзных республик, которые не изучали русский язык в школе, соответственно, многие совсем не знают его или знают очень плохо.

Среди иностранных граждан можно условно выделить несколько групп:

1. Неквалифицированные специалисты, цель которых – получение временной работы (по статистическим данным за январь – ноябрь 2022 г. – 36 219 чел., что составляет 55 %). Они не планируют долговременного или постоянного проживания в нашей стране, следовательно, не ориентированы на изучение русского языка, потому что их работа требует минимального количества простых бытовых фраз.

2. Специалисты более высокой квалификации (30 093 чел., примерно 45 %): врачи, средний медицинский персонал, педагоги, строители разного уровня, инженеры, которые имеют высокий уровень профессионализма и плохо знают русский язык. По данным МВД России, в этом году оформлено в полтора раза больше разрешений на работу для квалифицированных мигрантов, чем за тот же период 2021 г. Как правило, они планируют получение в будущем российского гражданства, поэтому приезжают семьями, устраивают своих детей в детские сады, школы, т. к. заинтересованы в получении российского образования, которое невозможно без знания русского языка.

Еще три – четыре года назад в процессе обучения русскому языку как иностранному в условиях общеобразовательных школ существовало множество проблем:

- незнание русского языка детьми-иностранцами, отсутствие у них навыков социокультурной адаптации, что часто являлось причиной возникновения напряженных учебных и социальных ситуаций в школьном коллективе;
- отсутствие в образовательных учреждениях соответствующих программ и методик обучения, дефицит педагогов, имеющих необходимую квалификацию и опыт.

Все это требовало принятия решений на государственном уровне.

«Методические рекомендации об организации работы общеобразовательных организаций по языковой и социокультурной адаптации детей иностранных граждан» (письмо Министерства просвещения Российской Федерации от 16 августа 2021 г. № НН-202/07), разработанные на основе лучшего опыта работы регионов Российской Федерации по проблемам языковой адаптации несовершеннолетних иностранных граждан, позволили выстроить эффективную систему обучения русскому языку как иностранному в школах и средних специальных учебных заведениях.

6 мая 2022 г. появились «Методические рекомендации об организации работы в общеобразовательных организациях по оценке уровня языковой подготовки обучающихся несовершеннолетних иностранных граждан», в которых с учетом результатов языковой диагностики были предложены варианты обучения, что позволило педагогам выбирать оптимальный образовательный маршрут для каждого ребенка-инофона. Также были определены понятия:

- 1) «ребенок-инофон (дети-инофоны)» – ребенок, для которого русский язык не является родным;
- 2) «носитель (носители) иностранного языка»;
- 3) «слабо владеющий или совсем не говорящий на русском языке»;

4) «языковая адаптация» – интенсивное обучение государственному языку и приобретение в результате необходимых языковых компетенций.

Особенное внимание уделено языковой адаптации несовершеннолетних иностранных граждан, которая предполагает, во-первых, приобретение коммуникативных умений и навыков, во-вторых, освоение русского языка как языка обучения.

В этом же документе была закреплена обязательность профессионального обучения педагогов для работы с такими детьми и созданы для этого необходимые условия: организованы курсы повышения квалификации, изданы учебные пособия.

Собственный большой опыт работы с такими детьми позволил мне сделать вывод об успешности процесса языковой адаптации, организованного в соответствии с вышеуказанными документами. Совсем не знающие русского языка дети через полгода начинали говорить, т. к. значительную часть времени проводили в русскоязычной среде, участвуя не только в процессе предметного изучения, но и во многих других видах социально активной деятельности (общественно полезном труде, различных видах внеурочной деятельности, постоянном общении с носителями русского языка). Происходит полное погружение детей иностранных граждан в новую языковую и культурную среду. Вместе с детьми учатся и их родители.

Большую роль в языковой адаптации родителей таких детей играют консультационные пункты, открытые на базе школ, которые не только оказывают консультационные услуги в области обучения и воспитания детей, но и активно вовлекают родителей в учебно-воспитательный процесс, соответственно, способствуют изучению русского языка родителями детей-инофонов. Таким образом, наше государство не только предоставило право иностранным гражданам на изучение русского языка, но и создало для этого необходимые условия.

Необходимо отметить, что успешное освоение русского языка и приобретение коммуникативных умений и навыков, конечно, важнейшее условие социально-культурной адаптации, но оно не решает всех проблем иностранных граждан.

В настоящее время в связи с резко изменившимися взаимоотношениями России с другими странами изменился и характер миграционных процессов.

Особая категория мигрантов – граждане Украины, ЛНР и ДНР, которые вынужденно оказались на территории Российской Федерации (в связи со специальной военной операцией) и которых нельзя назвать в полном смысле иностранными гражданами, т. к. русский язык для них является фактически родным языком. Проблема прибывающих с Украины не языковая, а социально-культурная адаптация.

3. Традиционная группа – иностранные граждане, прибывшие в Российскую Федерацию для получения высшего образования. Общее количество иностранных студентов, получающих высшее образование в России, выросло за последние три года более чем на 26 тыс. чел. Русский язык для этой категории не только средство адаптации, но и средство получения образования и будущей профессии. Языковая адаптация в системе высшего образования в отличие от школьного

и среднего специального – это процесс менее регламентированный и контролируемый государством. В системе высшего образования нет жестких требований к организации образовательного процесса с учетом обязательной внеурочной деятельности, большого количества воспитательных мероприятий, коммуникативного взаимодействия, которые обладают огромным потенциалом для успешной языковой адаптации. Студенты-иностранцы нарабатывают словарный запас, используя словари-переводчики, которые помогают понимать преподаваемые дисциплины, усваивать научные знания, но очень слабо влияют на формирование языковой компетенции и коммуникативных навыков. В программы изучения русского языка как иностранного в вузах необходимо включать практико-ориентированные социально значимые формы организации занятий (ролевые игры, интерактивы, моделирование практических, жизненных ситуаций).

Итак, подводя итог размышлениям о процессе языковой адаптации иностранных граждан в Российской Федерации на современном этапе, сделаем некоторые выводы:

1. Государством проведена большая работа по созданию условий для успешной языковой и, соответственно, социокультурной адаптации:

- на различных уровнях разработаны и приняты необходимые документы;
- создана нормативно-правовая база, регулирующая и контролирующая миграционные процессы и обеспечивающая право иностранного гражданина на изучение русского языка.

2. В настоящее время существуют проблемы, которые необходимо взять под контроль государства:

- центры по приему экзаменов на знание русского языка и выдаче сертификатов требуют постоянного контроля со стороны государства, т. к. находятся организации, которые рассматривают эту процедуру как способ зарабатывания денег, не заботясь о результативности;
- существует дефицит грамотных специалистов-преподавателей, школьных учителей, прошедших профессиональное обучение для работы с иностранными гражданами;
- большое количество учебных центров, предоставляющих услуги по обучению методике преподавания русского языка как иностранного и выдающих дипломы государственного образца, не обеспечивают необходимый уровень подготовки или совсем не соответствуют требованиям;
- отсутствие единой программы и методической поддержки государства по преподаванию русского языка как иностранного в системе высшего образования приводит к неравномерности процессов языковой адаптации иностранных студентов.

Все вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что языковая адаптация иностранных граждан на современном этапе будет успешной при условии строжайшего контроля государства за работой всех структур, отвечающих за социально-культурную и трудовую адаптацию.

Список литературы

1. Письмо Министерства просвещения Российской Федерации от 16 августа 2021 г. № НН-202/07 «О направлении методических рекомендаций» // «Методические рекомендации об организации работы общеобразовательных организаций по языковой и социокультурной адаптации детей иностранных граждан».
2. Письмо Министерства просвещения Российской Федерации от 6 мая 2022 г. № ДГ-1050/07 «О направлении методических рекомендаций» // «Методические рекомендации об организации работы в общеобразовательных организациях по оценке уровня языковой подготовки обучающихся несовершеннолетних иностранных граждан».
3. Адаптация и интеграция международных мигрантов: практические аспекты и рекомендации : дайджест информационных и учебных материалов / под общ. ред. Ю. А. Горячева, В. Ф. Захарова. Вып. 2. М. : Московский педагогический государственный университет : Этносфера, 2020.
4. Андриченко Л. В. Правовые механизмы социальной и культурной адаптации и интеграции мигрантов в Российской Федерации // Журнал российского права. 2015. № 10.
5. Бажан Т. А. Общество заинтересовано в адаптации мигрантов // Земляки. 2011. № 8.
6. Кунилова К. Миграционные процессы в современном мире // Образовательный портал «Справочник».
7. Хабарин М. О. Адаптационная роль русского языка в интеграционном процессе иностранных граждан на территории Российской Федерации // Психология и педагогика служебной деятельности. 2020. № 2. С. 126–128.
8. Омельченко Е. А. Интеграция мигрантов средствами образования: российский и мировой опыт : монография. М. : Этносфера, 2018.
9. Зинченко Е. Ю., Хазов Е. Н. Правовой статус иностранных граждан, признанных носителями русского языка. М., 2019.

Черменева С. Д.¹,
адъюнкт 1 курса факультета
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ, ПРОЖИВАЮЩИХ ЗА РУБЕЖОМ

Поступательное развитие государственности подводит к рассмотрению соотечественников как важного демографического, интеллектуального, экономического потенциала, оказывающего влияние на внутривнутриполитические процессы, а также на внешнеэкономическое взаимодействие с иностранными государствами.

Определяя соотечественников как лиц, родившихся и проживающих (проживавших) в одном государстве и имеющих этническую, языковую, культурную, религиозную связь с народами России, следует отметить, что основы защиты прав соотечественников должны рассматриваться через призму отечественного конституционного законодательства, вбирающего нормы международного права в части обеспечения и реализации прав соотечественников, проживающих за рубежом.

В рамках статьи необходимо определить и исследовать конституционно-правовой механизм защиты и реализации прав указанной категории граждан.

Обращаясь к Конституции Российской Федерации [1], следует упомянуть ст.ст. 1 и 2, провозглашающие государство правовым и признающим права и свободы человека высшей ценностью. Вместе с тем, охрана прав и свобод граждан является одной из важнейших обязанностей государства.

Статья 17 Конституции Российской Федерации свидетельствует о признании и гарантировании прав и свобод в соответствии с нормами международного права. Данная норма корреспондирует задачам международного регулирования в отношении соотечественников, при этом закрепление ограничения осуществления прав одного гражданина пределами реализации прав и свобод других лиц, обеспечивает равенство прав граждан, проживающих на территории государства и вне его границ [2].

Права и свободы человека являются непосредственно действующими согласно ст. 18, что применимо к контексту проблематики означает доминирование деятельности по реализации и защите прав соотечественников в среде конституционного регулирования для всех органов государственной власти.

Исходя из Конституции Российской Федерации следует, что реализация прав соотечественников является значимым направлением деятельности современного государства. Анализируя ее положения, необходимо обратить внимание на ч. 3 ст. 68, которая закрепляет право национальных общностей на сохранение родного языка, формирование условий для изучения и его развития. Наряду

¹ © Черменева С. Д., 2023.

с различными мерами, осуществляемыми государством в данной сфере, перво-степенной значимостью обладает деятельность по реализации соотечественниками права свободного доступа к среднему, высшему уровню образования на родном языке, а также содействие соотечественникам в осуществлении всех видов культурного обмена между ними, т. к. культурная среда российского государства является основой единства его общности.

Наблюдая за поступательной сменой политического курса многих постсоветских государств мы можем наблюдать политику правительств по вытеснению русского языка из системы государственного образования, о чем свидетельствует высказывание главы Минобразования Казахстана, согласно которому обучение в стране на русском языке проводят только 25 % школ, при увеличении потока русскоязычного населения в республику [7].

Основное направление затрагивает обеспечение гарантий соотечественникам применимо к содержанию общепризнаваемых прав и свобод в сфере экономики, социальной области, культуры, образования, информации и иных прав, предусмотренных международными пактами. Учитываем и то, что в указанном контексте значимым положением представляется роль государства по претворению функций по защите от дискриминации по признакам расы, религии, политических и иных убеждений.

Важным аспектом выступает активизация взаимодействия отечественных организаций с предприятиями соотечественников и обеспечение гарантий для инвестирования соотечественниками в национальную экономику [8].

Федеральный закон «О государственной политики в отношении соотечественников за рубежом» [3] закрепил важные направления указанной деятельности. Обращая внимание на основные нормативные положения отмечается, что соотечественники, являющиеся иностранными гражданами и лицами без гражданства, реализуют права и юридические обязанности наравне с гражданами Российской Федерации, порядок их въезда и выезда, передвижения по территории государства также нормативно отражен в законодательстве Российской Федерации [4].

Представляет практический интерес анализа порядка пребывания на территории Российской Федерации иностранных граждан, являющихся соотечественниками, проживающими в государствах, устанавливающих визовые ограничения.

Гражданам, имеющим место жительства в зарубежном государстве, в зависимости от их цели пребывания выдаются визы, которые категориально подразделяются [9]:

- на дипломатические;
- служебные;
- обыкновенные;
- транзитные;
- временно проживающего лица;
- въезд в целях приема в гражданство.

22 июня 2006 г. получила официальное закрепление Государственная программа по содействию добровольному переселению в Российской Федерации [5].

Ее сущность заключается в объединении и привлечении потенциала соотечественников. Программа имеет своей целью создание консолидированного русскоязычного общества.

Отметим, что принятие Государственной программы призвано обеспечить должное регулирование процессов и политики в сфере миграции, результат которой обусловит снижение кризисного состояния в демографической и миграционной сферах за счет притока квалифицированной рабочей силы с учетом геополитических, экономических интересов России, а также установит эффективные направления для последующего развития регионов.

Планируется создание с ее помощью действенного механизма государственного управления добровольного переселения, целью которого является создание условий по достижению взаимных интересов переселенцев и самой страны. Данная программа призвана обеспечить комплекс мер по стимулированию соотечественников к переезду в Россию в целях модернизации экономической среды государства и его регионов необходимыми трудовыми активами.

Категория лиц, участвующих в реализации Государственной программы содействия переселению и являющиеся «переселенцами», осуществляющими свой переезд на добровольной основе, въезжают на территорию государства по обыкновенным частным визам на основании свидетельства участника программы [10]. При этом категория «переселенец» не закреплена на законодательном уровне, что вызывает практические пробелы в правоприменении.

Данная практика не находит должного закрепления в нормативных правовых актах. Обыкновенная частная виза с пометкой «переселенец» позволяет временно пребывать соотечественнику на территории Российской Федерации в течение одного года. По истечении периода данная категория граждан должна установить свой правовой статус на территории нашего государства, что подразумевает получение разрешения на временное проживание, вида на жительство и гражданства Российской Федерации в упрощенном порядке [6; 11].

По причине многоаспектного характера административных процедур, требуемых иностранному гражданину, который является соотечественником и выражает желание проживать на территории Российской Федерации, возникают затруднения в получении статуса гражданина Российской Федерации, что также осложняется сроками предоставления требуемых документов (справка об отсутствии судимости, свидетельство о получении статуса носителя русского языка). Зачастую соотечественник сталкивается с нарушением сроков пребывания на территории Российской Федерации, не имея возможности выехать в страну своего прежнего проживания. На основании вышесказанного требует пересмотра процедура выдачи годовых виз в сторону увеличения срока их действия, в связи с тем, что свидетельство участника Государственной программы действительно в течении трех лет, с момента его выдачи [12].

Подчеркнем, что нормативно закреплённые сферы допустимых прав, свобод и возможностей, гарантированных нашим соотечественникам, проживающим за рубежом, многогранны, наряду с чем, отмечаем практические сложности, возникающие в процессе реализации указанных прав. Из вышеизложенного следует

вывод, что ряд аспектов декларативен, в связи с чем указанные меры государственной поддержки и помощи носят поверхностный характер.

Процесс действия Государственной программы осуществляется в рамках постоянного модернизирования законодательства и миграционных отношений на фоне изменений в социально-экономической сфере страны. Актуальным направлением представляется повышение миграционной заинтересованности Российской Федерации, в частности ее субъектов.

Привлекательность Государственной программы подчеркивается сведениями, опубликованными на официальном сайте МВД России [13]. Согласно представленным данным, всего в третьем квартале 2022 г. в уполномоченных органах за рубежом и в подразделениях по вопросам миграции территориальных органов МВД России по субъектам Российской Федерации, участвующим в реализации Государственной программы, соотечественникам оформлено 10,3 тыс. свидетельств участника программы (на 30,3 тыс. чел. вместе с членами семей, что на 26 % больше значения аналогичного показателя в третьем квартале 2021 г.).

Приведенные позиции подчеркивают значимость процессов переселения соотечественников в Российскую Федерацию и представляет собой комплекс мероприятий, воздействующий не только на миграционную, экономическую и демографическую обстановку в государстве, но и на складывающиеся культурные и этносоциальные процессы. Очевидным представляется вывод о взаимообусловленности реализации программы по переселению и проработки государственной политики в сфере межнациональных отношений наряду с совершенствованием законодательства по направлениям деятельности, связанной с реализацией прав соотечественниками, т. к. осуществление указанных мероприятий на фоне практического опыта показывает ряд несовершенств, нуждающихся в обстоятельной проработке.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Российская газета. 2020. № 144. 4 июля.
2. Еремина И. С., Прудникова Т. А., Акимова С. А. Соотечественники. Механизм реализации и защиты прав : учебное пособие / под ред. А. С. Прудникова, И. С. Еремина. М. : Юнити-Дана, 2015.
3. Федеральный закон от 24 мая 1999 г. № 99-ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 22. Ст. 2670.
4. Федеральный закон от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 34. Ст. 4029.
5. Указ Президента Российской Федерации от 22 июня 2006 г. № 637 «О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 26. Ст. 2820.

6. Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 22. Ст. 2031.

7. Информационное агентство «Красная весна». URL: <https://rossaprimavera.ru/news/24f2df19>.

8. Прудникова Т. А. Особенности реализации прав соотечественников, проживающих за рубежом // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 6.

9. Постановление Правительства Российской Федерации от 9 июня 2003 г. № 335 «Об утверждении Положения об установлении формы визы, порядка и условий ее оформления и выдачи, продления срока ее действия, восстановления ее в случае утраты, а также порядка аннулирования визы» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru>.

10. Постановление Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2006 г. № 817 «О свидетельстве участника Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru>.

11. Указ Президента Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 1325 «Об утверждении Положения о порядке рассмотрения вопросов гражданства Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru>.

12. Указ Президента Российской Федерации от 14 сентября 2012 г. № 1289 «О реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru>.

13. Справочная информация ГУВМ МВД России. URL: https://мвд.пф/мвд/structure1/Glavnie_upravlenija/guvm/compatriots/monitoring/2022.

Червонюк В. И.¹,
*профессор кафедры конституционного
и муниципального права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор*

ПУБЛИЧНЫЕ ВЛАСТИ И ДОЛЖНОСТНЫЕ ЛИЦА ПУБЛИЧНОГО ПРАВА (ПУБЛИЧНЫЕ ДОЛЖНОСТНЫЕ ЛИЦА) В МЕХАНИЗМЕ ВЛАСТВОВАНИЯ

Публичная власть уже с момента своего возникновения порождает особый тип ее носителя (понимаемого в специальном, узком, смысле этого слова) – должностное лицо, призванное осуществлять эту власть, и в этой связи уполномоченное данной властью от ее имени и в ее (публичных) интересах осуществлять публичную власть. С этой точки зрения определение круга лиц, относящихся к данной категории, имеет важное как научное, так и практическое значение. В конституционной лексике отсутствует единое понятие для оценки представителей данной социальной группы.

Очевидна в этой связи повышенная степень ответственности указанной категории лиц. Действительно, с утверждением конституционного правления публичная власть отличается связанностью правом, правами человека, ответственностью перед населением. В связи с отмеченным возникает вполне логичный вопрос о субъекте публично-правовой ответственности (равно как и юридической природе самой ответственности). Конституция Российской Федерации, как и действующее законодательство, не снабжена единым (обобщающим) понятием, которым бы охватывался весь «набор» властных структур и их представителей, персонифицируемых с субъектом неконституционного поведения.

Таким образом, конституционная практика испытывает потребность в обнаружении обобщающего понятия лиц, с которыми позиционируется осуществление публичной власти. Криминализация данного понятия в отраслях уголовного и административного права не способствует решению данной проблемы.

То обстоятельство, что, как ранее, так и в значительной мере в настоящее время, феномен должностного лица является объектом научного анализа преимущественно в административном (главным образом в административно-деликтном) праве оказало существенное влияние на оценку конструкции должностного лица. С позиции административного права должностные лица традиционно рассматривались в качестве вида государственных служащих, деятельность которых регулируется административным правом, что, несомненно, наложило свой отпечаток на понимание данного концепта во всей отраслевой литературе. Административно-правовой подход существенным образом оказал влияние на правовую доктрину, он трансформирован в практику. Необходимость выделения этой категории лиц в структуре государственных органов для опре-

¹ © Червонюк В. И., 2023.

деления родового понятия применительно к должностным преступлениям усиливало акцент на данной стороне проблемы в уголовном праве. Не повлияла на состояние разработанности и имплементация отдельных положений конвенциональных норм международного права в законодательство о противодействии коррупции. Отечественная доктрина международного права, принятая в международно-правовой науке и практике (конвенциональном праве), термином «публичное должностное лицо» не оперирует.

Тем самым имеет место односторонний взгляд на проблему, не позволяющий однозначно и соответственно принципу правовой определенности определить субъектов публичной власти (коллективные образования, индивидуальные представители) в системе публично-правовых отношений или, иными словами, в механизме публичного властвования.

Отмеченное указывает на то, что существует конституционная потребность в объединяющем все структуры власти, если шире, то все властные институты, — понятие, которое бы удовлетворяло главному требованию — охват всех субъектов, действия (бездействия) и решения которых так или иначе оказывают властное воздействие на граждан, затрагивают их права и интересы. Представляется, что во избежание подобных недоразумений (отчуждения государства от его органов и наоборот) принципиальное значение имеет введение в конституционную (юридическую) лексику понятия «публичные власти».

Прежде всего необходимость в таком обобщающем понятии необходима для юрисдикционной правоприменительной практики. По общему правилу, действующему во всех правовых системах, субъектом ответственности является коллективное образование или отдельный индивид. Применительно к ответственности публичных властей данный вопрос не получил окончательного разрешения, в современных правовых системах, вопрос о том, что следует понимать под публичными властями не находит ответа. Соответственно, конструкция юридического состава правонарушения оказывается лишенной одного из важнейших его компонентов. Законодательный пробел (или «умолчание»), отсутствие официального нормативного толкования по данному вопросу подвергает правоприменительные органы серьезному испытанию. Очевидно, что доктриной должно быть найдено решение данного вопроса, его обоснование имело бы реальное конституционное основание.

В Конституции Российской Федерации нет словосочетания «публичные власти» (говорится об органах государственной власти), не используется оно в действующем законодательстве и судебной практике общих (арбитражных) судов. Федеральный орган конституционного контроля часто оперирует понятием «публичная власть», что, однако, имеет иной смысл в сравнении с позиционируемым понятием. В предлагаемом же случае речь идет об органах и лицах, которые по уполномочию закона (не собственника власти) в том или ином объеме наделены властными полномочиями, равно как и непосредственно влияют на их осуществление. Другими словами, речь идет об агентах публичной власти — властных структурах и их представителях.

В конституциях ряда зарубежных стран, при том что в некоторых из них более интенсивно в сравнении с другими, данный термин привлекается в качестве

обобщающего для характеристики органов и должностных лиц, осуществляющих публичную власть в стране.

В частности, Конституция Республики Польша использует формулу: «Публичные власти проводят политику, благоприятствующую удовлетворению жилищных потребностей...» [1, с. 112]. Действующая Конституция Румынии содержит разд. III «Публичные власти», несколько глав которого посвящены парламенту, президенту, правительству, публичной администрации [1, с. 114]. Конституция Республики Молдова также содержит разд. III «Публичные власти», в котором гл. VIII посвящена публичному управлению. Аналогичные положения содержит Политическая Конституция Соединенных Штатов Мексики [2; 3]. Согласно ст. 6.1 Конституции Княжества Андорра от 14 марта 1993 г. «настоящая Конституция, которая является высшей нормой андоррского юридического порядка, соединяет все публичные власти и граждан» [1].

В конституционной лексике Испании термин «публичные власти» используется для обозначения всей системы органов власти, к которым содержанием разд. 2–9 отнесены [4]:

- 1) глава государства – Король Испании;
- 2) Генеральные кортесы – парламент страны;
- 3) правительство;

4) судебные органы всех уровней, включая и Конституционный суд Испании, местные органы власти включая органы власти автономных сообществ, провинций Испании, органы местного самоуправления (ст.ст. 9, 16, 27, 39–53 Конституции 1978 г.).

Принципиально важно то, что гл. 3 Конституции Испании «О руководящих принципах социальной и экономической политики» закрепляет конструкцию социальных, культурных и экономических прав таким образом, что обязанной стороной каждого из этих прав признаются публичные власти. При этом понятие «публичные власти» употребляется как собирательное, для характеристики всей системы структур публичной власти. Так, согласно ст. 41 публичные власти поддерживают режим публичного социального страхования для всех граждан, а соответственно ч. 1 ст. 42 «государство особо заботится об охране социальных и экономических прав испанских трудящихся, находящихся за границей, и проводит политику, направленную на их возвращение»; ч. 2 ст. 42 содержит императив относительно того, что «публичные власти должны создавать реальные и эффективные условия для равенства и свободы; а согласно ст. 23 любое заинтересованное лицо имеет право непосредственно обращаться к публичным властям с петицией в форме и на условиях, предусмотренных законом; ст. 33 закрепляет обязательство публичных властей предпринимать усилия в обеспечении каждого достойными жилищными условиями; ст. 41.2. оговаривает, что закон устанавливает особую процедуру судебного обжалования актов публичных властей [4].

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что лексическое содержание данного термина конституционные тексты не раскрывают. Причины этого, как

представляется, следует усматривать не только в технико-юридических свойствах национального основного закона и связанной с этим необходимости экономического использования нормативного материала (расходования «нормативной энергии»). Очевиден социальный контекст данного подхода: перечень публичных властей как обязанной стороны в конституционных правоотношениях с гражданами остается открытым, что в наибольшей мере отвечает интересам носителей основных прав и свобод.

Представляется, что имеющему фундаментальный общеправовой характер понятию «публичные власти» в полной мере отвечает производное от него понятие «должностные лица публичного права», или «публичные должностные лица».

Отечественная доктрина не выработала единых подходов к пониманию должностного лица. К должностным лицам публичного права относятся лица, осуществляющие властные административные обязанности в государственных и муниципальных органах [5].

Сформировавшееся в уголовном и административном праве, используемое в иных отраслях публичного и частного права, понятие «должностное лицо» оказывается чересчур специфичным (узким) для признания его общеправовой категорией. В частности, оно оказывается малопригодным для конституционного права, охранительно-принудительный потенциал которого как раз и предназначен для обеспечения правомерного поведения указанной категории лиц во взаимоотношениях с гражданами – носителями прав и свобод. Так, очевидно, что такое понятие не подходит для квалификации в качестве должностных лиц главы государства, уполномоченных по правам человека федерального и регионального уровней, главы федерального правительства, глав исполнительной власти субъектов Федерации, депутатов всех представительных (законодательных) органов власти и др.

Как отмечалось, то обстоятельство, что длительная конструкция должностного лица формировалась под влиянием административно-правового подхода, с позиции которого данный концепт рассматривался исключительно как особенный вид государственных служащих, наложило отпечаток на его понимание во всей отраслевой литературе и в общей юриспруденции. Этот же подход буквально скопирован уголовным законом. Соответственно, понятие «должностное лицо» сформулировано в прим. 1–4 к ст. 285 УК РФ и в прим. к ст. 2.4 КоАП РФ.

Из этих нормативных положений следует, что должностными лицами признаются две группы лиц:

- 1) постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющие функции представителя власти;
- 2) выполняющие организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, государственных корпорациях, в Вооруженных силах Российской Федерации, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации, а равно в хозяйственных обществах, т. е. в коммерческих организациях.

При этом в отношении второй группы уголовное и административно-деликтное законодательство несколько расходятся. Уголовный закон к должностным лицам относит тех представителей хозяйственных обществ, высших органов управления, в которых публичные власти (Российская Федерация, субъект Федерации или муниципальное образование) имеют право прямо или косвенно (через подконтрольных им лиц) распоряжаться более чем 50 % голосов либо в которых эти органы имеют право назначать (избирать) единоличный исполнительный орган и (или) более 50 % состава коллегиального органа управления [6]. Это также коммерческие организации (акционерные общества), в отношении которых перечисленные структуры публичной власти используют специальное право на участие в управлении ими («золотая акция»).

Кодекс об административных правонарушениях достаточно пространно интерпретирует круг лиц из числа хозяйствующих субъектов и управленческих структур, которые он квалифицирует в качестве должностных лиц. Перечень этот весьма внушительный, включая членов коллегиальных исполнительных органов (правлений, дирекций), счетных комиссий, ревизионных комиссий (ревизоры), ликвидационных комиссий юридических лиц, являющиеся учредителями (участниками) юридических лиц физические лица, руководителей организаций, осуществляющих полномочия единоличных исполнительных органов организаций, лиц, осуществляющих функции члена комиссии по осуществлению закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, а также физических лиц, осуществляющих деятельность в области проведения экспертизы в сфере закупок, контрактных управляющих, работников контрактной службы, лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица. При этом такие лица квалифицируются в качестве должностных применительно к составам административных правонарушений, перечисленных в прим. к ст. 2.4 КоАП РФ.

При этом законодательная практика не отличается стабильностью. Непрерывающиеся ее (конструкции должностного лица) изменения в связи с включением в главы о должностных деликтах новых составов, подтверждают справедливость отмеченного вывода. Отсутствие полной ясности в данном вопросе характерно и для теоретической мысли [7].

В этой связи выход, например, усматривается в том, что лица, выполняющие функции должностных лиц и занимающие должности в общественных объединениях и коммерческих организациях, при наличии необходимых признаков привлекаются к ответственности по ст.ст. 201–204 гл. 23 УК РФ «Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях» [8, с. 854–855]. Избегая употребления термина «должностное лицо», такого субъекта предлагается обозначать «специальным лицом» [8, с. 456].

Еще большая неопределенность связана с преступлениями коррупционной направленности.

Подобные неясности имеют место и в сфере действия административно-деликтного законодательства. В частности, немало споров и нареканий вызывает положение ст. 2.4 КоАП РФ об отнесении к должностным лицам как субъектам

административной ответственности лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица.

Отмечается, что законодатель, видимо, не случайно постепенно стал отходить от отождествления в качестве субъектов административной ответственности должностных лиц и лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица. В ряде частных случаев ответственность последних стала рассматриваться как ответственность юридических лиц. В этой связи обращено внимание на то обстоятельство, что в примечании к ст. 16.1 КоАП РФ установлено, что за административное правонарушение, предусмотренное гл. 16 КоАП РФ «Административные правонарушения в области таможенного дела (нарушение таможенных правил)», лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, несут административную ответственность как юридические лица. То же самое касается и дополнения к КоАП РФ ст. 7.34, в прим. к которой указано, что «за административное правонарушение, предусмотренное этой статьей, лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, несут административную ответственность как юридические лица» [9].

Применительно к иным отраслям права – публичного и частного – понятие «должностное лицо», предназначенное для целей привлечения к соответствующей публично-правовой ответственности, представляет собой собрание нескольких элементов (понятий), заимствованных в той или иной пропорции из названных положений уголовного и административного законодательства. Такой подход встречает неоднозначное понимание среди представителей различных отраслевых дисциплин. Так, если представители криминальной науки настаивают на правомерности отнесения членов совета директоров акционерного общества к числу должностных лиц и, соответственно, признании их субъектами предусмотренных законом составов правонарушений, то представители цивилистики придерживаются противоположного мнения [10]. Такой подход в свою очередь входит в противоречие с международным и национальным законодательством (не только Российской Федерации) о противодействии коррупции.

Следовательно, необходима более приемлемая общая конструкция применительно к оценке поведения указанной анализируемой категории лиц в коммерческих организациях. Попытки вывести такое понятие из общего понятия «должностное лицо», приводит к невозможности применения к представителям коммерческих организаций мер охранительно-принудительного характера, специфичного, в частности, для представителей власти (применение мер уголовно-правовой и административно-правовой ответственности, мер защиты, в частности, отстранения от должности и др.), что обусловлено статусными характеристиками подобной категории лиц коммерческих организаций. Тем самым исключается и возможность применения для данной категории лиц антикоррупционных стандартов [11–13].

Таким образом, в действующем российском законодательстве общепринятого понятия «должностное лицо», более или менее приемлемого для интересов юридической практики безотносительно к отраслевой его интерпретации, не существует. Очевидно, что модификация «морально» устаревшей конструкции

должностного лица, презюмируемой в прим. к КоАП РФ и УК РФ, данной цели не соответствует. Непрекращающиеся ее (конструкции должностного лица) изменения в связи с включением в главы о должностных деликтах новых составов, подтверждают справедливость отмеченного вывода.

Необходимость в обобщающем понятии «должностные лица публичного права» («публичные должностные лица») остро ощущается как в юрисдикционной правоприменительной практике, так и в более широком контексте, прежде всего в сфере правовой охраны и защиты прав граждан, обеспечения национальных интересов, противодействия коррупции как в органах публичной власти, так и в иных организациях и учреждениях.

Правильность такого подхода определяется развивающейся практикой. В отличие от понятия «должностное лицо», действующее законодательство оперирует и более широкими по юридическому смыслу понятиями. В частности, ст. 21 Федерального закона от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» упоминает о «должностных лицах юридического лица», имея в виду юридических лиц любых организационно-правовых форм [14]. По смыслу Закона Российской Федерации от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» прокурор вправе направлять представления и предостережения в адрес должностных лиц не только государственных органов и органов местного самоуправления, но и иных организаций, в т. ч. коммерческих.

Обращено внимание, что Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» [15] интерпретирует понятие «иностранное публичное должностное лицо» (подп. 1 пп. 1 и 2 ст. 7.3), характерные особенности которого представлены в информационном письме Федеральной службы по финансовому мониторингу от 12 декабря 2017 г. № 53 [16].

Понятием «публичное должностное лицо» оперируют различного рода информационно-справочные издания, причем используя это как для категоризации соответствующих представителей публичных властей и иных властных структур зарубежных, международных организаций, так и российских. При этом указанные документы не раскрывают содержание используемых ими понятий.

В специальной литературе, пусть и не так активно, но все же проблема поиска подходящего концепта не оставлена без внимания.

В частности, обратившись к исследованию проблемы «публично-правового злоупотребления» («злоупотребления властью»), автор отмечает, что субъектом публично-правового злоупотребления может выступать любой субъект, наделенный публичными полномочиями, как состоящий в аппарате государственной и муниципальной власти, так и наделенный публично-правовыми функциями за его пределами. В таком качестве могут выступать отдельные должностные лица или коллегиальные органы [17, с. 8–11]. При этом данное понятие автор распространяет на публичных должностных лиц высших эшелонов власти [17, с. 10].

Отмеченное указывает на то, что на федеральном уровне отсутствует единое, нормативно закрепленное, унифицированное для всех отраслей права и законодательства понятие должностного лица.

Представляется, что в контексте анализируемой проблемы понятие «должностное лицо» должно интерпретироваться законодательством и правоприменительной практикой в предельно широком смысле – в значении должностного лица публичного права или, с некоторыми оговорками, публичного должностного лица. Таким образом, введение в оборот понятия «публичные власти» позволяет с принципиально иных позиций оценить воспринятое современной юридической практикой понятие «публичное должностное лицо».

Именно в таком широком значении данный феномен находит применение в международно-правовой лексике. В частности, Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию, принятая 27 января 1999 г. и ратифицированная Федеральным законом от 25 июля 2006 г. № 125-ФЗ в ст. 1 «Использование терминов. Определения», содержит пункт «а», согласно которому «понятие “публичное должностное лицо” охватывает определения “должностное лицо”, “публичный служащий”, “мэр”, “министр” или “судья”, существующие в национальном праве государства, в котором данное лицо отправляет свою должность, как они применяются в уголовном праве этого государства». В пункте «b» этой же статьи «понятие “публичное должностное лицо” охватывает определения “должностное лицо”, “публичный служащий”, “мэр”, “министр” или “судья”, существующие в национальном праве государства, в котором данное лицо отправляет свою должность, как они применяются в уголовном праве этого государства» [18].

Понятие «публичное должностное лицо» используется в документах ФАТФ, или Financial Action Task Force (группы по разработке финансовых мер борьбы с отмыванием денег – межправительственной организации, созданной в 1989 г. по решению стран «Большой семерки» и являющейся основополагающим международным институтом, занимающимся выработкой и развитием эффективных средств противодействия легализации преступного дохода и финансированию террористической деятельности), в частности, в «Руководстве ФАТФ. Публичные должностные лица» (рекомендации 12 и 22) [19].

В юридической лексике Совета Европы для характеристики физических лиц, осуществляющих публично-властные и общественно-значимые функции, используется понятие «публичные фигуры». Согласно определению, содержащемуся в резолюции № 1165 (1998) Парламентской Ассамблеи Совета Европы, публичными фигурами являются те лица, «которые занимают государственную должность и (или) пользуются государственными ресурсами, а также все те, кто играет определенную роль в общественной жизни, будь то в области политики, экономики, искусства, социальной сфере, спорте или в любой иной области».

Понятие «публичное должностное лицо» нормативно определено в ст. 2 Конвенции противодействия коррупции ООН Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 октября 2003 г. и Конвенции об уголовной

ответственности за коррупцию от 27 января 1999 г., ратифицированной и принятием Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [20].

Соответственно, понятие «...публичное должностное лицо означает: I) любое назначаемое или избираемое лицо, занимающее какую-либо должность в законодательном, исполнительном, административном или судебном органе государства-участника на постоянной или временной основе, за плату или без оплаты труда, независимо от уровня должности этого лица; II) любое другое лицо, выполняющее какую-либо публичную функцию, в том числе для публичного ведомства или публичного предприятия, или предоставляющее какую-либо публичную услугу, как это определяется во внутреннем законодательстве государства-участника и как это применяется в соответствующей области правового регулирования этого государства-участника» [21].

В определенном смысле практика Конституционного Суда Российской Федерации также не дистанцируется от данной проблемы.

Таким образом, понятие «публичных властей и публичных должностных лиц» должно интерпретироваться в предельно широком значении, охватывая своим содержанием не только органы публичной власти и должностных лиц, но и иные категории властных институтов. По данной версии, к примеру, администрация поликлиники, учебного заведения, в т. ч. негосударственного вуза должны квалифицироваться в качестве публичных властей. Именно они несут ответственность за действия своих сотрудников, принимая на работу которых они одновременно восприняли на себя риск их возможных не только неправомерных, но и неэффективных действий.

Предлагаемый концепт «должностные лица публичного права» («публичные должностные лица») может быть представлен следующим образом: это представители органов публичной власти, а также должностные лица негосударственных (некоммерческих и коммерческих) или функционирующих на началах аутсорсинга организаций, осуществляющие в допустимых законом пределах и формах функции органа публичной власти или непосредственно, связанные с осуществлением публично значимых функций данной организации; это работающие в структурах государства (органах публичной власти) и в иных, не относящихся к публичным властям организациях, должностные лица, уполномоченные в пределах предоставленной им компетенции совершать властные (юридически значимые) действия, влекущие правовые последствия.

Следовательно, понятие «публичное должностное лицо» охватывает предельно широкий круг лиц, обобщенно к которым следует отнести по меньшей мере три группы:

- 1) лица, занимающие любые должности в органах публичной власти путем назначения или выборов и правомочные от имени этих организаций и в публично-правовом интересе совершать действия или принимать решения, имеющие правовые последствия для граждан, их объединений. Соответственно, в данную категорию включены не только чиновники разного уровня, но и депутаты представительных органов власти;

2) лица, наделенные правом осуществлять в иных организациях – как некоммерческих, так и коммерческих – публичную функцию, т. е. принимать решения в отношении неопределенного круга лиц, которыми затрагиваются права и интересы непосредственных правопользователей;

3) лица, работающие на возмездной или безвозмездной основе в органах публичной власти или в иных государственных организациях, а равно в негосударственных организациях, и наделенные правом предоставления гражданам, их объединениям различного рода публичных услуг.

С рассматриваемых позиций введение в юридическую практику понятий и соответствующих им терминов «публичные власти», «публичные должностные лица» имеет очевидные преимущества.

Прежде всего речь идет о специально-юридическом контексте такого преимущества. Введение в категориальную сеть теоретической и практической юриспруденции данных понятий вносит юридическую определенность в законодательство и правоприменительную практику. В механизме охранительно-принудительного инструментария становится возможным внедрить широко применяемую в странах континентальной Европы так называемую замещающую юридическую ответственность – ответственность государства, всей системы публичной власти, иных публично-правовых образований за действия своего персонала перед гражданами. Тем самым становится возможным деятельность многочисленных публичных служб и их персонала обеспечить дополнительными гарантиями: правовой характер поведения публичного должностного лица во взаимоотношениях с гражданами обеспечивается при этом как отдельной властной структурой, так и государством (публичной властью) в целом. Механизм замещающей ответственности, таким образом, позволяет радикально модернизировать всю систему внутриорганизационных отношений властных структур: отношения корпоративности уступают место эффективному и ответственному поведению класса чиновников. Административная реформа (конституционная реформа публичной администрации) как общесоциальный проект получает тем самым реальные выходы в практику.

Введение в правовую систему общего понятия «должностное лицо публичного права» («публичное должностное лицо») означает, что независимо от принадлежности к какой-либо одной из трех выделенных групп все такие лица действуют в публичном интересе. Так называемые частные должностные лица включены в систему публичных должностных лиц по той причине, что реализация ими тех прав, которые вызывают (могут вызвать) правовые последствия для неопределенного круга лиц, одновременно означает, что это лица, находясь в составе непубличной организации, для которой присуща частная форма собственности, действуют в публичном интересе. Иначе говоря, достижение сугубо корпоративных целей влечет вместе с тем со стороны этого лица необходимость действовать в публичном интересе. Иное поведение должно влечь за собой его (поведения) квалификацию в качестве злоупотребления правом.

Восприятие понятия должностного лица публичного права (публичного должностного лица) позволяет придать действию конституционно-правовой ответственности новый импульс противодействия коррупции. В частности, споры

о криминализации такого состава, как «незаконное обогащение», очевидно, не имеют перспектив развития [22].

Инструментарий частного права, в частности нормы, касающиеся неосновательного обогащения, приобрели узкоцивилистический характер и не адаптированы в современных реалиях для противодействия незаконному обогащению, принявшему характер явления. В этой связи использование в конституционной практике инструмента «борьбы» с незаконным обогащением в том смысле как это придается ему в международно-правовых документах, вполне оправданно. В аспекте публично-правовой ответственности – формы конституционно-правовой ответственности, субъектами которой признаются исключительно публичные должностные лица [23], незаконное обогащение может быть квалифицировано как приобретение публичным должностным лицом имущества, стоимость которого кратно превышает его законные доходы. Вводимая конституционно-правовая санкция не имеет карательной направленности: при недоказанности данным лицом в гражданско-процессуальной форме законности приобретенного имущества оно обращается в пользу государства.

Список литературы

1. Конституции государств Европы / под общ. ред. Л. А. Окунькова. В 3-х т. Т. 1. М. : Норма, 2001.
2. Мексиканские Соединенные Штаты : Конституция и законодательные акты / сост. О. А. Жидков. М., 1986.
3. Орлов А. Г. Высшие органы государственной власти стран Латинской Америки. М. : Анкил, 2001. С. 95–97.
4. Конституции государств Европы / под общ. ред. Л. А. Окунькова. В 3-х т. Т. 2. М. : Норма, 2001.
5. Агапов А. Б. Административное право : учебник. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Эксмо, 2006. С. 99.
6. Хромов Е. В., Зябликов В. Ю. Расширение понятия «должностное лицо» в рамках гл. 30 УК РФ // Законность. 2021. № 10. С. 36–40.
7. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В. М. Лебедева. 6-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2009. С. 796.
8. Особенная часть Уголовного кодекса Российской Федерации : комментарий, судебная практика, статистика / под общ. ред. В. М. Лебедева. М. : Городец, 2009.
9. Россинский Б. А., Старилов Ю. Н. Административное право : учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2009. С. 625.
10. Сергеев А. П., Терещенко Т. А. Можно ли члена совета директоров в акционерном обществе отстранить от должности на основании статьи 114 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации? // Арбитражные споры. 2019. № 3. С. 131–146.
11. Андреечев И. С. Антикоррупционные стандарты в отношении публичных должностных лиц: применение субъектами Российской Федерации опережающего правового регулирования // Административное и муниципальное право. 2021. № 2. С. 69–84.

12. Андреечев И. С. Соотношение унификации и дифференциации антикоррупционного регулирования в отношении публичных должностных лиц // Право и политика. 2021. № 2. С. 46–60.
13. Баженова О. И. Об эффективности антикоррупционного механизма контроля имущественного положения должностных лиц // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 12. С. 37–46.
14. Федеральный закон от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 52 (ч. I). Ст. 6249.
15. Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 33 (ч. I). Ст. 3418.
16. Информационное письмо Федеральной службы по финансовому мониторингу от 12 декабря 2017 г. № 53 «О методических рекомендациях по выявлению иностранных публичных должностных лиц, должностных лиц публичных международных организаций, а также российских публичных должностных лиц при идентификации клиентов, принятию их на обслуживание и управлению рисками при работе с указанными лицами» // Росфинмониторинг. URL: <http://www.fedsfm.ru/news/2891>.
17. Тюрин С. Е. Понятие публично-правового злоупотребления (злоупотребления властью) // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 9.
18. Федеральным законом от 25 июля 2006 г. № 125-ФЗ «О ратификации Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31. Ст. 1151.
19. Информационное письмо Банка России от 30 декабря 2016 г. № ИН-014-12/94 «О Руководстве ФАТФ “О корреспондентских банковских услугах”» // Вестник Банка России. 2017. № 1.
20. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/.
21. Конвенция ...United Nations Convention against Corruption // Управление ООН по наркотикам и преступности. URL: https://www.unodc.org/documents/brussels/UN_Convention_Against_Corruption.pdf.
22. Щедрин Н. В. Проблемы и перспективы криминализации незаконного обогащения публичных должностных лиц // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2018. № 12. С. 62–75.
23. Червонюк В. И. Конституционное право зарубежных стран : курс лекций. В 10 вып. Вып. 1. Введение в конституционное право. Часть I. М., 2009.

Чурочкина А. А.¹,
*старший преподаватель кафедры
 конституционного и муниципального права
 Московского университета
 МВД России имени В.Я. Кикотя,
 кандидат юридических наук*

Серебряков С. В.²,
*курсант 2 «М» курса
 Международно-правового факультета
 Московского университета
 МВД России имени В.Я. Кикотя*

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ПРАВ И СВОБОД ТРУДЯЩИХСЯ-МИГРАНТОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Несмотря на то, что практически в каждой Конституции государств мира закреплены положения о том, что необходимо соблюдать и уважать права человека, а также, как правило, определен статус иностранцев в период их пребывания на своей территории, проблема нарушения прав мигрантов является частым явлением и имеет глобальный характер, что требует специальных механизмов для обеспечения защиты уязвимой категории людей.

В настоящее время трудовая миграция населения является значимой составляющей всех наиболее важных процессов современности. Так, в Российской Федерации за январь – ноябрь 2022 г. всего поступило уведомлений о заключении трудовых договоров с иностранными гражданами и лицами без гражданства, осуществляющими трудовую деятельность – 1 914 823, в сравнении с прошлогодним периодом – 1 497 100, а оформлено разрешений на работу иностранным гражданам и лицам без гражданства, всего – 87 940, а в 2021 г. – 80 772. В частности, высококвалифицированным специалистам – 29 882, в 2021 г. – 42 279, квалифицированным специалистам – 8 022, в 2021 г. – 5 781 [7].

Конституционно-правовой статус иностранных граждан в Российской Федерации базируется на принципе неотчуждаемости прав и свобод человека (ч. 2 ст. 17 Конституции Российской Федерации), который означает, что права и свободы человека принадлежат не только гражданам государства, но и иностранным гражданам. В соответствии с ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации права и свободы человека могут быть ограничены только в исключительных случаях федеральным законом. От дискриминации иностранных граждан защищает ст. 19 Конституции Российской Федерации, в ч. 1 которой установлено равенство всех перед законом и судом, а в ч. 2 – равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности и других обстоятельств. В соответствии с ч. 3 ст. 62 Конституции Российской Федерации иностранные граждане пользуются правами и несут обязанности наравне с гражданами Российской

¹ © Чурочкина А. А., 2023.

² © Серебряков С. В., 2023.

Федерации, кроме случаев, установленных федеральным законом или международным договором. Согласно ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации, если закон Российской Федерации вступает в противоречие с международным договором Российской Федерации, то применяются правила международного договора [1].

Также в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 31 октября 2018 г. № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019 – 2025 годы» иностранные граждане являются источником дополнительных трудовых ресурсов [3]. Однако при реализации данной Концепции, следует понимать, тот факт, что отечественные работодатели нуждаются в квалифицированных работниках. Сегодня существует проблема низкоквалифицированных кадров, которые составляют большую часть трудовых мигрантов. Так, по мнению Г. А. Майстренко «Российская Федерация хотя и приветствует пребывание на территории страны иностранных специалистов, однако устанавливает и законодательные ограничения, необходимые для регулирования миграционного потока и защиты трудовых прав граждан» [5]. Действительность правового регулирования защиты прав и свобод человека возможна только в том случае, если происходит реализация механизма за рамками формального закрепления в законодательстве. Важным фактором является создание тех условий и применение тех средств, которые позволяют реализовать права, свободы и законные интересы иностранных граждан, прибывших в Российскую Федерацию для осуществления трудовой деятельности.

Гарантирование защиты прав и свобод трудящихся-мигрантов входит в механизм реализации прав и свобод как совокупности юридических средств. В то же время механизм охраны и защиты прав и свобод трудящихся-мигрантов рассматривается в качестве совокупности средств, методов и способов реализации закрепленных в праве норм. Правозащитная деятельность не может исключать какую-либо категорию лиц, поэтому отдельное внимание уделяется защите, охране и восстановлению нарушенных прав иностранных граждан и лиц без гражданства, которые пребывают на территории Российской Федерации [6].

В качестве субъектов, реализующих защиту прав и свобод трудящихся-мигрантов, представляются уполномоченные органы, деятельность которых направлена на разрешение трудовых споров, осуществление контроля и надзора. Сам трудящийся-мигрант также является субъектом защиты собственных прав и свобод. Для этого ему предоставляются законодательно закрепленные средства и методы защиты. Одним из наиболее простых способов самозащиты трудовых прав является отказ иностранным гражданином выполнять работу, которая не предусмотрена трудовым или гражданско-правовым договором. Стоит обратить внимание, что охрана прав и защиты трудящихся-мигрантов заключается в установлении общего правового режима для всех категорий лиц. Защита подразумевает меры, применяемые при фактическом нарушении этих прав и свобод.

Методом защиты своих прав и свобод трудящихся-мигрантов является обращение в государственные органы и органы местного самоуправления. Конституция Российской Федерации в ст. 33 обеспечивает право на использование данного метода защиты именно для граждан Российской Федерации. Возможность

использования данного метода защиты иностранных работников обусловлена только действующим принципом правовой системы – «Все, что не запрещено, то разрешено».

Для правового государства неприемлема ситуация, когда защита прав и свобод зависит от правового статуса лица и его принадлежности к государству. В настоящее время существует проект Федерального закона «Об условиях въезда (выезда) и пребывания (проживания) в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства» [4], где предусмотрены меры регулирования трудоустройства иностранных граждан в Российской Федерации. Документ разработан во исполнение п. 4 Плана мероприятий по реализации в 2020 – 2022 годах Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019 – 2025 годы, утвержденного распоряжением Правительства Российской Федерации от 22 февраля 2019 г. № 265-р.

В п. 3 ст. 32 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [2] в качестве предмета федерального государственного контроля (надзора) за трудовой деятельностью иностранных граждан регламентирует контроль (надзор) за выполнением со стороны работодателя установленных миграционным законодательством требований. В рамках деятельности органов государственного контроля (надзора) предусмотрено право работодателя ходатайствовать об аннулировании разрешения на трудовую деятельность иностранного работника, если он нарушил условия трудового или гражданско-правового договоров. Из содержания ст. 32 данного Федерального закона следует, что федеральный контроль и надзор осуществляется с целью выявления нарушений миграционного законодательства, а значит, трудовые права иностранного гражданина выходят за рамки миграционного законодательства и регулируются нормативными правовыми актами в трудовом праве.

Таким образом, важным условием защиты прав и свобод иностранного гражданина, осуществляющего трудовую деятельность, является соблюдение со стороны работодателя требований, установленных в рамках охраны труда. Наряду с правом трудящегося-мигранта на осуществление оплачиваемой трудовой деятельности и реализации иных трудовых прав, он также имеет право на защиту своего права, на жизнь и здоровье. К сожалению, в настоящее время существует проблема, связанная с отсутствием должного контроля со стороны государственных органов за предоставленными для трудящихся-мигрантов условиями труда. Как правило, неквалифицированные иностранные специалисты допускаются к работе без проведения обучения и проверки знаний, либо их проведении, но на базовом уровне без углубления в особенности деятельности, на осуществление которой был привлечен иностранный гражданин. Среди данной категории лиц часто возникают проблемы, связанные с отсутствием заключенного с работодателем трудового или гражданско-правового договоров, что в результате приводит к невыплате иностранному специалисту заработной платы. Дискуссионным остается вопрос, касающийся защиты прав и свобод иностранных граждан, нелегально находящихся на территории Российской Федерации. В данном случае значительно снижается вероятность защиты нарушенных прав, что с одной

стороны обусловлено игнорированием законодательных норм самим мигрантом, а с другой – использованием такого положения мигранта в собственных целях. Тем не менее, для обращения за восстановлением нарушенных прав на практике иностранный гражданин должен сам соблюдать законодательство и находиться на территории Российской Федерации легально.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/.
2. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37868/.
3. Указ Президента Российской Федерации от 31 октября 2018 г. № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019 – 2025 годы». URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/58986>.
4. Проект Федерального закона «Об условиях въезда (выезда) и пребывания (проживания) в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства» // НПП «Гарант-сервис». URL: <https://base.garant.ru/56883645/>.
5. Майстренко Г. А., Майстренко А. Г. Правовой статус иностранных граждан в сфере трудовых отношений: российский опыт // Образование и право. 2021. №5.
6. Тюнина И. И. Совершенствование механизма защиты прав и свобод трудящихся-иммигрантов в России // Вестник ВГУ. 2018. № 1. С. 78–84.
7. Сводка основных показателей деятельности по миграционной ситуации в Российской Федерации за январь – ноябрь 2022 года // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/deyatelnost/statistics/migracionnaya/item/34428645/>.

Шарифзода П. Р.¹,

*адъюнкт кафедры управления деятельностью
подразделений обеспечения охраны общественного порядка
центра командно-штабных учений
Академии управления МВД России*

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ОСНОВ ОХРАНЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА И ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН С УЧЕТОМ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Общим для современного развития административно-правового обеспечения национальной безопасности и в Российской Федерации, и в Республике Таджикистан является усиление его конституционно-правовых начал [1–4]. Эта тенденция оказывает сейчас и будет оказывать в будущем определяющее влияние не только на развитие современных форм и методов государственно-управленческой деятельности [5–8], но и на содержание административно-правового обеспечения как национальной безопасности в целом [9–12], так и ее отдельных видов.

В этой связи особое значение приобретает проведение сравнительно-правовых исследований в области обеспечения национальной безопасности [13–15], результаты которых будут способствовать совершенствованию концептуальных основ охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности в Республике Таджикистан [16].

Проведенные исследования позволили выявить ряд пробелов в законодательстве Республики Таджикистан в области охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности, а также обеспечения национальной безопасности в целом, которые можно преодолеть в процессе правотворческой деятельности с использованием положительного зарубежного опыта, прежде всего – опыта государств – участников СНГ, образовавшихся после распада СССР.

Анализ правовой системы Республики Таджикистан показывает, что в ней, в отличие, например, от правовой системы Российской Федерации, отсутствует концептуальный документ в области охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности. По мнению автора, следует поддержать предложение Ф. Р. Шарифзода, сделанное им в докторской диссертации, о необходимости принятия Концепции общественной безопасности Республики Таджикистан, что соответствовало бы потребностям времени и целям повышения эффективности правового регулирования в рассматриваемой области [17, с. 505–528]. Вариативность подходов современных ученых к определению общественной безопасности, ее соотношению с иными видами национальной безопасности влечет различия в содержании предлагаемых учеными проектов нормативных правовых актов. По мнению автора, в качестве модели для подготовки

¹ © Шарифзода П. Р., 2023.

концепции общественной безопасности Республики Таджикистан необходимо более полно использовать опыт Российской Федерации, где 20 ноября 2013 г. Президентом Российской Федерации была утверждена Концепция общественной безопасности в Российской Федерации. По никому не понятным причинам данная Концепция не была официально опубликована, она находится в электронных справочных системах, что, однако не снижает ее научной и методологической ценности [18].

Также анализ правовой системы Республики Таджикистан показывает, что в ней, в отличие от правовой системы Российской Федерации, отсутствует законодательный акт об основах системы профилактики правонарушений в Республике Таджикистан. По мнению автора, отсутствие данного закона не позволяет в полной мере использовать потенциал профилактики для противодействия правонарушениям в области оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, насилия в семье и иных, подведомственных органам внутренних дел правонарушений. Профилактика должна осуществляться в рамках осуществляемой органами внутренних дел административной деятельности. В Российской Федерации принят и действует Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» [19].

С учетом этого автор полагает, что назрела насущная необходимость принятия Закона Республики Таджикистан об основах профилактики правонарушений, в котором были бы закреплены и содержание основных понятий в данной области, и виды профилактики правонарушений, и механизм ее осуществления. Речь должна идти о профилактике правонарушений как основанной на положениях Конституции Республики Таджикистан, основных нормах и принципах международного права, нормативно закреплённой совокупности мер организационного, правового, социального, информационного, экономического и иного характера, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений, а также на оказание воспитательного воздействия на лиц в целях недопущения совершения ими правонарушений или антиобщественного поведения.

Под правонарушением в контексте закона о профилактике следует рассматривать преступления или административные правонарушения, представляющие собой противоправные деяния (действие, бездействие), влекущие уголовную или административную ответственность по законодательству Республики Таджикистан. Это определение охватывает правонарушения публично-правового характера, не включает гражданско-правовые деликты, что, однако, не делает законодательство о профилактике «ущербным».

В Республике Таджикистан субъектами профилактики правонарушений должны быть определены:

- Правительство Республики Таджикистан;
- органы внутренних дел Республики Таджикистан;
- прокуратура Республики Таджикистан;
- местные органы государственной власти;
- органы сферы образования;

- органы сферы социальной защиты населения;
- иные уполномоченные органы.

Общими обязанностями субъектов профилактики правонарушений и лиц, участвующих в профилактике правонарушений, при осуществлении профилактики правонарушений должны стать:

- соблюдение законодательства Республики Таджикистан о профилактике правонарушений, законов и других нормативных правовых актов субъектов Республики Таджикистан, регулирующих вопросы профилактики правонарушений;
- прав и законных интересов граждан и организаций;
- конфиденциальности полученной при осуществлении профилактики правонарушений информации, если ее распространение ограничено законодательством Республики Таджикистан;
- исполнение иных обязанностей, предусмотренных законодательством Республики Таджикистан.

В данном законе целесообразно систематизировать формы профилактического воздействия, носящие общий характер как для России, так и для Таджикистана. Для органов внутренних дел Республики Таджикистан очень актуальным было бы использование следующих форм:

- объявление официального предостережения (предостережения) о недопустимости действий, создающих условия для совершения правонарушений, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения;
- внесение представления об устранении причин и условий, способствующих совершению правонарушения.

Как показывает практика, эти формы профилактического воздействия являются наиболее действенными и могут повысить эффективность деятельности ОВД Республики Таджикистан.

В законе можно закрепить следующие полномочия органов внутренних дел Республики Таджикистан по профилактике правонарушений:

- участие в разработке и реализации программ по профилактике правонарушений и сотрудничество с иными субъектами, профилактирующими правонарушениями;
- прием, рассмотрение обращений и других сведений о правонарушениях или угрозе совершения правонарушений в порядке, предусмотренном законодательством Республики Таджикистан;
- выявление причин и условий, способствующих совершению правонарушений;
- постановка на учет лица, совершившего правонарушение, и осуществление по отношению к нему воспитательных и профилактических мер;
- разъяснение потерпевшему его прав при обращении и направление его в необходимых случаях на медицинский осмотр;
- направление потерпевшего на основании его письменного согласия в центры поддержки, центры или отделения медико-социальной реабилитации потерпевших;
- выдача защитного предписания лицу, совершившему правонарушений;

- составление материалов, возбуждение дел об административном правонарушении или уголовных дел в отношении лица, совершившего правонарушение, в порядке, установленном законодательством Республики Таджикистан;
- постановка на учет семей, в которых систематически наблюдаются случаи правонарушений и осуществление профилактических мер;
- ведение статистического учета случаев правонарушений;
- организация специальных обучающих курсов по вопросам профилактики правонарушений для работников органов внутренних дел;
- осуществление других полномочий, определенных нормативными правовыми актами Республики Таджикистан.

В плане положительно подзаконного правотворчества хотелось бы обратить внимание на положительный опыт Республики Узбекистан, где Указом Президента Республики Узбекистан «О мерах по утверждению и реализации Концепции общественной безопасности Республики Узбекистан» [20] утверждены:

- Концепция общественной безопасности Республики Узбекистан (далее – Концепция) (согласно приложению № 1);
- Стратегия развития системы обеспечения общественной безопасности в Республике Узбекистан на 2022–2025 годы (далее – Стратегия) (согласно приложению № 2);
- «Дорожная карта» по реализации в 2022 г. Стратегии развития системы обеспечения общественной безопасности в Республике Узбекистан на 2022–2025 годы (далее – «Дорожная карта») (согласно приложению № 3);
- Перечень задач, возложенных на инспекторов по профилактике органов внутренних дел (согласно приложению № 4).

При этом в п. 1 настоящего Указа говорится, что названные документы утверждены «на основе передового зарубежного и национального опыта по обеспечению общественной безопасности» и направлены на «гарантированную защиту населения от любых угроз».

Государственная политика в сфере обеспечения общественной безопасности представлена как «одно из основных направлений национальной безопасности». Общественная безопасность в Концепции определена как «состояние защищенности общества от противозаконных посягательств, социальных и межнациональных конфликтов, чрезвычайных ситуаций и иных угроз, которое способствует устойчивому развитию общества и обеспечивает реализацию прав, свобод и законных интересов человека»; обеспечение общественной безопасности – как «единая система, содержащая политические, социально-экономические, правовые и комплекс других организационных мероприятий, устанавливаемых государством для защиты общества от угроз и совершенствуемых на постоянной основе» (п. 1).

Национальными интересами в сфере обеспечения общественной безопасности являются (п. 2):

- обеспечение общественно-политической стабильности общества;
- создание и укрепление правового общества в стране на основе повышения правового сознания и политико-правовой культуры, политической и социальной активности, гражданской ответственности населения;

- расширение участия общественности в построении правового демократического государства и сильного гражданского общества, укреплении системы государственного и общественного управления, управлении делами государства и общества;

- повышение активной и созидательной роли органов самоуправления, негосударственных некоммерческих организаций, средств массовой информации в общественно-политической жизни страны, эффективности взаимодействия общества и государства;

- всестороннее укрепление межнациональных и межрелигиозных отношений, культуры религиозной толерантности, дружбы, взаимного сотрудничества и гуманизма в обществе;

- укрепление способности и потенциала сохранения социальной идентичности (языка, культуры, социального строя, национального менталитета и религии), т. е. способности самосохранения, в условиях постоянно происходящих в мире изменений и возникающих под их воздействием реальных и возможных угроз.

Также в Концепции определены основные направления государственной политики в сфере обеспечения общественной безопасности, ее принципы.

В гл. 2 «Государственное регулирование сферы обеспечения общественной безопасности» Концепции определено, что система обеспечения общественной безопасности состоит из субъектов, обеспечивающих общественную безопасность, и участвующих в ее обеспечении.

Субъектами, обеспечивающими общественную безопасность, являются Кабинет Министров, Министерство внутренних дел, Национальная гвардия, Министерство по чрезвычайным ситуациям, Служба государственной безопасности, Генеральная прокуратура, Министерство по поддержке махалли и семьи, Министерство по развитию информационных технологий и коммуникаций, Министерство здравоохранения Республики Узбекистан, местные органы государственной власти.

Другие государственные органы и организации, органы самоуправления граждан, негосударственные некоммерческие организации и граждане являются субъектами, участвующими в обеспечении общественной безопасности.

В гл. 3 Концепции определены механизмы ее реализации, включающие:

- совершенствование законодательства в сфере обеспечения общественной безопасности;

- разработку и реализацию целевых и адресных программ, направленных на обеспечение общественной безопасности; проведение межведомственных практических учебных занятий, направленных на обеспечение общественной безопасности;

- подготовку, расстановку, системное повышение квалификации и переподготовку кадров для системы обеспечения общественной безопасности;

- разработку и внедрение критериев и основных показателей степени, и состояния угроз общественной безопасности;

- прогнозирование текущего и перспективного состояния обеспечения общественной безопасности, разработку и реализацию мероприятий по определению и предотвращению возможных и имеющихся угроз;
- осуществление профилактики правонарушений, представляющих угрозу общественной безопасности, обеспечение привлечения в установленном порядке к ответственности лиц, совершивших их;
- внедрение единой централизованной системы координации и оперативного управления деятельностью уполномоченных государственных органов и общественных формирований по обеспечению общественной безопасности;
- широкое внедрение цифровых технологий в обеспечение общественной безопасности;
- изучение и принятие мер к внедрению передового зарубежного опыта обеспечения общественной безопасности, осуществление международного сотрудничества в сфере.

Глава 4 Концепции посвящена результатам, ожидаемым от ее реализации.

Целью Стратегии является разработка и эффективная реализация правовых, методических, научных, организационных мер по внедрению качественно новой системы обеспечения общественной безопасности в стране.

К основным задачам Стратегии относятся:

- регулирование и систематизация отношений в сфере обеспечения общественной безопасности, а также устранение правовых пробелов и коллизий;
- сочетание деятельности охраны общественного порядка, профилактики правонарушения, обеспечения безопасности дорожного движения и пробации;
- разработка и постоянное совершенствование алгоритма совместных действий сил и средств министерств и ведомств, привлекаемых к охране общественного порядка, в т. ч. проведению массовых мероприятий;
- широкое внедрение в деятельность по обеспечению общественной безопасности современных форм и методов работы, а также передовых информационных технологий;
- минимизация человеческого фактора в служебной деятельности путем доведения уровня цифровизации системы общественной безопасности до 90 %;
- кардинальное сокращение совершения повторных преступлений со стороны лиц, состоящих на профилактическом учете, находящихся под административным и пробационным надзором.

Стратегия предусматривает полную реализацию до конца 2025 г. определенных в ней мер на основе Концепции общественной безопасности Республики Узбекистан. Она содержит следующие главы:

1. Общие положения.
2. Развитие правовых основ обеспечения общественной безопасности.
3. Развитие методических основ обеспечения общественной безопасности.
4. Развитие научных основ обеспечения общественной безопасности.
5. Развитие организационных основ обеспечения общественной безопасности.
6. Развитие форм и методов обеспечения общественной безопасности.
7. Цифровизация деятельности по обеспечению общественной безопасности.

По мнению автора, в гл. 6 Стратегии необходимо обратить внимание на ряд направлений развития форм и методов обеспечения общественной безопасности:

- конкретное определение круга полномочий органов и учреждений, непосредственно осуществляющих профилактику правонарушений, при выявлении и устранении истинных факторов совершенных преступлений (п. 67);
- внедрение понятий «социальная профилактика», «пробационная профилактика», «следственная профилактика», «судебная профилактика» в качестве видов профилактики правонарушений, установление точных механизмов их применения (п. 77);
- образование института профилактического контроля на базе институтов административного надзора и профилактического учета (п. 79).

В гл. 7 Стратегии в качестве направления цифровизации деятельности по обеспечению общественной безопасности назван полный перевод административного делопроизводства в электронную форму в целях предупреждения чрезмерной волокиты для граждан по административным правонарушениям, экономии времени для сотрудников данной сферы, своевременного и оперативного обеспечения неотвратимости наказания (п. 94).

Эти направления важны для учета в плане дальнейшего развития профилактической деятельности в Республике Таджикистан, осуществляемой органами внутренних дел. Также в этих целях необходимо изучить перечень задач, возложенных на инспекторов по профилактике органов внутренних дел, изложенных в приложении № 4 к Указу Президента Республики Узбекистан от 29 ноября 2021 г. № УП-27.

Рассмотренные документы показывают, что залогом эффективной охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности является тесное взаимодействие органов внутренних дел с местными органами [21; 22], а также действенное сотрудничество компетентных органов государственной власти в различных областях охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности [23; 24].

Список литературы

1. Виноградова Е. В. Принятие отечественных конституций и поправок к ним // Правовая политика и правовая жизнь. 2020. № 4. С. 19–29.
2. Конституционное право России / [Ю. Г. Бабаева и др.]. М. : Юнити-Дана, 2021.
3. Харламов С. О., Егоров С. А. Формирование понятия «конституционная навигация» и его роль в реализации института правового государства // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 3. С. 82–84.
4. Правовая политика в сфере публичного права: проблемы и пути решения / [З. С. Байниязова и др.]. Тамбов : Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, 2010.
5. Административное право Российской Федерации / [В. Я. Насонов и др.]. М. : Академия, 2003.
6. Административно-правовое регулирование в сфере экономики (современные формы и методы) / [Е. В. Виноградова и др.]. Воронеж : Научная книга, 2021.

7. Правовое регулирование публичных финансовых отношений в современной России / [М. Н. Кобзарь-Фролова и др.]. М. : Институт государства и права Российской академии наук, 2022.

8. Правовая политика в сфере частного права: проблемы и пути их решения / [Р. В. Пузиков и др.]. Тамбов : Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, 2010.

9. Виноградова Е. В., Захарцев С. И. Суверенитет: государство – личность – государство. Российская модель // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № 1. С. 156–163.

10. Кобзарь-Фролова М. Н., Лебедева Е. А. К дискуссии о цели и назначении административной ответственности в контексте административной реформы // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 1 (41). С. 117–120.

11. Редкоус В. М., Кулишов Д. Н. Административно-правовое положение граждан Российской Федерации в области обеспечения национальной безопасности: теоретические подходы к выработке понятия и определению структуры // Административное и муниципальное право. 2013. № 10 (70). С. 931–943.

12. Редкоус В. М. Современные направления правового обеспечения государственной безопасности в Российской Федерации // Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия : сборник материалов VIII Международной научно-практической конференции. Пермь : Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2021. С. 67–69.

13. ФСБ России. Правовое регулирование деятельности федеральной службы безопасности по обеспечению национальной безопасности Российской Федерации : научно-практический комментарий / [Л. К. Айвар и др.] ; под ред. В. Н. Ушакова, И. Л. Трунова. М. : Эксмо, 2006.

14. Редкоус В. М. Теоретические основы использования сравнительно-правового метода в исследовании административно-правового обеспечения национальной безопасности в государствах СНГ // Глобализация – безопасность государства – национальные интересы: доктрина права и правовая жизнь : монография / под общ. ред. Р. В. Пузикова, В. Фэхлера. Тамбов : Принт-Сервис, 2020. С. 27–56.

15. Редкоус В. М. Сравнительному правоведению в области обеспечения национальной безопасности – новые грани развития // Актуальные вопросы применения норм административного права («Кореневские чтения») (к 20-летию образования Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя) : сборник научных трудов / сост. Г. Н. Василенко. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2022. С. 329–336.

16. Шарифзода П. Р. Концептуальные вопросы научного исследования административно-правового регулирования деятельности органов внутренних дел Республики Таджикистан в сфере профилактики насилия в семье // Закон и право. 2021. № 4. С. 201–202.

17. Шарифзода Ф. Р. Теоретико-правовые основы организации деятельности органов внутренних дел Республики Таджикистан в системе обеспечения национальной безопасности государства : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.11. М. : Академия управления МВД России, 2022.

18. Концепция общественной безопасности в Российской Федерации : утверждена Президентом Российской Федерации 20 ноября 2013 г. // НПП «Гарант-сервис». URL: <https://www.garant.ru/>.

19. Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 26 (ч. I). Ст. 3851.

20. Указ Президента Республики Узбекистан от 29 ноября 2021 г. № УП-27 «О мерах по утверждению и реализации концепции общественной безопасности Республики Узбекистан» // Национальная база данных законодательства. 2021. № 06/21/27/1116. 1 дек.

21. Харламов С. О., Зеленкова О. П. Проблемы взаимодействия органов местного самоуправления и органов внутренних дел при реализации функции по охране общественного порядка // Вестник экономической безопасности. 2019. № 4. С. 55–58.

22. Летова Н. В. Семейное насилие как негативное явление современного общества // Государство и право. 2022. № 12. С. 106–111.

23. Харламов С. О., Егоров С. А. Сотрудничество компетентных органов государственной власти в сфере обеспечения миграционной безопасности в приграничных регионах государств – участников Содружества независимых государств // Актуальные проблемы международного сотрудничества в борьбе с преступностью : сборник научных трудов. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2022. С. 185–192.

24. Харламов С. О., Егоров С.А., Хрустов А. А. Правовые основы межгосударственного и внутригосударственного сотрудничества в сфере противодействия незаконной миграции // Стратегические аспекты сотрудничества органов внутренних дел (полиции) стран Содружества в противодействии транснациональной преступности в контексте развития информационного общества под эгидой Совета министров внутренних дел государств – участников Содружества Независимых Государств : сборник тезисов выступлений. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2022. С. 177–192.

Ерчева Л. Р.¹,
старший преподаватель
кафедры иностранных языков
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Школьников Н. С.²,
курсант 502 учебного взвода
Международно-правового факультета
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

СВОБОДА ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ КАК ИНСТИТУТ В РАЗЛИЧНЫХ СТРАНАХ

Статус свободы вероисповедания во всем мире варьируется от страны к стране. Государства могут различаться в зависимости от того, гарантируют ли они равное право обращения к закону для последователей разных религий, устанавливают ли они государственную религию (и каковы юридические последствия того, влияет ли это положение на ее адептов или не приемлемы для ее граждан), степень, в которой религиозные организации, действующие в стране, контролируются полицией, и какой подход к религии используется в качестве основы для правовой системы страны.

Существуют дополнительные расхождения между самопровозглашенной позицией некоторых стран в отношении свободы вероисповедания в законодательстве и реальной практикой органов власти в этих странах: установление страной религиозного равенства в своей конституции или законах не обязательно означает свободу вероисповедания для жителей страны. Кроме того, подобные практики (например, когда граждане указывают свои религиозные предпочтения правительству или на удостоверениях личности) могут иметь разные последствия в зависимости от других социально-политических обстоятельств, характерных для рассматриваемых стран.

Более 120 национальных Конституций декларируют равенство независимо от религии.

Практически в каждой стране Европы законодательно закреплена свобода вероисповедания для людей, проживающих в стране, и в большинстве из них также действуют антидискриминационные законы, в которых особо подчеркивается свобода вероисповедания. Однако соблюдение этих законов не всегда является последовательным, и некоторые страны зачастую не выполняют их на местном уровне. В нескольких странах Европы по-прежнему существуют государственные религии. В большинстве стран бывшего Восточного блока действуют государственные программы по реституции религиозной собственности, конфискованной предыдущими социалистическими правительствами. Многие страны

¹ © Ерчева Л. Р., 2023.

² © Школьников Н. С., 2023.

Европы также предоставляют государственное финансирование или другие привилегии зарегистрированным религиозным группам. В нескольких странах действуют законы об убойе животных, которые фактически запрещают мясникам делать кошерное и халяльное мясо, а в меньшей части стран запрещается немедицинское обрезание, как правило, на основании прав человека и прав животных соответственно. В большинстве случаев религиозные люди, которым необходимо соблюдать свои обычаи, могут импортировать мясо и выезжать в другие страны для проведения обрезания без вмешательства со стороны своего правительства.

Религиозная терпимость в обществе в целом различается по всей Европе. В то время как в некоторых странах наблюдается высокая степень религиозной терпимости, в других отмечается значительный уровень антимусульманских и антиеврейских настроений среди населения в целом, а также дискриминация адептов религиозных сект, например, Свидетелей Иеговы, иногда приводящая к физическому насилию или вандализму на религиозной почве. В некоторых случаях такое отношение фиксируется у на государственных чиновников. В некоторых странах, особенно в бывшем государстве Югославия, существуют враждебные отношения между христианскими конфессиями, связанные со спорами между православными церквями по поводу религиозной юрисдикции и контроля над святыми местами.

Большинство стран Азии официально устанавливают свободу вероисповедания законом, но степень этой свободы весьма неоднозначна. В некоторых странах действуют законы, запрещающие дискриминацию, а в других – богохульство. Правовая дискриминация религии присутствует во многих странах Азии. Некоторые страны также значительно ограничили деятельность исламских групп, которые они определяют, как группы исламского фундаментализма. Несколько стран запрещают прозелитизм (стремление обратить всех в свою веру) [3], как в целом, так и для конкретных религиозных групп. В Таджикистане и Туркменистане существуют значительные ограничения в отношении религиозной практики в целом, а другие страны, такие как Китай, не поощряют ее на базовом уровне. Несколько стран в Азии имеют государственную религию, при этом ислам (обычно суннитский ислам) является наиболее распространенным, за ним следует буддизм. Ливан и Иран, а также Сирийский Курдистан установили конфессионально ориентированные политические системы, гарантирующие определенным религиозным группам в стране определенный уровень представительства в правительстве. В некоторых странах с преобладающим мусульманским населением существуют исламские религиозные суды с различной степенью полномочий. Правительства некоторых других мусульманских стран играют активную роль в осуществлении надзора и руководстве формой мусульманской религиозной практики в своей стране. Уровень религиозной толерантности в обществе разных стран Азии во многом различен. К группам, подвергающимся негативному влиянию, относятся мусульмане, христиане, евреи, буддисты, атеисты и индуисты.

С разной степенью поддержки или вмешательства со стороны местных органов власти религиозное насилие присутствует в нескольких странах. Такие

группы, включая мусульман, христиан, буддистов, индуистов и атеистов, сталкиваются с насилием на религиозной почве.

В большинстве стран Африки законодательно установлено, что свобода вероисповедания является правом, предоставляемым всем людям. Уровень, в которой эта норма соблюдается на практике, достаточно серьезно варьируется от страны к стране. В некоторых странах действуют антидискриминационные законы, запрещающие религиозную дискриминацию. В других, особенно в Западной и Южной Африке, наблюдается высокая степень религиозной терпимости, как со стороны правительства, так и со стороны общественности. Иные демонстрируют значительный уровень религиозной дискриминации, практикуемой либо правительственными аппаратами, либо широкой общественностью. Группы, испытывающие серьезную правовую дискриминацию в Африке, включают мусульман (в большинстве своем из христианских стран), христиан (в основном из мусульманских стран), последователи веры бахаи [2], мусульмане-ахмадийцы (в мусульманских странах) [1], и растафари [4]. Кроме того, в некоторых странах наблюдается значительный уровень общественной враждебности по отношению к атеистам. Некоторые страны запрещают колдовство, несколько провозгласили ислам государственной религией, и некоторые страны со значительным многочисленным мусульманским населением практикуют осуществление серьезного государственного надзора за деятельностью ислама в стране, которые чаще всего используются для решения проблем в рамках семейного права. Эти суды обычно действуют как дополнение к светским судам, играя подчиненную роль.

Некоторые страны требуют, чтобы религиозные организации регистрировались в правительстве, а некоторые запрещают создание религиозных политических партий. Несколько стран предоставляют финансирование религиозным учреждениям или паломничествам.

Случаи насилия на религиозной почве замечены в некоторых странах, особенно тех, где фиксируется высокий уровень политической нестабильности или активных противостояний. Религиозное насилие присутствует в странах, отличающихся с разной степенью поддержки или вмешательства со стороны местных органов власти. Группы, включающие мусульман, христиан, буддистов, индуистов и атеистов, продолжают сталкиваться с насилием на религиозной почве.

Список литературы

1. Гусева Ю. Н. Деятельность мусульманского движения «ахмадийа» в 20-е гг. XX в. // Восток (ORIENS). 2013. № 5. С. 67–74.
2. Пивоваров Д. В. Вера бахаи: история, вероучение, культ : учебное пособие. Екатеринбург : издательство Уральского университета, 2014.
3. Свобода вероисповедания и прозелитизм на севере Африки. URL: <http://www.rodon.org/relig-080701123419>.
4. Ailey J. T. Ras Political: The Emergence of the Political Rastafarian through Ras Samuel L Brown [online]. The Dread Library. Available at, 2015. URL: <https://debate.uvm.edu/dreadlibrary/bailey.html>.

Шубочкин О. Н.¹,
*адъюнкт кафедры управления
деятельностью подразделений обеспечения
охраны общественного порядка
центра командно-штабных учений
Академии управления МВД России*

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В ОБЛАСТИ МИГРАЦИОННОГО УЧЕТА

Конституционно-правовые изменения, связанные с принятием Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» [1] и внесении соответствующих изменений и дополнений в Конституцию Российской Федерации, вызвали всплеск совершенствования российского законодательства, связанных с практическим воплощением конституционных положений в законодательные и иные нормативные правовые акты [2–5]. Конституционно-правовое развитие оказывает серьезное влияние на формирование современного административно-правового регулирования общественных отношений в сфере государственного управления [6–9], систему форм и методов деятельности федеральных органов исполнительной власти [10–13], что непосредственно затрагивает и миграционное законодательство нашей страны [14–18].

Миграционное законодательство является одним из самых динамичных и развивающихся в Российской Федерации, в нем практически зеркально отображаются все процессы, происходящие в государственной и общественной жизни [19; 20], начиная от политики и экономики, и заканчивая сферой образования, науки и культуры. Потребность совершенствования миграционного законодательства обусловлена совершенствованием форм методов государственно-управленческой деятельности в нашей стране, а также общественных отношений в сфере обеспечения национальной безопасности.

Сложившаяся современная общественно политическая ситуация в сфере миграционных процессов и принимаемые на уровне государства меры по ее контролю в Российской Федерации характеризуются двумя разнонаправленными тенденциями, требующими научного осмысления. С одной стороны, начавшийся в 2021 г. рост количества фактов постановки на миграционный учет иностранных граждан (далее – ИГ) и лиц без гражданства (далее – ЛБГ) (на 37 % по итогам года), продолжившейся в 2022 г. (+55 %), ожидаемо спровоцировал рост преступности, показатели которой в части, касающейся статистики преступлений, совершенных ИГ и ЛБГ в конце 2021 г. достигли уровня 36,4 тыс. преступлений, что на 6 % больше, чем в 2020 г. Негативная тенденция роста преступлений, совершаемых ИГ и ЛБГ продолжилась и в 2022 г., так за январь – июнь ими уже

¹ © Шубочкин О. Н., 2023.

совершено 21 тыс. преступлений, что на 12 % больше, чем за аналогичный период прошлого года. С другой стороны, необходимость стимулирования экономики и отдельных ее секторов, напрямую зависящих от наличия трудовых ресурсов в условиях противоэпидемиологических ограничений, потребовали введения в 2021 г. моратория на вынесение новых решений о нежелательности пребывания ИГ и ЛБГ, находящихся на территории России, об их выдворении и депортации.

Несмотря на то, что действие моратория не распространяется на ИГ и ЛБГ, создающих угрозу национальной безопасности [21; 22], посягающих на общественный порядок и общественную безопасность, деятельность МВД России по реализации процедуры принятия нежелательности пребывания в отношении ИГ и ЛБГ фактически была приостановлена и не оказывала существенного влияния на миграционную политику государства. Помимо снижения количества решений о нежелательности пребывания ИГ и ЛБГ на территории Российской Федерации, в указанный период по причине антиковидных ограничений, значительно снизилась активность судов по применению процедуры их выдворения. Так, анализ судебной статистики о выдворении из России ИГ и ЛБГ за 2020 г. показывает сокращение судебных решений об административном выдворении в четыре раза по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. В 2021 г., судами выдворение применялось по 32 876 административным правонарушениям, что на 2 % меньше, чем в 2020 г.

В этой связи особую актуальность приобретают правоприменительные механизмы административного принуждения, позволяющие государственным правоохранительным органам оказывать эффективное воздействие на ИГ и ЛБГ, представляющих реальную угрозу национальной безопасности Российского государства. Одним из таких механизмов, дающих потенциальную возможность уполномоченным государственным органам эффективно устранять возможные угрозы национальной безопасности Российской Федерации со стороны ИГ и ЛБГ, даже если они законно находятся на территории России, является административно-правовой институт принятия решения о нежелательности пребывания ИГ и ЛБГ на территории страны.

Федеральный закон от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и порядке въезда в Российскую Федерацию» [23], еще в 1996 г. в ст. 25.10 предусмотрел такую возможность. Анализ положений этой нормы права позволяет систематизировать основания принятия решения о нежелательности пребывания ИГ и ЛБГ на территории Российской Федерации, выделив из них те, которые могут применяться в отношении ИГ и ЛБГ законно находящихся на территории страны (в отношении ИГ и ЛБГ незаконно находящихся на территории Российской Федерации или которым не разрешен въезд в Российскую Федерацию, решение о нежелательности их пребывания может быть принято и без наличия реальной угрозы каким-либо охраняемым законом государственных интересов).

Итак, законодатель выделил следующие виды объектов, реальная угроза причинения вреда которым со стороны ИГ и ЛБГ может послужить основанием принятия решения об их нежелательности пребывания в России:

- обороноспособность;
- безопасность государства;
- общественный порядок;
- здоровье населения.

В целях реализации положений Федерального закона № 114-ФЗ, постановлением Правительства Российской Федерации от 23 августа 2021 г. № 1390 [24] были определены семь федеральных органов исполнительной власти, уполномоченных принимать такие решения, в том числе и МВД России. Такое количество обусловлено разнообразием возможных потенциальных угроз со стороны ИГ и ЛБГ вышеуказанным охраняемым государством интересам.

Правовой статус каждого из уполномоченных федеральных органов исполнительной власти позволяет эффективно противодействовать только отдельным видам угроз, что в совокупности создает устойчивую систему противодействия потенциальным рискам национальной безопасности Российской Федерации. Так, например, угрозы обороноспособности страны, в силу специфики правового статуса, наиболее эффективно могут быть нейтрализованы ФСБ России, Минобороны России и СВР России.

Исходя из правового статуса полиции, являющейся составной частью МВД России, ее предназначения для противодействия преступности, охраны общественного порядка, собственности, обеспечения общественной безопасности, можно сделать вывод о ее наибольшей правосубъектности в области нейтрализации угроз со стороны ИГ и ЛБГ только в части, касающейся противодействия угрозам, имеющим криминальную природу.

Такая узкая направленность правосубъектной компетенции предопределила для МВД России (полиции) специфику организации ее деятельности по этому направлению. Отметим, что до 2012 г. работа Министерством внутренних дел Российской Федерации по принятию решений о нежелательности пребывания ИГ и ЛБГ на территории Российской Федерации практически не велась в силу отсутствия соответствующего ведомственного организационно-распорядительного документа. Только лишь 10 ноября 2012 г. был издан приказ МВД России № 1024, утвердивший порядок представления и рассмотрения в МВД России и его территориальных органах материалов для принятия решения о нежелательности пребывания ИГ и ЛБГ в Российской Федерации.

В настоящее время Концепцией государственной миграционной политики на 2019–2025 годы [25] предусмотрено совершенствование института нежелательности пребывания. Однако недостаточная активность уполномоченных органов исполнительной власти по его применению не отвечает степени опасности влияния криминальной активности ИГ и ЛБГ на угрозы национальной безопасности Российской Федерации, что обусловлено рядом проблем как субъективного, так и объективного характера.

Придание миграционной функции государства полицейского характера привело к конкуренции законодательства, приводящей подчас к возникновению ряда антагонизмов в ходе осуществления правоприменительной деятельности при осуществлении административно-правового регулирования в миграционной

сфере. К конкурирующим в первую очередь следует отнести федеральные законы:

- от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» [26];
- 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» [27].

Вместе с тем при реализации общих обязанностей полиции по пресечению административных правонарушений и осуществлению производства по ним, не ограниченных какой-либо сферой применения, следует опираться на требования правовых норм, регламентирующих указанное направление деятельности органов внутренних дел, а именно Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [28] и Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции».

В целях недопущения осложнения миграционной и криминогенной ситуаций в стране, интенсификации профилактической работы с иностранными гражданами и лицами без гражданства МВД России при осуществлении контрольно-надзорной деятельности в сфере миграции предлагается использовать следующие формы ее реализации:

- проведение проверок мест компактного пребывания (проживания) иностранных граждан и лиц без гражданства, а также мест осуществления ими трудовой деятельности с целью выявления иностранных граждан и лиц без гражданства (групп иностранных граждан и лиц без гражданства), представляющих угрозу для общественной безопасности;
- работу по выявлению и пресечению каналов незаконной миграции, установлению их организаторов, а также лиц, привлекающих иностранную рабочую силу без соответствующих разрешительных документов и осуществляющих фиктивную постановку иностранных граждан на миграционный учет;
- мониторинг данных об иностранных гражданах и иных сведений, которые могут способствовать выявлению лиц, незаконно проживающих на территории России, с целью использования необходимой информации и повышения результативности проведения оперативно-профилактических мероприятий, в т. ч. по решению вопросов о неразрешении въезда иностранных граждан и лиц без гражданства в Российскую Федерацию и нежелательности пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации.

С целью совершенствования деятельности органов внутренних дел в области миграции, по мнению автора, целесообразно:

- для принятия мер превентивного характера, профилактики правонарушений расширить категории лиц, подлежащих обязательной государственной дактилоскопической регистрации и фотографированию из числа иностранных граждан и лиц без гражданства, прибывших в Российскую Федерацию;
- делегировать полномочия о принятия решения о нежелательности пребывания в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства на начальников Главных управлений МВД России, что позволит ускорить процедуру принятия таких решений;

- внести дополнения в приказ МВД России по оценочной деятельности подразделений ОВМ по результатам работы по выставлению неразрешения въезда в Российскую Федерацию иностранному гражданину или лицу без гражданства за неоднократное (два и более раза) привлечение к административной ответственности в течение последних трех лет, согласно п. 4 ст. 26 ФЗ-114 «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» и принятых решений о нежелательности пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации;
- совершенствовать действующее миграционное законодательство, чтобы оно соответствовало интенсификации (увеличению напряженности) миграционных процессов [29; 30];
- повышать значимость использования информационных технологий при реализации административно-правового регулирования миграционных процессов через внедрение средств автоматизации и унификации пограничного, паспортно-визового и иммиграционного контроля [31];
- усилить подготовку кадров для подразделений органов внутренних дел, осуществляющих миграционную деятельность [32; 33].

Список литературы

1. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 11. Ст. 1416.
2. Конституционное право России / [Ю. Г. Бабаева и др.]. М. : Юнити-Дана, 2021.
3. Виноградова Е. В. Принятие отечественных конституций и поправок к ним // Правовая политика и правовая жизнь. 2020. № 4. С. 19–29.
4. Виноградова Е. В., Кобзарь-Фролова М. Н. Исполнительная власть в системе публичной власти в свете новых конституционных реалий // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № 1. С. 250–262.
5. Виноградова Е. В., Кобзарь-Фролова М. Н. Академической науке административного права и административного процесса 85 лет // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2021. Т. 16. № 6. С. 198–210.
6. Административное право Российской Федерации / [В. Я. Насонов и др.]. М. : Академия, 2003.
7. Административно-правовое регулирование в сфере экономики (современные формы и методы) / [Е. В. Виноградова и др.]. Воронеж : Научная книга, 2021.
8. Харламов С. О., Кашаева В. В. Иммиграционный контроль в системе функций ОВД // Миграционные процессы в современном мире : сборник научных трудов. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2021. С. 245–249.
9. Правовая политика в сфере публичного права: проблемы и пути решения / [З. С. Байниязова и др.]. Тамбов : Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, 2010.

10. Редкоус В. М. Актуальные вопросы развития методов государственного регулирования экономической деятельности в Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации (21 апреля 2021 г.) // Образование. Наука. Научные кадры. 2021. № 2. С. 128–131.

11. Редкоус В. М. Актуальные вопросы развития форм государственного регулирования экономической деятельности в Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации (21 апреля 2021 г.) // Закон и право. 2021. № 6. С. 22–25.

12. Киреев М. П., Редкоус В. М., Урбан В. В. Борьба с преступностью: от обычая к закону // Вопросы истории. 2021. № 5-2. С. 227–242.

13. Редкоус В. М. Некоторые вопросы правового регулирования трудовой миграции (опыт государств – участников СНГ) // Государственная служба и кадры. 2022. № 3. С. 73–76.

14. Харламов С. О., Дурнев В. С. Некоторые аспекты международного сотрудничества органов внутренних дел Российской Федерации с правоохранительными органами приграничных стран в сфере миграции // Вестник экономической безопасности. 2022. № 3. С. 249–253.

15. Редкоус В. М. Актуальные вопросы обеспечения экономической безопасности в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации от 2 июля 2021 г. // Закон и право. 2021. № 8. С. 23–27.

16. Редкоус В. М. Административная реформа как основа совершенствования деятельности органов внутренних дел в сфере миграции // Миграционные процессы в современном мире : сборник научных трудов. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2021. С. 194–198.

17. Государственно-правовые основы миграции и миграционных процессов в Российской Федерации : учебное пособие / [И. Ф. Амельчаков и др.]. Белгород : Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, 2020.

18. Influence of migration processes in Europe on law and legal culture of information society / E. Pevtsova, N. Pevtsova, M. Lavitskaya, V. Redkous [et al.] // E3S Web of Conferences : 8, Rostovon-Don, 19–30 августа 2020 г. Rostovon-Don, 2020. P. 17023.

19. Прудникова Т. А., Редкоус В. М., Акимов С. А. Административно-правовой статус органов исполнительной власти (на примере миграционных служб) : учебное пособие. М. : Юнити-Дана, 2017.

20. Редкоус В. М. О совершенствовании правовой основы деятельности органов внутренних дел по объявлению официальных предостережений // Закон и право. 2020. № 9. С. 157–159.

21. Редкоус В. М. Опыт кодификации миграционного законодательства в правовом пространстве Содружества Независимых Государств // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 3. С. 210–213.

22. Демиденко Д. П., Харламов С. О. Актуальные аспекты реализации единой миграционной политики Союзного государства Республики Беларусь и Российской Федерации // Вестник экономической безопасности. 2021. № 3. С. 348–351.

23. Федеральный закон от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 34. Ст. 4029.

24. Постановление Правительства Российской Федерации от 23 августа 2021 г. № 1390 «О порядке принятия решения о нежелательности пребывания (проживания) иностранного гражданина или лица без гражданства в Российской Федерации, а также приостановления действия и отмены такого решения в отношении лица без гражданства, получившего временное удостоверение личности лица без гражданства в Российской Федерации, за исключением решения о нежелательности пребывания (проживания) иностранного гражданина или лица без гражданства в Российской Федерации, принятого в связи с наличием обстоятельств, создающих реальную угрозу здоровью населения, и признании утратившими силу актов и отдельных положений актов Правительства Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 35. Ст. 6303.

25. Указ Президента Российской Федерации от 31 октября 2018 г. № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 45. Ст. 6917.

26. Федеральный закон от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 52 (ч. I). Ст. 6249.

27. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 7. Ст. 900.

28. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 1.

29. Организация и деятельность полиции (милиции) зарубежных государств / [И. А. Горшенева и др.]. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юнити-Дана, 2022.

30. Редкоус В. М. Теоретические основы использования сравнительно-правового метода в исследовании административно-правового обеспечения национальной безопасности в государствах СНГ // Глобализация – безопасность государства – национальные интересы: доктрина права и правовая жизнь : монография / под общ. ред. Р.В. Пузикова, В. Фэхлера. Тамбов : Принт-Сервис, 2020. С. 27–56.

31. Редкоус В. М., Сергеев А. В. Вопросы взаимодействия правоохранительных органов и институтов гражданского общества в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации // Закон и право. 2016. № 2. С. 154–156.

32. Харламов С. О., Донская М. В. О некоторых основных направлениях подготовки кадров с целью реализации Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 3. С. 274–278.

33. Редкоус В. М. Административно-правовое регулирование подготовки специалистов для федеральных органов исполнительной власти // Военное право. 2019. № 6 (58). С. 77–81.

Белянская Л. И.¹,
*ведущий советник отдела законодательства
о некоммерческих организациях
Департамента законодательства и правоприменения
в сфере некоммерческих организаций Минюста России,
кандидат юридических наук*

ПРАВО НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ КАК ФОРМА КОНСТИТУЦИОННОЙ СВОБОДЫ ОБЪЕДИНЕНИЙ

Самое удивительное достижение человека – это создание мира духовных ценностей, мировоззрений и устройства совместного существования самих людей, их государственности, общего мышления; мира искусств – литературы, музыки, спорта, живописи, скульптуры и зодчества. И все это было бы невозможно без общественных организаций, союзов и взаимодействия людей между собой и государством.

Ежедневные события происходят во множестве взаимодействий людей с государством, интерес которого общее благо, развитие, польза и безопасность. В современных условиях некоммерческий сектор является важнейшим элементом гражданского общества и представляет собой особый институт, включающий в себя различные некоммерческие организации и общественные объединения.

Актуальность этого института остается неизменной как для внутривнутриполитических процессов, так и на международной арене, поскольку деятельность таких организаций является основой для совершенствования общественной и политической жизни, источником гражданских инициатив, выступает залогом обеспечения в государстве социальной стабильности и формирования гражданского общества.

Президент Российской Федерации В. В. Путин на заседании Совета по развитию гражданского общества и правам человека 7 декабря 2022 г. отметил, что «деятельность некоммерческих организаций является чрезвычайно важной для нашей страны... они работают не за деньги – прежде всего работают по зову сердца. А такая мотивация на помощь людям, на достижение результатов в чрезвычайно важных, чувствительных социальных сферах чрезвычайно важна для конечного результата».

Некоммерческие организации – это разновидность юридических лиц, которые имеют своей целью деятельности общественную пользу, не связанную с извлечением материальной прибыли, и отвечают критериям, установленным законодательством.

В иностранном законодательстве как правило используется близкое по значению понятие «неправительственная организация» (далее – НПО). Смысл этого понятия, в том, чтобы подчеркнуть отсутствие влияния государственно-правового учредительства. Российский законодатель не пошел по этому пути, поскольку жить в государстве и отрицать его влияние невозможно. Тем не менее,

¹ © Белянская Л. И., 2023.

в зарубежных правовых системах наличие НПО связывают со следующими признаками юридического лица:

1) структурированность – наличие организационных элементов, органов или подразделений в соответствии с функциональными и общественно-полезными целями деятельности;

2) независимость – беспристрастность к идеологическим установкам органов государственной власти и сосредоточенность только на тех целях, ради которых создана организация. Организация не должна быть частью системы государственных органов, не должна обладать властными полномочиями на национальном и местном уровнях. Она по своей структуре управления должна относиться к организациям с частной системой управления. Однако это не означает, что такая организация не может получать от государства субсидии либо иную помощь, а представители государственных органов не могут находиться в составе органов власти;

3) самоуправление – наличие самостоятельных органов управления, системы внутреннего контроля над своей деятельностью, внутренних правил и процедур принятия решений и практических действий;

4) нераспределение прибыли – отсутствие задач распределения доходов между учредителями, органами и членами организации. Организация управляет своим капиталом только для достижения целей ее создания, но не для обогащения ее учредителей;

5) добровольность участия – свободный выбор граждан в деятельности организации, включая использование добровольных пожертвований, вкладов и трудового участия, волонтеров, подвижников, энтузиастов.

Как видим, смысл понимания российским законодательством статуса некоммерческих организаций (далее – НКО) вполне созвучен мировой практике. Он схож по признакам общественной пользы и социальной направленности. Вместе с тем, наше понимание шире и объективнее, российский закон пошел по пути более широкого учета общественных интересов, наше понятие НКО отражает весь спектр общественной жизни.

Это крайне актуально в современных условиях, когда формируются новые государственно-правовые подходы в регламентации статуса, функционирования и ответственности НКО. Эта тема интересна как с теоретической, так и с практической точки зрения. Она важна для системы государственной службы и для российского общества в целом.

Нормы законодательства о некоммерческих организациях входят в состав многих отраслей права. Такая ситуация требует особого внимания к качеству правового регулирования общественных отношений с участием некоммерческих организаций. Здесь необходим комплексный правовой подход к защите прав и законных интересов некоммерческих организаций, с одной стороны, а с другой – к интересам всего общества и государства.

Значение некоммерческих организаций, прежде всего в том, что они первыми реагируют на новые потребности общества, привлекают к ним внимание государства. НКО способны находить самостоятельный ответ на новые обстоятельства и нужды страны, возникающие на пути ее развития. Они подчас предлагают

оригинальные решения социальных проблем; изнутри общества отвечают на его нужды, на которые государство и бизнес не всегда обращают внимание. Они свободны в выборе направлений своей деятельности, открыты для коммуникации, имеют тесную связь с общинами, профессиями и группами социальных интересов. НКО могут объединять различные социальные группы, служат связующим звеном между разными политическими течениями, снижая социальную напряженность, уменьшая профессиональные риски, обходя бюрократические барьеры и препятствия, сдерживающие развитие общества.

НКО способны оперативно реагировать на несправедливость, находить более эффективные пути реализации государственной политики в предметных областях социальной действительности. Они обеспечивают представление альтернативных точек зрения в политике, праве, экономике и повседневной жизни. НКО формируются непосредственным волеизъявлением граждан, как правило, их появление связано с конкретными жизненными ситуациями, и поэтому они зачастую оказываются ближе к людям, чем государственные структуры, связанные должностной регламентацией и ведомственными, текущими задачами и плановыми приоритетами. По отношению к коммерческим организациям НКО имеют то преимущество, что для них не важен показатель прибыли, а важен социальный результат.

Например, для НКО – политических партий – это завоевание доверия народа и получение наибольшего представительства в органах власти. НКО обеспечивают активное участие различных слоев населения в развитии общества и тем самым снижают возможность исключения тех или иных групп или различных точек зрения в обсуждении проблем и принятии решений; мобилизуют человеческие и финансовые ресурсы на решение проблем развития. Укрепление роли НКО – это свидетельство демократизации общества и проявления высших человеческих качеств – оказание помощи нуждающимся гражданам и обществу в целом.

Демократические преобразования дают возможность гражданам быть более вовлеченными не только в социальную жизнь общества, но и в политическую, экономическую и культурную жизнь страны, а также всего мира. Сильный негосударственный некоммерческий сектор обязателен для развития гражданского общества. НКО являются тем основным механизмом, через который граждане объединяются для продвижения своих общих интересов, защиты групповых или индивидуальных прав, поддержки той или иной линии поведения или выбранного курса.

В отличие от России, законодательство зарубежных стран не содержит определенного понятия некоммерческой организации. Вместо этого дается разбивка по разновидностям юридических лиц, например, «ассоциация», «фонд», «волонтерский центр», «благотворительное движение», «экологический проект» и др. Применительно к каждой разновидности организаций, таких как партии, профсоюзы, конфессиональные общины в зарубежном законодательстве имеется самостоятельный и весьма внушительный массив законов и подзаконной регламентации. Настолько разнообразной и противоречивой, что подчас разобраться

в хитросплетениях норм о такого рода организациях не в состоянии даже опытные юристы. Тем не менее, большинство социальных задач иностранные государства целенаправленно сбрасывают на плечи НПО.

Например, в ФРГ бюджетные средства на миграцию тратятся не МВД, а исключительно передаются в НПО и реализуются в виде социальных проектов поддержки переселенцев, во всех областях начиная от их здравоохранения, до обучения их немецкому языку. Или, например, в Швейцарии по закону о нейтралитете государству нельзя иметь свою внешнюю разведку, но, тем не менее, эта задача успешно решается через НПО. Эта маленькая страна обладает столь мощной и авторитетной разведсетью по всему миру, что ею успешно пользуются США и страны НАТО. Они также склонны решать конфиденциальные государственные задачи через организации, именуемые «неправительственными».

Есть и немало положительного в иностранном законодательстве, например, статус добровольческих организаций, в тех странах, где закон не требует обязательного членства, участия в них. Их существование напрямую связано с суммой добровольных пожертвований или конкретными результатами волонтерского труда [1].

Однако при всей внешней свободе деятельности НКО–НПО иностранные государства имеют жесткие рычаги воздействия и контроля. Согласно нормам конституций западных стран, некоммерческие организации образуются свободно, но когда дело касается политических движений и борьбы за власть, то вступает в силу мощная машина запретов и регламентации. Например, в § 78 Конституции Дании 1953 г. говорится о возможности путем издания судебного решения распустить союзы, подготавливающие или предпринимающие действия для достижения своих целей путем насилия, подстрекательства к насилию или любым другим наказуемым воздействием на инакомыслящих. Конституция Италии запрещает тайные общества и такие объединения, которые, хотя бы косвенно, преследуют политические цели посредством организаций военного характера. В зарубежных конституциях строго оговаривается статус:

- политических объединений (ст. 21 Основного закона Германии, ст. 4 Конституции Франции, ст. 20 Конституции Македонии и др.);
- профсоюзов (ст. 39 Конституции Италии, абз. 1 ст. 23 Конституции Греции, ст. 43 Конституции Хорватии и др.);
- предпринимательских союзов (ст. 7, ч. 2 ст. 37 Конституции Испании, § 4 Конституции Венгрии и др.).

Статьей 30 Конституции Российской Федерации провозглашено право граждан на объединение. Граждане вправе создавать на добровольной основе объединения для защиты общих интересов и достижения общих целей, вступать в существующие объединения либо воздерживаться от вступления в них, а также право беспрепятственно выходить из них.

Статья 2 Федерального закона «О некоммерческих организациях» [2] закрепляет понятие «некоммерческая организация» – это организация, не имеющая извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности и не распределяющая полученную прибыль между участниками. Некоммерческие организации

могут создаваться для достижения социальных, благотворительных, культурных, образовательных, научных и управленческих целей, в целях охраны здоровья граждан, развития физической культуры и спорта, удовлетворения духовных и иных нематериальных потребностей граждан, защиты прав, законных интересов граждан и организаций, разрешения споров и конфликтов, оказания юридической помощи, а также в иных целях.

Правовые основы создания и функционирования некоммерческих организаций предусмотрены положениями гл. 4 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), а также специальными законами, в частности федеральными законами «О некоммерческих организациях», «Об общественных объединениях», «О свободе совести и о религиозных объединениях» и др.

Сегодня в России действуют около 210 тыс. некоммерческих организаций. Динамика изменения их численности показана на схеме, отражающей официальные данные Минюста России [3].

Схема. НКО в России 2008–2022 гг.

Как видно, наблюдается некоторое сокращение количества некоммерческих организаций, за последние пять лет их численность уменьшилась на 6,3 %. В целом это прогнозируемая ситуация, обусловленная последовательной работой упорядочения сфер деятельности некоммерческих организаций, оптимизации порядка их учета и регистрации и др.

Социальная направленность деятельности НКО отражается в сферах их деятельности – их большая часть является социально ориентированными некоммерческими организациями, получающими поддержку от органов государственной власти или местного самоуправления. Так, по мнению Мэра Москвы С. С. Собянина, «сектор НКО играет огромную роль в жизни Москвы. Сотни тысяч сотрудников и волонтеров, десятки тысяч реализованных проектов, которые делают нашу жизнь лучше и добрее. В 2022 г. будет в 1,5 раза – с 400 до 600 млн. руб. – увеличено финансирование ежегодного конкурса грантов для социально ориентированных некоммерческих организаций. Дополнительные средства помогут реализовать проекты адаптации людей с ограниченными возможностями, пойдут на помощь малообеспеченным семьям и ветеранам, помогут сделать множество

других полезных дел. Социально ориентированные некоммерческие организации, зарегистрированные в городском реестре “Душевная Москва”, смогут получить субсидии из бюджета. На эти цели из городского бюджета будет выделено 192 млн. руб.» [4].

Появление некоммерческих организаций историки связывают с ростом профессиональной и социальной активности населения, появлением сословий, целеустремленных общественных движений. Это были разные группы, национальные, религиозные, политические, экономические, хозяйственные и бытовые объединения.

По юридическим актам, дошедшим до нас, первые некоммерческие организации прослеживаются примерно с V–VII вв. и первоначально основывались на патриархальных и сословных интересах. В V в. римское право называет «гетерии» – тайные сообщества единомышленников – богачей и противников демократии. Возникли религиозные союзы и объединения ремесленников. Законы таблиц (D. 47, 22, 4) разрешали союзам с религиозными целями иметь свой устав [5]. Организации подлежали закрытию после того, как цель их создания была достигнута. Изначально возникновение объединений основывалось на идее взаимопомощи, например, благотворительные столовые и приюты, похоронные бюро.

На Руси издревле существовали родоплеменные общины и хозяйственные артели, с принятием христианства правовой формой объединений стали сословия дворян, ремесленников, купцов, охотников рыбаков. Церковь приветствовала подвижничество и бескорыстные стремления людей объединиться ради благого дела. В XVI в. появились юридические акты. Стоглавый собор 1551 г. при Иоанне Грозном закрепил благо общего попечительства бедных на средства самого населения [6]. При царях Федоре Алексеевиче и Петре I юридически оформилось государственное финансирование благотворительности. При Екатерине II дозволены нецерковные организации подданных. Указом от 1775 г. приходы, сельские и городские общины обязывались кормить бедных. В 1785 г. были созданы городские попечительства – первые в России благотворительные общества, ставшие прообразом современных благотворительных некоммерческих организаций. Супругой Павла I, Марией Федоровной, была создана сеть благотворительных заведений, получившая в последующем наименование «Ведомство учреждений императрицы Марии». К началу XX в. ведомство включало свыше 150 учебных заведений и 400 приютов, воспитательных домов, 50 больниц и лечебниц и др. [7]. К 1902 г. в Российской империи было зарегистрировано свыше 10 тыс. благотворительных учреждений, общественных и религиозных организаций, в т. ч. партии, детские объединения. Бóльшая доля денежных средств в сфере благотворительности формировались за счет добровольных пожертвований, лишь четверть средств выделялось государством [8].

В советский период Конституция РСФСР 1918 г. провозгласила: «свободу организаций» и всяческое содействие, материальное и иное, для объединения рабочих и беднейших крестьян в организации [9]. Ряд декретов ВЦИК и СНР, определили порядок создания некоммерческих организаций в первые

послереволюционные годы. К 1928 г. в России насчитывалось порядка 4500 организаций. 6 января 1930 г. было подписано Постановление ЦИК СНК СССР «О порядке учреждения и ликвидации Всесоюзных обществ и союзов, не преследующих цели извлечения прибыли». Затем Положение «О добровольных обществах и союзах», утвержденное постановлением ЦИК и СНК РСФСР от 10 июля 1932 г. Добровольные общества и союзы рассматривались как организации, занимающиеся общественной самодеятельностью, главной задачей которых являлось участие в строительстве Союза ССР, а также содействие укреплению страны. Деятельность данных объединений проводилась согласно плану народного хозяйства.

Понятие впервые было сформулировано в декрете ЦИК 1928 г.: «Обществами, не преследующими целей извлечения прибыли, называются добровольные объединения граждан, которые предметом своей совокупной деятельности избирают постоянную цель, не связанную с извлечением материальных выгод для участников объединения или удовлетворением их экономических потребностей». В 1930 г. в названном Положении появилось новое определение, отражавшее направление развития социально-политической жизни Советского союза: «Добровольные общества и союзы (объединения, клубы, ассоциации, федерации и т. п.) являются организациями общественной самодеятельности трудящихся масс города и деревни, ставящими своей задачей активное участие в социалистическом строительстве Союза ССР, а также содействие укреплению обороны страны... Добровольные общества и союзы (объединения, клубы, ассоциации и т. п.) строят свою деятельность в соответствии с общегосударственным планом народного хозяйства и социально-культурного строительства, а также практически участвуют в разрешении очередных задач Советской власти по соответствующим отраслям социалистического строительства. Научно-исследовательская деятельность обществ и союзов должна строиться на основе, обеспечивающей марксистско-диалектическую проработку вопросов в соответствующих отраслях знаний».

После распада СССР 1991 г. законодательство России о некоммерческих организациях развивалось по мере осознания коммерции и отделения ее от других проявлений общественных объединений. С появлением в стране частной собственности, пришлось выстраивать новую конструкцию правового регулирования. Первыми актами были решения Мэрии Москвы от 29 декабря 1992 г. «О регистрации некоммерческих организаций в г. Москве», и Временное Положение «О негосударственных некоммерческих организациях в г. Москве», утвержденное Распоряжением мэра Москвы от 30 апреля 1993 г. С принятием части первой ГК РФ и федеральных законов «О некоммерческих организациях», «Об общественных объединениях», «О политических партиях» статус НКО получил законодательное закрепление.

Современное определение НКО в п. 1 ст. 2 Федерального закона «О некоммерческих организациях» созвучно изначальному юридическому значению: «Некоммерческой организацией является организация, не имеющая извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности и не распределяющая полученную прибыль между участниками».

Классификация некоммерческих организаций впервые в нашей стране была предложена в 1928 г. по линии НКВД. В официальной документации выделялись следующие виды организаций:

- научные и научно-технические (Русское техническое общество; Всероссийская ассоциация физиков; Всероссийская ассоциация инженеров, советско-германское общество «Культура и техника»; Общество истории и древностей российских, Общество историков-марксистов, Всероссийское общество фотографов – ВОФ, Общество деятелей советского права и др.);

- помощи и взаимопомощи (Международная организация помощи борцам революции – МОПР; Общество спасания на водах – МОСНАВ; Общество по борьбе с детской беспризорностью «Друг детей»; Всесоюзное общество содействия жертвам интервенции и др.);

- культурно-просветительные (Общество поощрения художеств и популяризации художественных знаний; Союз эсперантистов советских стран; Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев; Союз воинствующих безбожников; Общество «Долой неграмотность» и др.);

- музыкально-художественные (Товарищество передвижных художественных выставок, Ассоциация художников революционной России – АХРР, Российская ассоциация пролетарских музыкантов, Русское театральное общество – РТО, Всероссийское Бетховенское общество и др.);

- литературные (Московская ассоциация пролетарских писателей, Общество А.П. Чехова и его эпохи, Литературный центр конструктивистов – ЛЦК, Кружок памяти Ф. Брюсова и др.);

- сельскохозяйственные (Московское общество сельского хозяйства – МОСХ, Русское общество акклиматизации животных и растений, Московское общество пчеловодства и шелководства, Всероссийское общество садоводства и др.);

- спортивные (Красный спортивный интернационал, Военно-охотничье общество московского военного округа и др.);

- национальные (Всероссийское общество земледельческого и ремесленного труда среди ассирийцев – Хаядта, Общество по земельному устройству трудящихся евреев – ОЗЕТ, Американская еврейская объединенная агрономическая корпорация Агро-Джойнт, общество бессарабцев «Прочь руки румынских захватчиков от Бессарабии», общество «Руки прочь от Китая!» и пр.).

В классификацию также входили и так называемые «разные общества» – Московское общество борьбы с алкоголизмом, Общество охраны природы, Вегетарианское общество имени Л.Н. Толстого, Всероссийская ассоциация друзей языка «Идо», Всероссийское общество филателистов и т.д. Большинство общественных организаций имели штаб-квартиру в Москве.

В советский период создавались профсоюзные, культурно-досуговые организации, партийные ячейки на производстве – множество форм свободных коммунистических объединений граждан. Отдельного упоминания требует молодежная организация Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз молодежи (ВЛКСМ). Пионерское движение носило общегосударственный характер коммунистического воспитания юношества.

Согласно ст. 50 ГК РФ все юридические лица в зависимости от цели создания делятся на коммерческие, преследующие извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности, и некоммерческие, не имеющие извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности и не распределяющие полученную прибыль между участниками. Нормы о классификации некоммерческих организаций предусмотрены гл. 4 части первой ГК РФ и Федеральным законом «О некоммерческих организациях». В этой связи их можно классифицировать по следующим критериям:

1. По целям создания:

- социальным, благотворительным, культурным, образовательным, научным и управленческим;
- охраны здоровья, развития физической культуры и спорта;
- удовлетворения духовных, нематериальных потребностей граждан;
- защиты прав, законных интересов граждан и организаций, разрешения споров и конфликтов, оказания юридической помощи;
- иным целям, направленным на предоставление общественных благ.

2. По предназначению для неопределенного (объединения деятелей искусств, профессий) или для ограниченного круга лиц (потребительские кооперативы).

3. По социальной направленности на конкретные группы населения, например, дети-сироты, беженцы, инвалиды, женщины, подвергшиеся насилию в семье, национальные меньшинства, молодежь, вынужденные переселенцы, и др.

4. По формам взаимодействия с государством различают организации, непосредственно получающие бюджетные средства в той или иной форме. Косвенная государственная поддержка может заключаться в предоставлении в пользование государственного имущества, налоговых льгот, преимуществ в получении государственных контрактов.

6. По организационно-правовой форме (ч. 3 ст. 50 ГК РФ):

1) потребительские кооперативы – жилищные, жилищно-строительные и гаражные кооперативы, общества взаимного страхования, кредитные кооперативы, фонды проката, сельскохозяйственные, потребительские и др.;

2) общественные организации – политические партии, профсоюзные организации, органы общественной самодеятельности, территориальные общественные самоуправления и др.;

3) ассоциации (союзы) – некоммерческие партнерства, саморегулируемые организации, объединения работодателей, объединения профессиональных союзов, кооперативов и общественных организаций, торгово-промышленные палаты;

4) товарищества собственников недвижимости (жилья), садоводческие или огороднические некоммерческие товарищества;

5) казачьи общества;

6) общины коренных малочисленных народов;

7) общественно-полезные фонды – благотворительные и личные;

8) государственные и муниципальные общественные учреждения;

9) автономные некоммерческие организации;

- 10) религиозные организации;
- 11) публично-правовые компании;
- 12) адвокатские палаты и объединения;
- 13) государственные общественные корпорации;
- 14) нотариальные палаты и др.

Минюст России и его территориальные органы осуществляют государственную регистрацию, учет и федеральный государственный контроль (надзор) за деятельностью некоммерческих организаций.

По признаку организационно-правовой формы НКО можно разделить на корпоративные и унитарные (ст. 65.1 ГК РФ).

Корпоративными считаются общественные организации, движения, ассоциации (союзы), нотариальные палаты, адвокатские палаты, казачьи общества, общины коренных малочисленных народов и др.

Унитарные – фонды, частные учреждения, автономные некоммерческие организации, религиозные организации, государственные корпорации.

Автономная некоммерческая организация (далее – АНО) является одной из самых популярных форм некоммерческих организаций, это – унитарная некоммерческая организация, не имеющая членства и созданная на основе имущественных взносов граждан и (или) юридических лиц в целях предоставления услуг в сфере образования, здравоохранения, культуры и иных сферах (ст.ст. 123.24–123.25 ГК РФ). В этой форме регистрируются образовательные организации, центры развития культуры и искусства, спорта, детского творчества; организации по поддержке материнства, содействию трудоустройства, помощи гражданам, попавшим в трудную жизненную ситуацию и многие другие. Сегодня в России зарегистрировано более 35 тыс. АНО.

Одной из особенностей АНО является ее право осуществлять приносящую доход деятельность для достижения уставных целей организации. В последние годы широкое распространение получила практика получения АНО грантов и субсидий за счет средств федерального, региональных и муниципальных бюджетов на реализацию конкретных программ в социальной, культурной, спортивной, научной и других сферах.

Одной из ее особенностей как организационно-правовой формы является простота с точки зрения управления и контроля:

- учредителями могут быть одно (или несколько) физических и (или) юридических лиц;
- учредитель может быть и ее руководителем, он же может также осуществлять надзор за ее деятельностью.

Другая ее особенность – осуществление приносящей доход деятельности (предпринимательской и иной приносящей доход деятельности). АНО вправе осуществлять приносящую доход деятельность (не являющуюся предпринимательской) для достижения целей, ради которых она создана и соответствующую этим целям. Для осуществления предпринимательской деятельности АНО создает хозяйственные общества или участвует в них. Она может быть преобразована в фонд.

Общественно полезный фонд – также одна из самых популярных форм некоммерческих организаций (в 2022 г. их насчитывалось около 19 000).

Фонд – унитарная, не имеющая членства, некоммерческая организация, созданная на основе добровольных имущественных взносов с целью формирования имущества и распределения его на благотворительные, культурные, образовательные или иные социальные, общественно полезные цели (ст.ст. 123.17–123.20, 123.40-4–123.20-7 ГК РФ).

Известные деятели культуры, кино, медицины, науки, спортсмены, российские корпорации, банки, учебные заведения создают фонды для оказания помощи. Фонды собирают денежные средства для получения гражданами лечения, способствуют развитию образования, спорта, науки, творчества, культуры, искусства, социальной помощи и защите.

Особенности фондов как организационно-правовой формы:

- учредителями может быть одно (или несколько) физических и (или) юридических лиц;
- обязательно формируется попечительский совет, который выполняет надзорные функции;
- обязан проводить ежегодный аудит, если сумма поступлений за год превышает 3 млн руб.;
- вправе осуществлять предпринимательскую деятельность, при условии, что уставом предусмотрен исчерпывающий перечень видов такой деятельности, а сама деятельность будет соответствовать уставным целям;
- реорганизация не допускается;
- может быть ликвидирован только на основании решения суда, принятого по заявлению заинтересованных лиц.

Можно выделить следующие виды фондов:

- благотворительные;
- общественные;
- формирования целевого капитала;
- личные;
- наследственные.

Общественные фонды являются наследием Федерального закона от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях». После внесения изменений в 2014 г. в ГК РФ они как вид общественного объединения перестали существовать. Общественные фонды, созданные до вступления в силу этих изменений, действуют по-прежнему.

Благотворительные фонды создаются и действуют с учетом требований Федерального закона «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)».

Особенности создания и деятельности благотворительных фондов:

- цели создания благотворительного фонда (ст. 2 Федерального закона № 135-ФЗ);
- благотворительная организация, в т. ч. фонд, не вправе использовать на оплату труда административно-управленческого персонала более 20 % финансовых средств, расходуемых этой организацией за финансовый год. Данное

ограничение не распространяется на оплату труда лиц, участвующих в реализации благотворительных программ.

В случае, если благотворителем или благотворительной программой не установлено иное, не менее 80 процентов благотворительного пожертвования в денежной форме должно быть использовано на благотворительные цели в течение года с момента получения благотворительной организацией этого пожертвования. Благотворительные пожертвования в натуральной форме направляются на благотворительные цели в течение одного года с момента их получения, если иное не установлено благотворителем или благотворительной программой;

- для благотворительных организаций, в т. ч. и фондов, предусмотрены налоговые льготы;

- благотворительный фонд обязан ежегодно опубликовывать отчеты об использовании своего имущества (п. 2 ст. 123.18 ГК РФ).

Фонды формирования целевого капитала создаются и действуют с учетом требований Федерального закона «О порядке формирования и использования целевого капитала некоммерческих организаций».

Особенность данного вида фондов заключается в том, что сформированный целевой капитал не распределяется сразу на программы фонда, а передается в доверительное управление управляющей компании, которая распоряжается сформированным капиталом, и обеспечивает доход от вложенных средств. Управляющая компания выплачивает дивиденды фонду, которые уже расходуются на цели создания фонда. Она обеспечивает стабильную прибыль. Кроме того, доход от банковских операций или инвестирования средств целевого капитала не облагается налогом на прибыль. Фонды управления целевым капиталом создают в основном, университеты, институты, школы, медицинские учреждения.

Личный фонд (наследственный фонд) – относительно новый вид фонда – унитарная некоммерческая организация, учрежденная на определенный срок либо бессрочно гражданином или после его смерти нотариусом, осуществляющая управление переданным ей этим гражданином имуществом или унаследованным имуществом в соответствии с утвержденными им условиями управления. Он может быть создан нотариусом после смерти гражданина в соответствии с его завещанием – наследственный фонд (ст.ст. 123.40-4–123.20-7 ГК РФ). В 2022 г. в России зарегистрирован первый и единственный на сегодняшний день личный фонд – Х. Арушанова, резидента «Сколково», занимающийся разработкой программ искусственного интеллекта. У личных фондов есть перспективы развития в России, они будут весьма полезны для тех НКО, активы которых могут подвергнуться санкциям недружественных стран.

Ассоциация (союз) – объединение юридических лиц и (или) граждан, основанное на добровольном или в установленных законом случаях на обязательном членстве и созданное для представления и защиты общих, в т. ч. профессиональных, интересов, для достижения общественно полезных целей, а также иных не противоречащих закону и имеющих некоммерческий характер целей (ст.ст. 123.1, 123.8–123.11 ГК РФ).

Таким образом, классификация НКО может быть продолжена и по другим критериям оценки их деятельности. Здесь мы коснулись лишь основных видов, которые непосредственно установлены законом.

Некоммерческие организации сегодня – это динамично развивающийся правовой институт, без которого трудно себе представить социальное и экономическое развитие страны. Выступая в июне 2022 г. на экономическом форуме в Санкт-Петербурге В. В. Путин, отметил: «принцип нашего долгосрочного развития – это опора на предпринимательские свободы. Каждая частная инициатива, направленная на пользу России, должна получить максимальную поддержку и пространство для реализации... Пандемия и текущие события подтвердили, насколько важны гибкость и свобода».

Установка Президента Российской Федерации на снижение административного давления в коммерческом секторе, в равной степени относится и к некоммерческим организациям. Здесь мы также должны учитывать и принципы защиты национальных интересов нашей страны от внешнего влияния.

Обеспечивая открытость деятельности общественных объединений, нам предстоит решать задачи национальной безопасности, а именно «свести к минимуму разного рода злоупотребления, лазейки для давления» на Россию извне, пресечь попытки использования некоммерческих организаций в экстремистской, террористической и иной противоправной деятельности.

Именно поэтому некоммерческий сектор во всем его многообразии должен быть отнесен к предмету особого государственного внимания, контроля его деятельности и нормативно-правовой регламентации.

Список литературы

1. Global Civil Society: Dimensions of the Nonprofit Sector. 1999.
2. Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 3. Ст. 145.
3. Официальные статданные Минюста России за 2008–2022 гг.
4. Пресс-релиз Мэрии Москвы. 2022. 24 апр.
5. Макушин Д. С. Некоммерческие организации: история развития, формы НКО и правовое регулирование деятельности // Молодой ученый. 2019. № 13 (251). С. 120–123.
6. Созарукова Г. А. Становление и развитие бухгалтерского учета в некоммерческой общественной организации // Библиотека бухгалтерских и налоговых документов. 2010. № 5. С. 33.
7. Благотворительность в Российской империи.
8. Сфера предпринимательской деятельности и опыт социальной работы в ней.
9. Конституция РСФСР : принята V Всероссийским Съездом Советов 10 июля 1918 г. URL: <https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/>.

Силуянова П. П.¹,
*курсант Института подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

*Научный руководитель: Прудников А. С.,
профессор кафедры конституционного
и муниципального права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации*

ОБЕСПЕЧЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД ЛИЧНОСТИ ПРИ ЗАДЕРЖАНИИ ПОДОЗРЕВАЕМОГО И ПРИМЕНЕНИЕ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ

В настоящее время одной из задач, стоящих перед государством, как отметил Президент Российской Федерации, является защита прав и законных интересов граждан. Одним из направлений защиты таких интересов является сфера уголовного производства, которая призвана обеспечить защиту законных прав и интересов граждан от преступных посягательств. Несмотря на то, что данная сфера деятельности является одной из важных, в то же время в ее деятельности существуют определенные аспекты, требующие дальнейшего внимания со стороны российского общества. Так, например, достаточно важным аспектом уголовно-правовых отношений является защита прав и законных интересов тех лиц, которые совершили запрещенное уголовным законом деяния.

С одной стороны, складываются ситуации, при которой правоохранительные органы, призванные защитить права и законные интересы граждан потерпевших от преступлений, также должны заботиться о соблюдении прав и законных интересов лиц, совершивших правонарушения.

Ряд экспертов до сих пор дискутируют о том, насколько является обоснованным предоставление лицам, совершившим преступления, каких-либо прав и свобод при производстве расследования преступления. Плюрализм мнений в данном вопросе действительно поражает, однако в рамках данной работы не станем углубляться в данный вопрос, а лишь рассмотрим то, какими средствами и методами достигается обеспечение прав и свобод личности в уголовном процессе, в частности такая важная стадия уголовного процесса, как задержание подозреваемого.

Данная стадия характеризуется, прежде всего, тем, что лицо, подозреваемое в совершении уголовно-наказуемом деянии, ограничено в конституционном праве на свободу передвижения, при этом, не имея доказательств о виновности лица в совершении преступления.

¹ © Силуянова П. П., 2023.

Поскольку согласно такому принципу уголовно-процессуального законодательства, как презумпция невиновности, лицо считается виновным в совершении преступления только после вынесения в отношении него приговора суда. Следовательно, на моменте задержания нельзя назвать задерживаемое лицо виновным.

Возникает закономерный вопрос: каким образом государство в лице своих правоохранительных органов компенсирует ущемление законного, конституционного права гражданина пока ещё не признанного виновным в совершении преступления, и каким образом в подобной ситуации государство обеспечит соблюдение других прав граждан, задерживаемых в ходе проведения предварительного расследования.

Законодательство Российской Федерации, а именно УПК РФ под задержанием понимает не только процедуру процессуального оформления временного ограничения свободы лица, но и также сам непосредственный процесс физического ограничения свободы передвижения лица, совершившего преступление. В момент физического задержания акцент взаимных прав и обязанностей двух сторон значительно смещается и зависит в большей степени от того, при каких условиях происходит задержание. Если рассмотреть ситуацию, при которой правонарушитель подчиняется требованиям сотрудникам органов внутренних дел и не оказывает сопротивление, то взаимные права и обязанности выглядят следующим образом.

1. Задерживаемое лицо имеет право:
 - узнать на каком основании задерживают;
 - узнать, кем производится задержание;
 - потребовать от сотрудника предъявить служебные документы, дающие право на задержание и т. д.
2. Одновременно с этим задерживаемое лицо имеет следующие обязанности:
 - подчиняться законным требованиям сотрудника полиции;
 - не оказывать сопротивления;
 - проследовать с сотрудниками полиции в указанное ими место и т. д.

Рассматривая же данную ситуацию со стороны сотрудника полиции, то можно отметить следующее.

Сотрудник в данной ситуации в соответствии со ст. 14 Федерального закона № 3-ФЗ «О полиции» имеет следующие права:

- задержать подозреваемого;
- провести личный обыск, в целях обнаружения предметов, представляющих оперативный интерес;
- применить средства ограничения подвижности и т. д.

Одновременно с этим сотрудник полиции имеет следующие обязанности:

- представиться гражданину, назвать цель обращения и основания его задержания;
- по требованию предъявить служебные документы и т. д.

Как видно в данной ситуации права и обязанности у обеих сторон равные, и также стоит отметить, что права личности на свободу передвижения ограничиваются на основании соответствующего постановления. В случае же если лицо

оказывает сопротивление, то у сотрудника полиции появляется право на применение физической силы и специальных средства, а право лица на неприкосновенность в некотором роде ограничивается до момента преодоления сопротивления с его стороны.

Производство по уголовным делам помимо получения интересующей следствие информации также связано с применением в отношении подозреваемых и обвиняемых мер пресечения, которые в дальнейшем не позволят им заниматься преступной деятельностью либо каким-то образом противодействовать деятельности следователя.

Наиболее распространенной мерой пресечения, применяемой в процессе предварительного следствия, является содержание под стражей. Она связана с ограничением свободы лица и осуществляется в специальных помещениях, в частности в следственных изоляторах. Поскольку данная мера напрямую затрагивает право лица на свободное передвижение, то очевидно, что она может быть применена только по решению суда при наличии достаточных оснований. ¹

На практике это означает, что сотрудник полиции (следователь), прежде чем применить данную меру пресечения, должен собрать достаточно большое количество характеризующего материала на данное лицо, а также представить суду мотивированное ходатайство, в котором были бы изложены все доводы о необходимости избрания именно этой меры. В суд также передаются материалы уголовного дела.

Подобные юридические сложности связаны с тем, что содержание под стражей является весьма серьезной мерой процессуального воздействия на лицо, а также мерой, существенно ограничивающей права данного лица.

Основными документами на данной стадии является решение суда о применении к подозреваемому меры пресечения в виде заключения под стражу на определенный срок. На основании данного решения лицо может быть ограничено в своих конституционных правах.

Другим немало важным вопросом в сфере обеспечения законных прав и интересов граждан при процессуальном задержании является вопрос, связанный с контролем и надзором в данной сфере.

В настоящий момент, согласно законодательству Российской Федерации, функции контроля и надзора закреплены за Генеральной прокуратурой Российской Федерации.

Оставляя в стороне дискуссию о функциях прокурора, в том о противопоставлении деятельности прокурора по изобличению подозреваемого (обвиняемого) в совершении преступления (уголовное преследование) и надзора за законностью предварительного расследования остановимся на таком направлении, как уголовное преследование.

Уголовное преследование, т. е. изобличение нарушивших уголовно-правовой запрет лиц, уже является способом обеспечения и восстановления законности. Осуществляемое от имени государства, прежде всего, органами предварительного расследования уголовное преследование и само должно отвечать требованию законности – важнейшему принципу уголовного судопроизводства (ст. 7

УПК РФ). Несоблюдение органами предварительного следствия и дознания требований УПК РФ может сделать невозможным привлечение к уголовной ответственности лица, совершившего преступление, поэтому осуществляемый прокурором надзор за соблюдением закона в процессе предварительного расследования обеспечивает эффективность уголовного преследования.

Законность предварительного расследования, прежде всего, означает соблюдение закрепленных в законе и гарантированных им прав и свобод участников уголовного судопроизводства. Нарушение прав и свобод личности всегда является нарушением принципа законности, а нарушение требования закона практически всегда ущемляет, ограничивает права и законные интересы человека. Отсюда следует, что соблюдение законности при проведении предварительного расследования – это не формальное соблюдение множества обременительных правовых предписаний, а гарантия прав и свобод лиц, участвующих в уголовном процессе или привлекаемых для выполнения в нем определенных обязанностей. Поэтому предмет прокурорского надзора в уголовном процессе – это, прежде всего, права и свободы личности.

Прокурорский надзор за законностью уголовно-процессуальной деятельности – важнейшая гарантия соблюдения прав и свобод участников уголовного судопроизводства.

В соответствии со ст. 37 УПК РФ в ходе досудебного производства по уголовному делу прокурор уполномочен:

- проверять исполнение требований федерального закона при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях;
- выносить мотивированное постановление о направлении соответствующих материалов в следственный орган или орган дознания для решения вопроса об уголовном преследовании по фактам выявленных прокурором нарушений уголовного законодательства;
- требовать от органов дознания и следственных органов устранения нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе дознания или предварительного следствия;
- давать дознавателю письменные указания о направлении расследования, производстве процессуальных действий и т. д.

Представленные выше права прокурора являются не исчерпывающими, однако они являются наиболее показательными о роли прокурора на стадии предварительного следствия.

В настоящее время система правоохранительных органов, осуществляющих правоохранительные функции в Российской Федерации, выстроена таким образом, что за каждым решением, принимаемым в отношении прав граждан, может последовать незамедлительная реакция специально-уполномоченных органов, которые в праве отменить принятое решение, если оно было принято с нарушением законодательства Российской Федерации.

Следует также отметить, что сама система законодательства построена весьма грамотно, что обуславливает наличие целой системы сдержек и противовесов между различными ведомствами, что является крайне важным в вопросе

обеспечения уголовного судопроизводства и что также немаловажно, обеспечению прав и законных интересов всех участников данного процесса, начиная от стороны обвинения и заканчивая стороной защиты.

Хотелось бы отметить, что вопрос обеспечения прав и законных интересов подозреваемых при задержании и применении к ним мер пресечения является крайне важным, поскольку решение данного вопроса напрямую связано с реализацией данными лицами права на защиту. По-нашему мнению, в настоящий момент в правовой системе России достаточно сбалансировано действуют нормы, закрепляющие права и законные интересы граждан, а также эффективно действуют органы публичной власти, осуществляющие контроль в данной сфере.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/.
2. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (ред. от 21.12.2021) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 24.09.2022) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/.
4. Буглаева Е. А. Участие прокурора в ходе предварительного следствия : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Челябинск, 2011.

Егоров С. А.¹,
заместитель начальника кафедры
конституционного и муниципального права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

УСКОРЕНИЕ ТЕМПОВ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ: ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Формирование и эволюция существующей в настоящее время миросистемы происходит под влиянием нескольких функциональных трендов, к которым относится и один из играющих наиболее определяющую роль – ускорение темпов социального развития. Решение проблем социально-экономического плана на различном уровне является одним из способов достижения стабильности и определения эффективного вектора развития как в отдельных государствах, так и на глобальном уровне. Прослеживается неравномерная интенсификация ускорения темпов и интенсивности движения общества и общественных процессов в пространстве и во времени. Определение научно обоснованного, выверенного представления о влиянии и последствиях ускорения темпов социального развития на эволюцию сложившейся миросистемы является значимой как с теоретической, так и с практической точки зрения.

Причины ускорения темпов социального развития характеризуются многоаспектностью и разнородностью. К ним относятся:

1) научно-технические факторы: взрывное развитие средств связи, информационно-телекоммуникационных сетей, компьютерно-вычислительной техники, научные открытия и достижения, произведенные в XX–XXI вв.;

2) демографические, экономические и военно-политические факторы.

Тренд на возрастание общей численности населения послужил толчком для очередного ускорения темпов социального развития ввиду мультипликации многоуровневых взаимосвязей различной направленности между субъектами процессов, протекающих в обществе и мире в целом. Тренд на возрастание и осложнение политических и военно-политических процессов, происходящих в мире, также оказал заметное влияние на скорость социального развития миросистемы. Акторы, принимающие участие в таких процессах, вынуждены адекватно и своевременно реагировать на возникающие вызовы. Характер и уровень возникающих угроз диктуют необходимость незамедлительной реакции на них. Так, массированный артобстрел Цхинвала грузинскими войсками 8 августа 2008 г. привел к тому, что уже днем 8 августа Президент Российской Федерации объявил о начале «операции по принуждению к миру» на территории Южной Осетии. 14 августа 2008 г. Грузией было принято решение о выходе из состава СНГ. 26 августа 2008 г. Российская Федерация официально признала Южную Осетию и Абхазию независимыми государствами. Ситуация постепенно перешла в сферу международной политики, принимая во внимание посредничество в разрешении

¹ © Егоров С. А., 2023.

конфликта французского Президента Саркози, резолюцию Парламентской ассамблеи Совета Европы и вовлеченность других акторов международной политики. Таким образом, событие, произошедшее на региональном уровне, проходит стадию мультиплицирования и дифференциации, перехода в иное качество, что приводит к последствиям, в т. ч. и на глобальном уровне. Социально-политическая история ускоряется, становится все более интенсивной, а количество исторических событий в определенных периодах времени увеличивается. Следует отметить, что интенсификация исторических событий происходит не всегда равномерно, а случаются и периоды ее ослабления, затормаживания. Мнение ряда исследователей о том, что в периоды кризисов, возникающих в обществе, ускорение исторического процесса несколько замедляется, на наш взгляд, верно в случае экономического характера возникающих кризисных явлений. Кризисы в экономике оказывают влияние на экономический рост в мире, а экономический рост оказывает непосредственное влияние и на развитие научно-технического прогресса, потенциала акторов. Однако, на наш взгляд, кризисы, обусловленные военно-политическими факторами, могут двойственно повлиять на темпы социального развития. С одной стороны, кризисная ситуация в военно-политической сфере может резко увеличить количество исторических «событий», с другой – возможный негативный характер развития таковых может в более длительном плане оказать замедляющий эффект на интенсивность событий в глобальном аспекте (резкое ухудшение демографической ситуации, утрата коммуникационных возможностей и др.) Вывод исследователей о разрыве между общественным бытием и общественным сознанием заслуживает особого внимания. Неумение, а порой и нежелание общества реагировать на обусловленные ускорением развития вызовы приводит к множеству негативных явлений. Ориентированность на удовлетворение собственных интересов в условиях современных интеграционных процессов, развития общности идей и представлений о будущем, целях и основах устройства может быть охарактеризована как «outdated», устаревшая установка сознания, требующая многоплановой модернизации, как внешней, со стороны региональных и глобальных институтов, способных оказывать влияние на процессы, так и внутренней. Общество, индивид, общественные объединения и институты гражданского общества в целом также могут сыграть позитивную роль в преодолении разрыва между бытием и сознанием через механизмы реализации своих, а в условиях глобализации и интеграции и общих, интересов.

Для более полного представления о влиянии и последствиях ускорения темпов социального развития на эволюцию сложившейся миросистемы может иметь определенное значение тезис о том, что событие, произошедшее на региональном уровне, может проходить через стадию трансформации в иное качество, что приводит к последующим событиям, в т. ч. и глобального характера. Кризисы, обусловленные военно-политическими факторами, могут двойственно повлиять на темпы социального развития. Ориентированность на удовлетворение собственных интересов в современных условиях может быть охарактеризована как устаревшая установка, требующая многоплановой модернизации как с внешней стороны, так и изнутри.

Список литературы

1. Богатуров А. Д. Между силой и влиянием государств // Сравнительная политика. 2017. Т. 8. № 1 (26).
2. Истомин И. А. Логика поведения государств в международной политике. М. : Аспект Пресс, 2018.
3. Мегатренды. Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке : учебник / под ред. Т. А. Шаклеиной, А. А. Байкова. М. : Аспект Пресс, 2017.
4. Современные глобальные проблемы / под ред. А. С. Дундич. М. : Аспект Пресс, 2010.
5. Современные международные отношения : учебник / [А. В. Худайкулова и др.] ; под ред. А. В. Торкунова, А. В. Мальгина. М. : Аспект Пресс, 2017.
6. Шаклеина Т. А. Россия и США в мировой политике. 2-е изд., исп. и доп. М. : Аспект Пресс, 2017.
7. Худайкулова А. В. Новое в управлении международными конфликтами // Международные процессы. 2016. Т. 14. № 4 (47).
8. Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. URL: <https://www.mid.ru>.